

ЗВЕЗДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

Путь Князя

Роман Злотников
Путь Князя (сборник)

«ЭКСМО»

2015

Злотников Р. В.

Путь Князя (сборник) / Р. В. Злотников — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78907-8

«Путь Князя» – цикл, состоящий из пяти произведений. В одном из них описывается Москва XXI века, в другом – будущее Земли в эпоху великих космических открытий, в третьем читатель продолжает путешествовать по бескрайнему Космосу и встречается с живыми существами, только... земляне ли это?.. Что же является объединяющим стержнем для всех книг? Это долгий и нелегкий путь Князя, с которого не свернуть. Но не каждому суждено вступить на этот путь. Кто-то может стать Воином. Кто-то так и останется Крестьянином. И дело не в статусе, власти или профессии. А в мере ответственности за этот мир, которую ты готов взять на себя... Впервые весь цикл под одной обложкой!

ISBN 978-5-699-78907-8

© Злотников Р. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Атака на будущее	6
Интермеццо 1	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	32
Интермеццо 2	39
Глава 5	41
Глава 6	48
Интермеццо 3	55
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	72
Глава 10	79
Интермеццо 4	86
Глава 11	88
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Роман Злотников

Путь Князя (сборник)

© Злотников Р., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Атака на будущее

Пальцы привычно ухватили чашку и поднесли ее к губам. Глоток. Невольная гримаса. Кофе совершенно остыл и превратился в безвкусную, мутноватую коричневую бурду. Короткий взгляд на часы, а затем в окно. Светает. Да-а, вот тебе и профессиональные навыки... Три года журналистской практики – вроде как уже можно научиться связно излагать свои мысли или обрабатывать чужие, а на экране пока ни строчки.

Только в голове крутятся обрывки воспоминаний и перед глазами встают картины прочитанного, заставляя то мотаться на кухню заваривать себе крепкий кофе, то нервно курить у открытой форточки, то просто сидеть, уставившись в мерцающий экран ноутбука...

А ведь какая небрежная улыбочка играла на губах, когда *остальные* отдавали свои исписанные листочки. Мол, чепуха – раз плюнуть! Ну подумаешь, задача – *вспомнить все*...

Еще один взгляд в окно. Ночь уже подошла к концу, а кто-то из великих призывал: «Ни дня без строчки!» Что ж, поверим...

Короткий вздох. Пальцы коснулись клавиш клавиатуры, и спустя мгновение на экране появилось первое слово...

Интермеццо 1

Он возник из ниоткуда. Всего лишь мгновение назад в небе ничего не было. Только низкие тучи, из которых лениво-небрежно моросил то ли первый весенний апрельский дождь, то ли последний зимний снег. Очень мелкий и мокрый. И вдруг появился ОН.

Человек, иногда интересующийся авиационной техникой либо просто заядлый любитель авиасимуляторов, скорее всего, опознал бы в этом аппарате когда-то страшно засекреченный, а ныне небывало разрекламированный американский ударный самолет-невидимку F-117 «Nighthawk». Опытный специалист обратил бы внимание на то, что это какой-то необычный «Nighthawk». Но и тот и другой немало озадачились бы тем, что делает этот пресловутый «Nighthawk» здесь, в самом сердце России, над 113-м километром Киевского шоссе.

Между тем три человека, которые в этот поздний (или, вернее, уже ранний) час молча стояли на обочине, появлению этого аппарата ничуть не удивились. Более того, судя по тому, как они оживились, едва в небе возникла эта несуразная угловатая тень, похоже, именно его они и ждали.

Тень почти бесшумно промелькнула над их головами и, заложив разворот где-то там, в ночном мраке под низкими тучами, вернулась уже на гораздо меньшей скорости. Похоже, пилот этого «Nighthawk» был настоящим асом, потому что только настоящий ас смог бы вот так, без приводного маяка, без коррекции с земли, всего с одного разворота вывести аппарат на посадочную глиссаду и очень точно притереть его на узкую, неосвещенную асфальтовую полосу, зажатую с двух сторон алюминиевыми разделительными барьерами высотой более полуметра.

Аппарат пробежал по асфальту и мягко притормозил прямо напротив тройки встречающих. Спустя мгновение в левом борту аппарата возникла щель, через секунду превратившаяся в контур проема люка, створка которого начала медленно опускаться вниз, преобразуясь в неширокий трап со встроенными в него ступенями. Наконец трап коснулся асфальта. И почти в то же мгновение в проеме люка, освещенном изнутри тусклым мягким красноватым светом, после которого глаз проще всего адаптируется к темноте, нарисовалась невысокая крепкая фигура. Судя по всему, эта фигура имела отношение к силовым структурам и явно занимала там весьма значительный пост. Потому что трое встречающих инстинктивно выравнялись в линию и слегка выпятили грудь. Задержавшись на первой ступеньке трапа, прибывший окинул взглядом окружающий пейзаж (сейчас слабо различимый, но что тут смотреть – лес и асфальт), низкое, нависающее небо, продолжавшее плевать на них снегом и дождем, и начал степенно спускаться вниз.

Шагнув на асфальт, он придиричиво осмотрел встречающих, а затем... переключил лицо в режим широкой белозубой улыбки и, дружески подмигнув, пророкотал:

– What nasty weather you have! Is it common here?¹

– No, it's not, general!² – почтительно ответил один из встречающих и добавил: – It is spring now³.

– Well I mean the same⁴, – кивнул тот, кого называли генералом, – it's spring, but it's as humid and as in winter. If to compare with the weather where I live⁵.

---

¹ Ничего себе погода! Здесь что, всегда так? (англ.)

² Никак нет, господин генерал! (англ.)

³ Здесь сейчас весна (англ.).

⁴ Вот я о том и говорю (англ.).

⁵ уже весна, а сыро и холодно, как зимой. Если сравнивать с домом, естественно (англ.).

- Exactly, sir⁶, – кивнул все тот же встречающий. Похоже, он был среди них старшим.
- Well, the weather does not matter I think, it won't prevent from our mission. The United States expect us to do our best. We won't let them down will we, my fellows?⁷
- Exactly, sir, – отозвались теперь уже все трое.
- I haven't doubted you⁸, – одобрительно кивнул генерал и, повернув голову, бросил взгляд на три темные машины, припаркованные прямо посередине встречной полосы.
- Are those local means of transport?⁹
- Yes, sir, – вновь ответил старший и, чуть склонившись вперед и снизив голос, тихо произнес: – But the local dialect here is *russian*¹⁰.
- Генерал окинул его насмешливым взглядом.
- Вы полагаете, я это не знаю? – произнес он уже по-русски.
- Нет, господин генерал, – старший среди встречающих слегка стушевался. Генерал по-отечески похлопал его по плечу.
- Ничего, сынок, спасибо за заботу, – он вновь повернулся к машинам.
- И что вы нам добыли?
- Это автомобили с бензиновым двигателем. Марки «БМВ-735». В этой стране есть небольшой завод на западе, на котором они собираются. Поэтому они не редкость среди местной государственной элиты. К тому же вот, – он указал рукой на автомобильный номер, на котором в углу вместо цифр, обозначающих регион, было изображение государственного флага России, – с подобным регистрационным номером здесь можно передвигаться совершенно спокойно. Здесь столь высок уровень коррупции, что местные «слуги народа» придумали себе даже особые номера, машины с которыми местной полиции... виноват, милиции останавливать не рекомендуется.
- Генерал нарочито восхищенно цокнул языком.
- И как вам удалось их достать?
- Я их купил, господин генерал.
- Купил?!
- Старший расплылся в улыбке.
- Я же сказал, господин генерал, здесь *очень* высокий уровень коррупции.
- Отлично, сынок, – одобрительно кивнул генерал и, развернувшись к люку, махнул рукой. Тотчас же в проеме появились и начали спускаться по трапу еще несколько фигур. – Я привез одиннадцать ребят. Поместимся?
- Да, сэр. В эти автомобили влезает пятеро.
- Тогда размещаем оборудование в багажных отсеках, и вперед. Надеюсь, с... – Генерал на мгновение запнулся, как будто подыскивая определение, но затем тотчас продолжил: – Операционной базой у вас все улажено не хуже, чем с машинами?
- Да, господин генерал, – кивнул встречающий, – я снял два пентхауса в одном из новых высотных зданий. Это по местным меркам элитное жилье. Хотя вы, несомненно, сочтете его довольно отсталым. Но... – встречающий развел руками.
- Ничего, сынок, – усмехнулся генерал, – мне не привыкать к полевым условиям. Надеюсь только, что ты не разорил Управление?
- Нет, господин генерал, – старший расплылся в улыбке, – цены здесь, конечно, довольно высоки, даже по нашим меркам, но среди значительной части тех, кто причисляет себя к мест-

---

⁶ Так точно, сэр (*англ.*).

⁷ Ну ничего. Я думаю, это не помешает нам выполнить нашу миссию. Объединенные Государства ждут от нас этого. И мы их не подведем, не так ли парни? (*англ.*)

⁸ Я в вас и не сомневался (*англ.*).

⁹ Это местные средства передвижения? (*англ.*)

¹⁰ Прошу прощения, сэр, но местный диалект здесь – русский (*англ.*).

ной элите, популярно, м-м-м... – старший замялся, подбирая слово, – беспорядочное потребление наркотиков. Так что... мы вполне в бюджете.

Генерал удивленно покачал головой. Местная элита?! Вот уж чего он не ожидал, так этого. Нет, то, что элита время от времени использует различные стимуляторы, было вполне понятно и объяснимо. Ибо бремя тех, кто является элитой общества, невероятно тяжело. И обычных человеческих сил и способностей, что даны природой, а затем развиты и натренированы всей жизнью, время от времени просто не хватает. Если, конечно, это истинная элита, ясно осознающая лежащее на ее плечах бремя... Их исследовательский отдел даже провел по материалам последней глобальной войны серьезное исследование, в ходе которого была выведена зависимость типа принятия решений и формы их реализации от вида и типа стимуляторов, используемых высшим командным составом противоборствующих сторон и их союзниками. Но чтобы, как он понял из сказанного, местная, так сказать, элита, как какое-то быдло, нюхала, кололась и жрала наркотики, да еще находила в этом некое, так сказать, *элитное* удовольствие... Генерал удовлетворенно кивнул.

– Что ж, похоже, у нас гораздо больше шансов выполнить свою миссию, чем я предполагал изначально.

– Да, господин генерал...

Между тем все прибывшие уже загрузили довольно объемные баулы, которые они выволокли из брюха «Nighthawk», в багажники и расселись по машинам. Двое из встречающих, помогавшие с погрузкой, также заняли свои места в водительских креслах.

Генерал вновь окинул взглядом пустынное шоссе и, полуобернувшись к «Nighthawk», сделал легкое движение ладонью. Трап «Nighthawk» вздрогнул и медленно пополз вверх, закрывая проем люка. Затем «Nighthawk» тронулся вперед, быстро набрал скорость и, оторвавшись от асфальта, мгновенно исчез в ночной тьме. Проводив его взглядом, генерал повернулся к старшему и спросил:

– Вокруг никого?

– Да, господин генерал. Еще около часа. Я... опасался возмущений.

– Ну, как видишь, сынок, мы с этим справились.

– Да, господин генерал, вы были потрясающе точны, – поддакнул старший.

– Илу – прекрасный пилот.

– Так вас доставил сам Илу? – удивился старший с явно заметным благоговением в голосе.

– Я же тебе сказал, сынок, – наша миссия очень важна, – усмехнулся генерал и, повернувшись, неторопливо двинулся к ближайшему к нему автомобилю. Старший рванул вперед и, обогнав генерала по пологой дуге, услужливо распахнул перед ним дверцу. Генерал одобрительно кивнул и опустил свой зад на мягкую кожу кресла. Спустя пару мгновений старший захлопнул дверцу и, окинув настороженным взглядом пустынное шоссе, скользнул за руль. Через несколько секунд все три «БМВ» одновременно взрыкнули моторами и, расцветившись яркими огнями фар и задних габаритов, вывернули колеса и, быстро набрав скорость, ушли в сторону Москвы.

Некоторое время шоссе и окружающий его лес оставались пустынными, но затем на опушке внезапно появилась одинокая фигура. Человек вышел из леса, перебрался через алюминиевый барьер ограждения, ловко подобрал полы длинного плаща, и, поправив висящую на плече небольшую котомку, присел на корточки, что-то разглядывая на асфальте. Хотя что там можно было разглядеть в такую темень да еще и под этим уныло моросящим дождем? Но человек, как видно, все-таки что-то разглядел. Потому что спустя минуту он выпрямился и, вновь поправив котомку, мерным неспешным шагом двинулся на север, в сторону Москвы, туда, куда несколько минут назад уехали три «БМВ»...

Глава 1

На первую пару Данька опоздал. Нет, проснулся он вовремя (ну почти) и вышел как положено (правда, держа бейсболку в зубах, застегивая на ходу ремень и стараясь не наступить на болтающийся шнурок левой кроссовки). Так что теоретически у него действительно были все шансы успеть к первой паре. А куда деваться? Михаил Ааронович (естественно, имевший прозвище Макароныч) слыл среди студентов настоящим «зверем», поскольку не только гонял всех на зачетах и экзаменах, но и рьяно отслеживал присутствие на лекциях и даже совал нос в конспекты. Но тут позвонил Билл... То есть это потом выяснилось, что звонит Билл. А в тот момент Данька, как раз присевший у бордюра, чтобы завязать этот проклятый шнурок (когда сбегал по ступенькам – чуть не грохнулся), вздрогнул от звука телефона, противно заверещающего в рюкзаке. Вот черт, опять забыл отключить звук. А ведь Макароныч уже предупреждал, что тот, у кого на лекции зазвонит мобильник, может даже не появляться на зачете. Данька чертыхнулся про себя, пальцы дернулись (от чего проклятый шнурок затянулся в узел), и, ругнувшись уже вслух, потянул из-за спины рюкзачок...

– Джавецкий, сегодня в три в сквере у Малого.

У Даньки екнуло под ложечкой.

– Билл, у меня до полтретьего лекции.

– Твои проблемы, – отрезал Билл и отключился.

Данька уныло сморщился и бросил взгляд на отключившийся мобильник. Вот так он всегда. «Твои проблемы, твои проблемы...» А если у людей времени нет? Данька сунул мобильник в рюкзак и, покосившись на предательский шнурок, решительно выпрямился. Так – на первую пару все равно опоздал. Уже десятый час, и Макароныч в аудиторию все равно не пустит. Да и не до лекций теперь. Во время прошлого *погружения* у него окончательно сдох аккумулятор налобника, а новый он за неделю купить так и не удосужился. Значит, теперь нужно срочно мчаться в центр и покупать. Конечно, будь у него время, он бы метнулся на Горбушку, там всяко дешевле, но аккумулятор надо еще успеть зарядить, и все это до трех, вернее до двух – к Малому надо успеть вовремя, потому что у Билла не забалуешь. Пять минут опоздания и – фьюить! Гуляй, Вася... Так что день сегодня спланировался сам собой. Хотя... хоть какое-то облегчение.

Когда Данька ввалился в комнату, Анзор, которого «колбасило после вчерашнего», отчего он с утра даже не рассматривал вопроса своего присутствия на занятиях, приподнял голову и удивленно уставился на него.

– Чего случилось?

– Да-а... – Данька махнул рукой, – погружение у нас сегодня. Надо срочно лететь за аккумулятором.

– А-а, – понимающе кивнул Анзор и вновь удобно устроился на кровати, аккуратно уложив затылок на сцепленные руки и устремив взгляд в потолок.

– Не понимаю я тебя, Данька. И чего такого интересного в этом твоём диггерстве, да (ну было у него такое слово-паразитик)? Вонь, грязь, темнота... – Когда Анзору было нечего делать, он любил пофилософствовать. – ...И вообще, занялся бы чем-нибудь полезным, да...

Полезным в понимании Анзора было то, что приносило деньги. Он вообще отличался деловым подходом к жизни. Например, возвращаясь с каникул, он всегда вез с собой баул-другой, набитый фруктами, бастурмой и домашним вином. Каковые выгодно пристраивал по землякам, торгующим на рынках. Впрочем, жадиной Анзор не был, и первую неделю после каникул вся их секция с удовольствием наворачивала домашнюю бастурму и запивала ее молодым вином.

– ...хоть бы газеты продавал, что ли, да?

Данька уже давно научился не обращать внимания на разглагольствования Анзора, но предположение, что какая-то там продажа газет круче, чем диггерство, его задела.

– И ничего там не воняет. И вообще, мы открываем неизвестные страницы истории страны, укрытые в глубинах земли, – привычно выдал Данька заученный набор фраз.

– Неизвестные страницы стоит открывать, когда ознакомился с известными, да, – настаивательно воздев палец, заявил Анзор. – Ты вот в Москве уже второй год, а разве в Третьяковке был? Или в Коломенском, да?

Данька скуксился. Дело в том, что он еще в первую неделю, когда их с Анзором поселили в одной комнате в общежитии, развернул перед соседом обширную программу своей культурной жизни в столице. И в Третьяковку он, мол, обязательно ходит, и в Политехнический музей, и в Кремль... ну и так далее. Но за прошедшие полтора курса эта программа оказалась выполнена едва на десять процентов. Все время находились какие-то дела, и жутко не хватало времени...

– А ты? – огрызнулся Данька.

– А я и не утверждаю, что открываю для себя какие-то там страницы истории, да. Мне вполне хватает и тех, которые я уже открыл, – рассудительно заявил Анзор, – у меня другие интересы, да.

– Это какие же? – ехидно поинтересовался Данька. – По ночным клубам шляться?

Анзор картинно вздохнул и патетически вскинул руки.

– И вот с этим глупым и малообразованным человеком я живу! Поймите, уважаемый Даниил, в ночных клубах и шумных дискотеках я не просто убиваю время и спускаю денежные эквиваленты стоимости моего труда и труда моей семьи. Я... изучаю людей!

Неизвестно, сколь долгим оказался бы начатый монолог, но в этот момент из-под головы Анзора раздались звуки музыкальной темы из сериала «Бригада». Анзор тут же вскинулся и, выудив из-под подушки мобильник, прижал его к уху.

– Алло? Да, дядя... – и тут же перешел на армянский.

Данька хмыкнул и, закинув освобожденный от конспектов рюкзачок за спину, выскочил за дверь. В сквере у Малого Данька появился, когда Билл уже начал инструктаж. Данька потихоньку присоединился к группе, скорчил умоляющую рожу покосившемуся на него Биллу и замер, исподтишка оглядываясь. Так – Веня, Лысый, Гаджет, Немоляева, Барабанщица (вот черт, и эта язва здесь, хоть бы одно погружение пропустила)... а Кота не видно. Его и в прошлый раз не было. Завязать, что ли, решил? Впрочем, Кот мог себе позволить пропустить пару-тройку погружений. Он пришел в диггеры вместе с Биллом и потому имел некоторый авторитет. Даже иногда ходил лидером.

– ...плотной группой. Маршрут новый, нехоженный. Смотреть в оба. Все понятно?

Народ утвердительно загудел. Билл высокомерно кивнул (он всегда держался этак высокомерно-отстраненно) и, внезапно развернувшись к Даньке, бросил на него строгий взгляд.

– Джавецкий, аккумулятор поменял?

Данька слегка порозовел. Аккумулятор-то он купил, но зарядить его полностью так и не успел. Заряда должно хватить в лучшем случае на пару часов работы. Даньке не хотелось выглядеть в глазах окружающих человеком необязательным и безалаберным. Да и о сегодняшнем погружении, если скажешь правду, можно забыть. У Билла с этим строго: не готов – не идешь. А значит, все усилия сегодняшнего дня окажутся бесполезными. Поэтому Данька напряг все свои актерские способности и, добавив в голос толику возмущения (ну как ты мог сомневаться), ответил:

– Ну конечно, Билл!

Тем более что формально ответ был чистой правдой. Ведь аккумулятор в налобнике действительно был новье...

Пока они шли переулками, Данька нагнал Гаджета и, дернув его за рукав, тихо спросил:

– Привет... А че такая спешка-то?

– Привет... – отозвался Гаджет, – да вроде как маршрут новый открылся. Слышал, в пятницу на Маросейке провал образовался? Вот из-за него.

– Ну и че? – пожал плечами Данька. – Мало ли таких провалов? И че, по каждому ходить?

– Так этот – по старым «норам», – округлил глаза Гаджет, – вроде как еще царским. Ходят слухи, что там уже Конь шлялся со своими. Тако-ое рассказывают... Если правда, то такой маршрут долго открытым не останется. Тут же «дятлы» перекроют.

– А-а, – понимающе кивнул Данька и замолчал, обдумывая услышанное. В принципе, все складывалось вполне удачно. Если маршрут новый, то надолго они туда не полезут. Билл всегда был лидером осторожным. А значит, заряда аккумулятора вполне должно было хватить на все погружение.

– Слышь, – встрепенулся Гаджет, – я тут один гаджет для мобилы видел. Отпад!

Но затянуть обычную шарманку, из-за которой он и получил свое прозвище, ему не дал Билл. Он обернулся и строго уставился на Гаджета. Тот сразу увял.

Вниз они полезли через знакомый всем дигтерам подвал одного из старинных купеческих домов, затерявшихся в многочисленных старомосковских переулочках. Это только непосвященным кажется, что дигтеры опускаются в подземелье исключительно через обычные канализационные люки, да еще расположенные посреди оживленной улицы. На самом деле входы (даже те же самые люки) обычно располагаются в довольно укромных местах. Ну не переться же через весь город в непромокаемой робе и каске с налобным фонарем на голове. Так что все снаряжение приносят к месту входа в рюкзаке или сумке и только там надевают. А «цивильную» одежду, наоборот, прячут в мешок, предварительно упаковав в герметичный целлофан. Ибо, что бы там Данька ни говорил Анзору, в «норах», мягко говоря, пахнет. И возвращаться в метро, старательно делая вид, что не замечаешь, как люди вокруг тебя зажимают носы и отворачиваются, не очень-то приятно...

Когда они переоделись, Билл остановил группу и придирчиво осмотрел каждого.

– Так, включить налобники... Лысый, Барабанщица – фонари... Гаджет – лопата... Веня, топорик?... Отлично... Джавецкий, веревку взял?... Ну-ну... Двинули.

И они двинули.

Первые триста метров маршрут был знакомым и не раз хоженным. Затем они свернули влево, прошли один из старых коллекторов и двинулись, так сказать, нехоженными тропами...

Спустя час Гаджет, очередной раз провалившись в какую-то яму, остановился и, усевшись на выступавший из стены древнего хода камень, принялся развязывать ботинок, бурча под нос:

– Нет, ну на хрен мне такие приключения? Тоже мне, древние ходы... пыль, песок, корни в рот лезут. Лбом аж два раза приложился. В ботинках уже пять килограммов песка... А Билл прет как заведенный. Похоже, Конь нас всех поимел...

Данька, который тоже вымотался от этого бессмысленного протискивания сквозь полузасыпанные ходы и галереи, присел рядом, прислонившись спиной к холодной стенке хода. Во рту он чувствовал противный привкус. Пять минут назад, минуя очередное сужение, он неудачно вдохнул и втянул ртом свешивающегося сверху дождевого червяка. Нет, червяка-то он выплюнул почти сразу, но привкус остался и, сколько он ни сплевывал, никак не желал проходить. К тому же где-то рядом располагался старый канализационный коллектор и почва вокруг явно пропиталась фекалиями. Так что пахло тоже... не очень.

– Ладно, – буркнул Гаджет, покончив со вторым ботинком, – двинулись. И так уже отстали вон как. Сейчас Билл нам такого навставляет...

– Да он и не заметит, – отозвался Данька, – прет, как лось. К тому же, зуб даю, за тем поворотом опять сужение и народ всем скопом пропихивает Немоляеву. Вон, гляди, отсветы от фонарей.

Гаджет хохотнул.

– Да уж, с Танькой мы повозились...

Однако их надеждам не суждено было сбыться. За поворотом коридор, наоборот, резко расширился, а еще метров через двадцать вообще разделился на три. А свет, принятый ими за отсветы фонарей, лился из какой-то дыры сверху, которая перекрывалась слабо колышущимся на сквозняке клубком корней.

– Да-а, дела, – озадаченно протянул Гаджет, – и куда это Билл смотрит? У него, можно сказать, полгруппы отстало, а он...

– Я ж тебе сказал – прет, как лось, – уныло отозвался Данька, – это у него, считай, первый новый ход за три года. Мне Кот рассказывал. Вот он и рванул.

– И че будем делать? – задал вопрос Гаджет.

Данька пожал плечами.

– Не знаю. Ждать надо... Рано или поздно Билл заметит, что нас нет, и вернется.

– И такого нам навалиет... – констатировал Гаджет. Что было совершеннейшей правдой. Остановки на погружении делались только по решению лидера. Либо, в случае чего-то экстраординарного, с обязательным оповещением старшего и по его разрешению. Причем останавливалась вся группа. Вместе. А они остановились самостоятельно, да еще и не сообщив лидеру. За это дело их вполне могли и даже должны были вышибить из группы. Впрочем, после сегодняшнего погружения подобное наказание как-то не казалось им такой уж трагедией, но это означало, что надо было снова придумывать себе какое-нибудь увлечение. К тому же слух о том, что ты не сам ушел, а тебя вышибли из группы, тоже не добавлял авторитета среди приятелей и (что едва ли не важнее) приятельниц. Как имеющих, так и потенциальных. Уж поверьте, всегда найдутся люди, готовые совершенно бескорыстно рассказать о тебе всякую гадость...

От подобной перспективы оба слегка посмурились.

– Слушай, – вскинулся Гаджет, – а чего просто сидеть? Давай по-быстрому обследуем ходы. Билл явно ушел по какому-то одному из них. А два других еще не хожены. Вдруг обнаружим чего интересное. И с Биллом тогда легче договориться будет.

Данька поежился. Правила гласили, что отставшие члены группы должны оставаться на месте и ждать, пока группа вернется за ними назад по маршруту. С другой стороны, судя по всему, они действительно крупно навались, и если не произойдет чего-то необычного, то от исключения им не отвертеться. Он вздохнул. Нет, ну надо же было так вляпаться! Сегодня точно не его день. И к Макаронычу не попал, и отстал вот... Перед первым погружением Билл заставил их выучить наизусть правила, и поначалу они делали все как надо. А потом, спустя полгода, почувствовав себя крутыми диггерами, потихоньку расслабились. Притормозить, чтобы вытряхнуть песок из ботинка или заглянуть в боковое ответвление, стало уже вроде как в порядке вещей. Мол, все эти правила для сосунков, а мы уже ого-го... Вот и навались...

– Ну так чего, идем?

– А правила?

– Да мы недалеко. К тому же единственный шанс договориться с Биллом – только если мы действительно что-то отыщем. А то – все, кранты!

– А если, пока нас не будет, ребята как раз вернутся?

Гаджет задумался.

– А давай так – сначала я схожу, а ты здесь покараулишь, а потом ты.

Лезть в незнакомый ход в одиночку вообще было полным идиотизмом, но Даньке в тот момент подобный расклад показался наиболее приемлемым. В конце концов, Гаджет мог обнаружить что-то интересное сразу же, и ему, Даньке, не придется никуда лезть...

Гаджет вернулся буквально через пару минут. Страшно недовольный.

– Там завал... и лужа, – сообщил он, – я ногой вляпался. Ботинок полный. Так что давай, иди, а я хоть воду вылью и носок выжму.

Данька молча кивнул и уставился на два оставшихся хода. Интересно, в какой двинулся Билл? Не хотелось бы встретиться с ним лоб в лоб и принять на себя первую, самую горячую порцию его недовольства.

– Ну, чего ты? – послышался из-за спины голос Гаджета. – Лезь в правый. Если ходов больше двух, Билл всегда прет в центральные, считает, что боковые ведут в тупики и их можно будет обследовать позже, когда «пробьет» весь маршрут.

– Угу, – буркнул Данька и нехотя двинулся в правый ход.

Первые метров восемь ход сужался, и Данька даже с облегчением подумал, что скоро протиснуться дальше будет невозможно и он со спокойной душой вернется к Гаджету, но ход вдруг резко расширился и после поворота вывел Даньку во что-то вроде небольшого коллектора. Данька остановился и огляделся. Слева и справа в стенах расширившегося хода виднелись две небольшие ниши, а впереди смутно вырисовывалась арка, ведущая в следующий коридор. Правая ниша была почти пуста – лишь на небольшом каменном выступе, расположенном в верхней ее трети, виднелся какой-то буро-зеленый комок (Данька видел такие на снимках, которые показывал Билл, считалось, что это окончательно изъеденные ржавчиной металлические предметы – молотки, лампы, подсвечники или что-то еще), в левой на полу лежала какая-то куча. Данька попытался разглядеть, что там такое, не приближаясь, но, похоже, аккумулятор выбрал как раз этот момент, чтобы объявить о том, что он разрядился. Луч налобника изрядно ослаб и пожелтел. Данька вздохнул, сделал шаг вперед, другой и... вздрогнул. В нише, среди кучи истлевшего тряпья и всякого мусора, отчетливо белела решетка человеческих ребер. Данька отшатнулся, зажал рот рукой и отвернулся. Нет, ну надо же... похоже, он таки нашел нечто интересное, но... лучше бы это сделал Гаджет.

– Эй, старый, ну чего там? – послышался громкий голос Гаджета.

Данька поморщился. Ну вот, еще и это... Знает же, что при погружении шуметь нельзя.

– Сейчас... – нехотя отозвался он. В принципе, можно было возвращаться. Позиции для переговоров с Биллом вырисовывались вполне устойчивые. Ясно, что по этому ходу группа не проходила, поскольку в трухе, покрывавшей пол, отпечатались следы только его, Данькиных, ботинок. Но для очистки совести следовало еще заглянуть под арку. Данька вздохнул и, старательно отворачиваясь от ниши с человеческими останками, сделал шаг вперед...

* * *

Очнулся он в полной темноте. Что произошло, когда он шагнул вперед, Данька помнил смутно. Что-то противно заскрипело, камни под ногами внезапно стали опускаться, Данька судорожно взмахнул руками, засучил ногами, но пол внезапно встал совершенно вертикально, и Данька рухнул вниз, чувствительно приложившись подбородком.

Приземлился он на куче песка и какой-то трухи, больно расцарапав ладонь. Под ним что-то противно хрустнуло. От сотрясения фонарь совсем потух, и Данька испуганно замер, затаив дыхание и слепо вращая в темноте глазами. В этот момент сверху послышался приглушенный крик Гаджета, и сразу вслед за ним звук осыпающегося песка и стук камней. Данька испуганно отпрянул в сторону, чихнул, стукнулся головой о невидимую в темноте стенку, отчего фонарь внезапно зажегся, высветив выщербленную кладку и покореженную, почти превратившуюся в труху небольшую дверцу. А в следующее мгновение сверху обрушился настоящий поток песка и земли, и Данька с перепугу протаранил каской дверцу и ввалился куда-то на четвереньках, сверзившись с высоких каменных ступенек, начинавшихся сразу за дверцей...

Очнувшись, Данька подвигал руками и ногами. Вроде все цело. Болели бок и расцарапанная рука, ныл локоть. Похоже, здорово приложился, когда кувырнулся... Данька поднял

руку и, нащупав выключатель налобника, повернул его, запоздало осознав, что тот уже был включен. А сие означало, что аккумулятор окончательно сдох. Данька вздохнул и замер, не столько даже прислушиваясь, сколько всей кожей осязая обступившую его темноту. Было тихо. Откуда-то слева тянуло холодом. Это хорошо. Внизу, под землей, важно любое движение воздуха – значит, есть воздухообмен и смерть от удушья ему не грозит. Во всяком случае, в ближайшее время...

Данька еще некоторое время сидел, молча вслушиваясь в темноту, а затем осторожно поднялся на ноги и, минуту постояв, двинулся вдоль стены, касаясь ее рукой. Ступеньки, с которых он свалился, были полностью засыпаны обвалившейся породой. Данька тщательно ощупал длинный песчаный язык, закрывший лесенку, вздохнул, обогнул его и двинулся дальше.

Спустя пять минут он вновь уткнулся в гору песка. Как выяснилось, помещение, в котором он оказался, было круглым. На какой высоте находился потолок, выяснить не удалось. Во всяком случае вытянутая вверх рука до потолка не доставала. А прыгать Данька побоялся – в такой обстановке можно запросто подвернуть или сломать ногу. Судя по результатам ощупывания, проем входа был полностью забит песком и камнями. Вдоль круглых стен располагалось несколько ниш, но ощупывать их на предмет содержимого Данька пока поостерегся (а ну как и там обнаружатся кости?). И как отсюда выбираться?

Данька присел и вытер лоб рукой (или, скорее, размазал по лбу скопившуюся грязь). Надо было решать, что делать. Ждать, скорее всего, бесполезно. Похоже, обвал случился нехилый, на несколько десятков тонн породы. Вручную подобную гору разгрести придется несколько месяцев, а технику сюда не подогнать. И это означает, что если он будет просто сидеть, ожидая помощи, то, скорее всего, умрет от голода и жажды. Но как выбираться, он тоже не представлял.

Некоторое время он сидел, ожидая, не придет ли в голову какая-нибудь толковая мысль, а затем встрепенулся и стянул со спины рюкзачок. В принципе, особо рассчитывать было не на что, уж слишком глубоко, но... а вдруг?..

Когда он разблокировал мобильник, экранчик осветился, озарив его убежище (или темницу) рассеянным призрачным светом. Данька впился взглядом в экранчик и разочарованно скривился. Поля не было. На всякий случай он попытался прозвониться хоть кому-нибудь, но все было бесполезно. Данька опустил руку с мобильником и зло всхлипнул. Нет, ну надо же было так вляпаться... Но в следующее мгновение ему в голову пришла еще одна мысль, от которой он живо вскочил на ноги и поднял над головой руку с телефоном. Пара нажатий на клавиши – и помещение вновь озарил призрачный свет. Данька взгляделся и невольно присвистнул. Ого! Прямо посередине круглой комнаты возвышался постамент, на котором на небольшой подставке покоилось нечто, напоминающее деревянную шкатулку. Шкатулка была покрыта густым слоем пыли. В этот момент экранчик мобильного потух, и в помещении вновь воцарилась тьма. Но это было уже не важно. Данька сделал шаг, другой и уперся пальцами в постамент...

Шкатулка оказалась довольно тяжелой. Она была оббита металлическими полосами и когда-то закрывалась на маленький висячий замочек, сейчас превратившийся в металлическую труху. Когда Данька растер этот комочек между пальцами и с некоторой натугой приподнял крышку, то в призрачном свете мобильного увидел внутри деревянный же пеналец. Пеналец когда-то был обвит полосками кожи и густо залит воском, но сейчас от кожи почти ничего не осталось. Да и воск весь потрескался. Данька осторожно извлек пеналец из шкатулки и принялся тупо его разглядывать, время от времени давя на кнопки мобильного, чтобы не гас экран. Наконец это занятие ему надоело, и он, сунув пеналец в рюкзачок (если выберусь – рассмотрю получше), принялся оглядываться по сторонам. Отверстие, из которого тянуло холодом, обнаружилось прямо над постаментом. Данька некоторое время пытался рассмотреть, что там внутри, но свет мобильного был слишком слаб, чтобы эта попытка имела хоть какие-

нибудь шансы на успех. Так что он выключил телефон, сунул его в нагрудный карман куртки, надел рюкзачок и решительным движением ухватился за шкатулку.

Шкатулку он скинул легко, а вот подставка, несмотря на скромные размеры, оказалась жутко тяжелой. Из свинца, что ли, сделана...

На постамент он забрался не с первого раза. Нет, вскарабкаться было легко, но вот удержаться наверху на подгибающихся от усталости ногах решительно не удавалось. Наконец Данька, вытянув руки, кончиками пальцев ухватился за края отверстия. И замер, тупо соображая, что же делать дальше...

А дальше пришлось отцепить одну руку, извлечь из кармана мобильник, и в его призрачном свете рассмотреть узкий колодец, а вернее даже, лаз, ведущий вверх. Это был шанс.

Следующие несколько часов Данька, стянув с плеч куртку и завязав веревкой рукава и воротник, таскал этим импровизированным мешком от завала к постаменту песок и камни, насыпая горку, с которой он мог бы влезть в открывшийся лаз. Натасканная им куча позволила влезть в колодец где-то по грудь, потом он нащупал руками выступ и, выудив из рюкзака остатки веревки, сделал пару петель. Накинув петли на выступ, он ухватился за него одной рукой, а второй вдел в петлю коленку. Опершись коленкой на петлю и помогая себе руками, он приподнялся и всунул в ту же петлю ступню другой ноги. Спустя пару минут и с вездесущей «матерью» ему удалось выпрямиться и всунуть ступню во вторую петлю. Еще рывок... и он уже в колодце...

Через несколько метров колодец начал плавно изгибаться в сторону, и ползти по нему стало легче. Впрочем, сил у Даньки уже не осталось. Руки и ноги двигались как чужие, живот, казалось, прилип к спине и терся о позвоночник, отчего им обоим было хреново, а рот и вся носоглотка превратились в кусочек пустыни Сахара. Но Данька упорно полз вперед, не слишком представляя, куда выведет его этот лаз, потеряв всякое ощущение времени, пока впереди не замаячил какой-то свет и не послышались голоса людей. Наконец выщербленная стенка внезапно кончилась, и Данька рухнул на какую-то поверхность, оказавшуюся на пол-локтя ниже отверстия лаза...

Глава 2

– М-м... позвольте?

Полковник Кузнецов поднял голову и, широко улыбнувшись, кивнул:

– Конечно, профессор, проходите.

– Благодарю вас, – дверь, из-за которой торчали только голова и часть плеча, распахнулась, и посетитель вошел в кабинет. Пока он двигался от двери к столу, руки полковника привычно собрали со стола все те распечатки, которые он до этого просматривал, и быстро разложили их по папкам. В этом не было никакого недоверия к посетителю. Только привычка, выработанная долгими годами службы. Все, что у тебя на столе, не предназначено для чужих глаз...

– Присаживайтесь, Петр Израилевич.

– Да-да, благодарю, – кивнул посетитель, – прошу прощения, что вот так... и, возможно, не совсем по адресу, но... – профессор несколько смущенно развел руками. Видно было, что он серьезно взволнован.

– Дело в том, что в нашей работе возникли непредвиденные обстоятельства.

– И какие же?

– Нас лишают возможности работать!

– Вот как?

– Да-да, представьте себе. Буквально полчаса назад подъехал некий весьма неприятный гражданин и заявил, чтобы мы сворачивались. Они-де собираются отремонтировать провал и восстановить дорожное полотно.

Полковник Кузнецов улыбнулся.

– Извините, профессор, но, как мне кажется, этого следовало ожидать. Неужели вы думаете, что провал, образовавшийся на одной из самых оживленных московских магистралей и снизивший ее пропускную способность почти в три раза, долго останется незаделанным.

– Но это же совершенно невозможно! – всплеснул руками профессор. – Мы же на пороге уникальных открытий! Вы слышали о библиотеке Ивана Грозного? – напористо начал он.

Полковник заинтересованно качнулся вперед.

– А при чем здесь эта легенда?

Профессор вздернул подбородок.

– Смею утверждать, что, вполне вероятно, мы нашли царскую библиотеку. Да-да, – профессор утвердительно кивнул головой, – дело в том, что образовавшийся провал открыл проход не просто в старую канализацию, для коей использовались некоторые природные пустоты кремлевского холма. А в некие... – Профессор запнулся, будто слова, которые он собирался произнести, его слегка смущали, но затем решительно закончил: – Тайные хранилища.

Полковник вежливо улыбнулся. Энтузиазм профессора, старавшегося предотвратить свертывание работ, слегка забавлял его.

– И на основании чего вы сделали подобные выводы?

– А вот посмотрите, – воодушевился профессор и, открыв кейс, зашуршал бумагой. – Вот, полюбуйтесь, – с некоторой натугой произнес он, аккуратно опуская на стол массивный подсвечник, – церковная бронза, точно не моложе середины XVI века, а скорее всего, старше. Точную датировку на месте произвести затруднительно. Найден в нише одного из гротов. Ну... там, где мы обнаружили искусственно прорубленные переходные арки.

Полковник внимательно уставился на стоящий перед ним раритет. На его вкус, вещь не принадлежала к числу шедевров. Для этого она была слишком грубой, массивной и не очень хорошо обработанной. Этаким средневековый ширпотреб, выпускавшийся более-менее круп-

ными партиями. Но из всех найденных предметов профессор почему-то приволок в его кабинет именно этот подсвечник.

– Не понимаете? – разочарованно протянул профессор.

Кузнецов картинно смущенно пожал плечами. Профессор неодобрительно покачал головой.

– Да уж, Алексей Юрьевич, от вас я этого не ожидал. Мне казалось, что на вашей работе, э-э, так сказать, в органах, просто необходим аналитический склад ума.

– Ну и на чем же я так прокололся, Петр Израилевич? – Полковник сокрушенно вздохнул.

– Да вот же, – профессор снисходительно указал на подсвечник, – извольте видеть, подсвечник. Причем, судя по размерам, месту расположения, следам копоти и всему остальному, что нам удалось обнаружить, он есть, так сказать, штатное оборудование помещения.

– И что? – усмехнулся Кузнецов. – Насколько мне представляется, под землей довольно-таки темно. Так что подсвечник там совсем не был бы лишним.

– Да нет же! – профессор всплеснул руками, негодуя на недогадливость своего визави. – Вы поймите, в подземелье подсвечники – совершенно не на своем месте. Особенно если вспомнить, о каком периоде идет речь. В те времена даже используемые в, так сказать, повседневной деятельности казематы и иные подземные помещения освещались исключительно факелами. В лучшем случае те, кто спускались вниз, несли с собой масляную или свечную лампу. Но даже в богатой тогдашней Европе это, скорее, исключение, чем правило... А подсвечник в качестве штатного оборудования – это нонсенс! За одним-единственным исключением. *Если* там не работают с рукописями... книгами.

Полковник задумался.

– Значит, вы считаете...

– Ну да, ну да, – закивал головой профессор, – несомненно, нужно не сворачивать, а наоборот, развернуть еще более широкомасштабные поиски. Я боюсь сглазить, но у меня есть ощущение, что мы вполне можем обнаружить если не всю, то какую-то значительную часть легендарной библиотеки!

Алексей Юрьевич откинулся на спинку кресла.

– А не просветите ли, профессор, почему она столь знаменита?

– О-о, – профессор покачал головой, – это, знаете ли, такая история... прямо из разряда мифов. На самом деле основу этой библиотеки составляет приданое, так сказать, бабки Ивана Грозного, византийской царевны Софьи. Очень, знаете ли, интересная личность. Современными историками совершенно недооцененная. А ведь то, что Россия в последующем смогла преодолеть Смутное время и не только выжить и не распасться, а осознать себя, как говорится, как Третий Рим, во многом ее заслуга. Потому что эта девочка не только очень ловко обвела вокруг пальца своего, так сказать, опекуна, римского папу Павла II, но и привезла в качестве приданого именно то, что требовалось тогда молодой и только-только освободившейся от монголо-татарской зависимости Московии. А именно – знания и... людей. Причем, судя по некоторым косвенным оценкам, знания колоссальные! Не забывайте, она была наследницей великой Византии! Вообще-то уникальное государство было, я вам скажу... – профессор оживился. Похоже, он сел на своего любимого конька. – Ведь Византия не проходила, как все остальные великие государства, как до нее, так и после – путь роста, возвеличивания в тяжелой борьбе с сильными врагами, а сразу вознеслось на вершину тогдашнего мира. Причем Восточная Римская империя наложила, так сказать, лапу на все главнейшие сокровищницы знаний того времени. Не говоря уж о самом Риме, поскольку Константинополь, как вы знаете, построил именно римский император Константин, первый христианский император Рима, несомненно, переправивший в новую столицу немалые духовные и научные сокровища. Именно в Византийской империи до самого ее завоевания арабами и, увы, уничтожения располагалась знаменитейшая Александрийская библиотека. Ее же частью, а отнюдь не частью Западной Римской империи,

была и легендарная Эллада со своими уникальными научными и философскими школами. Под эгидой византийских императоров проходили и первые, я бы сказал наиболее продуктивные, Вселенские соборы. Ибо в то время раскольники-католики во главе с епископом Рима еще не откололись от единой церкви...

А уж о таком уникальном явлении, как Святой Афон, я и не говорю. Как вы знаете, во времена Средневековья, особенно раннего и среднего, именно монастыри были средоточием знаний, а на небольшом полуострове Афон в лучшие времена действовало до трехсот монастырей! Представляете, какой там была концентрация научной и духовной мысли! Даже в современности такого пока достичь не удалось!

Профессор поставил локти на стол и, уперев подбородок в сплетенные пальцы, мечтательно прикрыл глаза.

– Да уж, удивительное, я вам скажу, было время... И решение Софьи отправиться на далекий север, в дремучие леса, к тем, кого в просвещенном мире считали дикими и малообразованными варварами, бывшими данниками еще более варварских кочевников, просто поражает. Это сейчас, зная, чем Россия стала впоследствии, ее поступок может казаться объяснимым, но тогда... – профессор всплеснул руками. – Знаете, многие говорят, что она выбрала Россию, потому что, мол, сразу же расценивала ее как неким образом наследницу Византии. Но это же глупость! Те, кто так говорит, совершенно не представляют себе реалий тех времен. Блистательная Киевская Русь, с коей желали породниться многие европейские правящие дома, – в прошлом. Она растоптана монгольскими копытами. О ней забыли! А реальность... представьте – дикая, холодная и все еще во многом раздробленная страна. Не слишком большая. Даже многие немецкие княжества, входящие в Священную Римскую империю, – и по населению поболее, да и побогаче будут. Да и Польша куда как сильнее и значительнее. К тому же если речь о наследнице православной Византии, то вот, пожалуйста, рядом – Литва, страна также и крупнее, и сильнее Московии, во многом, впрочем, из-за того, что за время ига присоединила к себе все южные и западные провинции Киевской Руси. Причем вкупе с самим Киевом. Именно ее тогда на западе воспринимали как правопреемницу Киевской Руси, потому как была она в то время тоже страной русской... то есть русскоязычной и православной. А Московия... – профессор пожал плечами, – это была скорее окраина, или, – тут профессор хохотнул, – как тогда говорили – *украина* и русского, и православного мира. Она никого особенно не интересовала...

– Но... я слышал, что это было решение папы...

– Ай, бросьте, – профессор пренебрежительно махнул рукой, – знаем, читали, мол, самый значительный проигрыш папы Павла II. Глупости. Вы только вспомните, кто она и откуда! Византийская царевна! Самый древний и блестящий двор тогдашней Европы! Слегка, конечно, к тому времени померкнувший и поблекший, но дух, атмосфера, школа! Да она с молоком матери впитала вкус и привычку к интригам. И учителя у нее были явно блестящие. Так что все эти интриганы во дворце Святого Петра ей – на один зуб. Достаточно проанализировать ее поведение. Сначала все усилия папы разыграть ее карту, то есть пристроить ее к какому-нибудь европейскому двору и поиметь с этого некие свои выгоды, *отчего-то* оканчиваются пшиком. А ведь интересные расклады у папы были, о-очень интересные... А затем, когда у мелкого князька на окраине мира... Ведь для тогдашней Европы что Московия, что, скажем, Китай – понятия одинаковой отдаленности. Правда, Китай – важный торговый партнер, поставщик уникальных товаров, а мне-э-э... москвиты – так... меда, мехов и дегтя в тогдашней Европе и своих было немало. И русские брали только за счет, так сказать, демпинговых цен. Так вот, когда в голове мелкого окраинного князька откуда-то возникает мысль породниться с наследницей пусть и рухнувшего, но все-таки Второго Рима, вдруг как-то очень резко все складывается. И царевна Софья смиренно выполняет волю своего опекуна. Правда, образец

смирения она только до границ своего будущего царства, а потом сразу же показывает зубки. И весь вроде как хитрый расчет папы тут же летит в тартарары...

Профессор вдруг замолчал, а потом, задумчиво покачивая головой, продолжил:

– Существует легенда, будто Софья не просто так выбрала Россию. Что было некое пророчество афонских монахов... или монаха, свидетельства о сем очень скудны... о том, что именно через некую «страну Рус» и воцарится, так сказать, на земле царство Божие. Так что вполне возможно, что на выбор царевны повлияли как раз монахи, которых было немало в ее окружении. В том числе и со Святого Афона. И как раз этим и объясняется этот ее, так сказать... странноватый выбор. То есть она не просто выбирала, а шла вслед за пророчеством и к нам сюда прибыла с неким, если можно так выразиться, Проектом Россия, который непременно должен был осуществиться.

Кузнецов удивленно вскинул брови.

– Извините, профессор, как вы сказали?

– Что? Э-э, не понял?

Полковник покосился в сторону книжного шкафа и хмыкнул. Проект Россия... надо же. Странное совпадение...

– Да, так... ничего... – и, тряхнув головой, будто отгоняя наваждение, вновь повернулся к профессору, – знаете, а вы очень так... интересно, образно рассказывали. И сленг... Даже не представлял, что в вашей среде...

– Какое там, – снисходительно махнул рукой профессор, – скажете тоже. Это я из-за семейных, так сказать, неурядиц. Внук у меня, Максим... Мой младший-то в науку не пошел. Сначала вот, как и вы, погоны носил, а потом как все тут у нас закрутилось – уволился и бизнесом занялся. Сначала всяко-разно купи-продай, а затем развернулся. Вот только на сына времени как-то совсем не хватало. Ну и упустил парня, – профессор сокрушенно вздохнул.

Кузнецов понимающе качнул головой. Уточнять, в чем конкретно проблема, не хотелось. Это могли быть наркотики либо весь спектр того, что входит в понятие «плохой компании» – от просто банды пресытившихся доступными развлечениями бездельников до тоталитарной секты. Мало ли родителей, бросившись в погоню за блестящей мишурой достатка или даже богатства либо рьяно ринувшись самореализовываться, отодвигали семью на самые задворки круга своих интересов и насущных проблем. Предпочитая откупаться от нее как раз тем самым достатком или богатством (иногда, правда, даже не подозревая об этом, а считая, что просто очень заняты). И даже не подозревая, что человек, чтобы реализоваться полностью, должен кроме успешной карьеры еще и... продолжить себя. Ибо что есть человек – бабочка-однодневка. Самые головокружительные высоты признания и успеха – мимолетны. Годы, максимум десятилетия, и... все в прошлом. А вокруг только старость и воспоминания. И лишь род позволяет посоперничать с неумолимым временем. Не только продлить активную жизнь, радуясь успехам и стойкости своих детей, внуков и правнуков, но и не закончить ее даже с собственной смертью... Но для этого в семью надо вкладываться едва ли не больше, чем в любое дело. И не столько деньгами, сколько тем, что гораздо дороже – временем, нервами, преодолением себя. И лишь совершив эти две вещи – сотворив себе ДЕЛО, которое станет оправданием твоего появления на свет, и продолжив свой РОД, можно надеяться на то, что ты сумеешь стать тем, кого Господь создавал по своему образу и подобию...

– Нет, вы не думайте – ничего серьезного, – продолжил между тем профессор, – так... выверты возраста. Максим – мальчик умный, спортсмен, картингом занимался. Просто... ну не сложилось у него с отцом. Сначала, наверное, из-за ревности... Ведь дети если любят, то очень ревнуют к тому, что нас от них отвлекает. А потом сформировалась установка – папа занят, папы нет. И привычка жить без папы. А когда папа сумел слегка оторваться от своего бизнеса и решил заняться введением, так сказать, ребенка во взрослую жизнь, оказалось, что его интересы и ценности и интересы и ценности сына не шибко пересекаются. Вот и бабах-

нуло, – профессор покачал головой, – едва не до полного разрыва дошло. Так что пришлось вмешиваться в процесс и некоторым образом согласовывать позиции. А у каждого – самолюбие. И если для сына я все еще некоторым образом авторитет... Мы с ним, пока он рос, много времени вместе проводили – и на рыбалку ходили, и в походы байдарочные, и всю страну с рюкзаком объездили, а это, знаете ли, запоминается на всю жизнь... То с внуком пришлось, считай, наново отношения налаживать... Вот оттуда и сленг.

Полковник понимающе кивнул. Внуков у него не было, но отношениями с дочерью он дорожил. И тоже старался выкраивать время для своего участия в ее жизни. Пусть не для походов на байдарках, но хотя бы для воскресных поездок в Новгород или совместного посещения тира... Она у него была девушкой с характером. Так что то, что он до сих пор был у нее в некоем авторитете, скорее всего, было следствием как раз такого подхода...

Профессор покинул кабинет, успокоенный заявлением, что Кузнецов вытребует для него еще как минимум неделю. За какую профессор надеялся сделать столь значительные находки, что вопрос о продолжении работ решился бы сам собой. Ну и обещанием, что «господин полковник» непременно посетит раскоп.

* * *

Обедать полковник поехал в столовую управления. Кормили там вкусно и достаточно дешево. В этот час там было многолюдно. Алексей Юрьевич взял тарелку борща и запеканку и, повернувшись в сторону зала, окинул его взглядом, отыскивая место, где бы присесть. Свободное место нашлось за угловым столиком, который занимал приятель из фельдъегерской службы. Когда-то они вместе начинали в младшем оперсоставе, а потом жизнь раскидала по разным подразделениям. Так что встречались нечасто. В основном на общих мероприятиях или на охоте, которой оба страстно увлекались. Сейчас приятель сидел в одиночестве и тупо жевал, уставя взгляд в одну точку и ни на что не обращая внимания. Как будто напряженно над чем-то размышлял.

– У тебя свободно, Николаич? – для проформы поинтересовался Кузнецов.

– А? Это ты, Юрич? Садись, конечно...

Кузнецов опустил поднос и присел.

– Чего это ты такой озабоченный?

– Да-а... чертовщина какая-то!

– Чертовщина?

– Ну да... понимаешь, служебное расследование провожу. Курьер тут у нас на маршруте на полтора часа опоздал. Ну вроде как все понятно – доложи рапортом, подтверди причины, получи против шерсти и служи спокойно дальше. Тем более – спецкараул, не игрушки. Вне графика шел. Ясно же, что на дурачка не скосишь, всяко проверять будут. А он, дурилка, уперся – ничего не знаю, нигде не задерживался, от маршрута не отклонялся. Вот на меня служебное расследование и повесили...

– И что?

– Да фигня какая-то получается, – вздохнул приятель, – чертовщина, как я тебе и сказал.

– То есть?

– Ну... пробили маршрут. И оказалось, что как раз в ту ночь, когда он был на маршруте, зафиксированы еще подобные случаи. Причем именно на Киевке. Патрульный экипаж ГИБДД хрен знает сколько времени добирался до места ДТП. И карета «скорой помощи» тоже. Там даже скандал был. Одна из пострадавших прямо там и родила, пока они ехали... Потом пожарный расчет – та же картина. В Спас-Загорье дача сгорела дотла. Хозяин в суд подал. На «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей»... Да и в журналах учета на Балабановском и Детчинском постах те самые полтора часа – практически дыра. То есть если

обычно через них в это время проходит около двадцати-тридцати машин, то в ту ночь – одна-две. И только лишь в эти полтора часа. А затем снова среднестатистический поток пошел... Вот голову и ломаю, чего мне в заключении писать?

Кузнецов пожал плечами и отправил в рот ложку борща.

– Даже не знаю, что тебе и посоветовать.

Товарищ уныло кивнул, а затем, вздохнув, поднялся.

– Да уж, если подобную чертовщину написать, то как бы того... на обследование не послали. Пойду, поговорю с курьером. Может, придумаем чего...

С мэрией вопрос о продлении работ решился довольно быстро. Все знали, что Юрий Михайлович неровно дышит к археологическим раскопкам. Ходили слухи, что его тайно лелеемой мечтой было разом увеличить возраст города лет этак на сто, а то и поболее. И обскать Казань, которая одним махом скакнула в тысячелетний юбилей. Это, прямо скажем, вполне имело шансы на успех. Ибо до сих пор возраст Москвы считали от первого *упоминания* ее в летописи. А заложить город или хотя бы некое поселение на кремлевском холме могли задолго до того момента, как до летописца дошли слухи о князе Юрии, посетившем одну из своих вотчин...

Следующие несколько дней прошли в повседневной суматохе. И только в пятницу полковник выкроил время, чтобы исполнить обещание и посетить рабочее место профессора. Не то чтобы в этом была такая уж служебная необходимость, но полковник привык серьезно относиться к своим словам. Если что-то обещал – то приложи все усилия, чтобы сделать...

Выйдя из служебной «Волги», притормозившей у выгоревшей армейской палатки, он откинул полог и шагнул внутрь. Остановившись, Алексей Юрьевич дал глазам привыкнуть к полутьме, затем кивнул дюжему охраннику, сидевшему на табурете у центральной опоры. Охранник был из их конторы. Поскольку обнаруженные ходы вели в самую сердцевину кремлевского холма, следовало исключить возможность того, что там будет шляться кто ни попадя.

– Ну как тут?

– Все в порядке, товарищ полковник, – энергично кивнул охранник.

– Где все?

– Так это... – охранник покосился в сторону провала, зиявшего в дальнем углу палатки, – внизу все. Как с утра спустились, так и не поднимались еще. Даша, ну, лаборантка, только вылезала. Часа три назад. За обедом бегала. Хотя какой там обед – колбаса, батон да корейские салаты...

В этот момент из провала послышались звуки осыпающейся земли, затем натужное кряхтение профессора, и спустя несколько мгновений появился и он сам. Профессор выбрался наружу, держа в руках какую-то странную конструкцию. Что-то вроде массивной литой подставки. Профессор бухнул ее на стол, застеленный замызганными газетами.

– Уф-ф, о-о, Алексей Юрьевич, как прекрасно. Вы будто чуяли.

– Добрый день, Петр Израилевич. Новая находка?

– Да, и какая! Могу сказать, что... наша работа как минимум полностью окупилась.

– Вы нашли библиотеку?

Профессор вздохнул.

– К сожалению, нет. Хотя... продолжаю надеяться, что мы на верном пути. Обвалы мешают, а широкомасштабные раскопки пока невозможны... Но зато вот, полюбуйтеся.

– Что это?

– Я думаю, не меньше пуда чистого золота.

Кузнецов с удивлением воззрился на подставку.

– Золота?

– Ну да. Там еще ларец, украшенный драгоценными камнями. Даша тащит. Правда, он не в очень хорошем состоянии.

Полковник медленно кивнул.

– Ларец... пуст?

– К сожалению, да. И можно только догадываться, что в нем хранилось. Я бы предположил, что нечто совершенно уникальное...

В этот момент из раскопа появилась Даша. Кузнецов окинул прищуренным взглядом притащенный ею ларец, а затем потянул из кобуры мобильник:

– Ващенко, слушай, а материалы того расследования... ну, по провалу на Васильевском, у тебя?.. Да, я знаю, что расследование уже закончено... Ты, вот что, завези-ка их ко мне. Хочу кое-что посмотреть...

Глава 3

– Ну, привет, крот. – Гаджет ввалился в палату, как обычно, улыбаясь до ушей.

Данька сел на постели и осторожно положил поверх простыни забинтованные руки.

– Ты как, – жизнерадостно продолжил Гаджет, присаживаясь на стул, стоящий рядом с кроватью, – оклемался?

Данька облизнул губы и хриплым голосом ответил:

– Почти. Сказали через пару дней выпишут. Говорят, легко отделался – никаких переломов, заражений. Только это... как его... легкое истощение. Да вот руки исцарапал сильно.

– Ну, морду тоже, – авторитетно заявил Гаджет, окидывая приятеля критическим взглядом, – ну ничего. Шкура, она заживает быстро. Да, а ты слышал, – оживился он, – говорят, из-за того завала, что ты устроил, Кремль перекосило.

– И ничего я не устраивал, – огрызнулся Данька, – оно само... – Но потом не выдержал и переспросил: – И че, сильно?

– Да нет, – мотнул головой Гаджет, – не сильно. Вообще-то самый большой провал на Васильевском спуске образовался. Там сейчас движение почти перекрыто. Пробища – на километр! В новостях показывали, что там археологи роются. И вроде как что-то раскопали... Хотя, может, и врут все. Но шухер был немаленький. Билла, говорят, вообще в Большой дом на Лубянке вызывали.

Данька испуганно нахохлился.

– Да не, – покровительственно махнул рукой Гаджет, – не мандражируй, все нормально. Ну слегка пропесочили, чтоб не шлялся, где не положено, и отпустили. Тут другое... – тут же посерьезнел он.

– Чего? – насторожился Данька.

– Ходят слухи, что Билл решил из дигтеров уйти.

– Почему?

– Ну, типа, совесть замучила. Стыдно стало, что группа на погружении рассыпалась. И ты едва тапки не откинул.

– Так мы ж сами отстали?! – вскинул брови Данька.

– А он кто? Лидер! – наставительно подняв палец, произнес Гаджет. – Смотреть должен. А то пер, как лось...

Данька задумался. Формально-то да, все верно. Но это формально, а по-человечески во всем этом была явная несправедливость.

– Все равно неправильно это. Мы с тобой лопухнулись, а на Билла все шишки.

– А не хрен в начальники лезть. Раз начальник – значит, за все отвечаешь. А не смог – пинок под зад. Вот так-то, – безапелляционно констатировал Гаджет, – а то развелось вокруг начальства, а в стране порядка нет, – неожиданно закончил он.

Данька недоуменно посмотрел на него, не понимая, как наличие порядка в стране соотносится с душевным состоянием Билла, но долго размышлять над этим Гаджет ему не дал. Потребовал подробного рассказа.

Данька начал нехотя (информация о Билле его слегка напугала), но затем разошелся и принялся живописать свои приключения. Так что Гаджет только рот разинул. Впрочем, о шкафу с пенальцем Данька благоразумно умолчал, только по ходу рассказа бросил взгляд на шкафчик, в котором лежал его рюкзачок. Но Гаджет этого не заметил...

Когда он закончил, Гаджет уважительно покачал головой.

– Да уж, прижало тебя... полный отпад! Вот уж нашим расскажу... – Но долго находиться в одном настроении он не умел. И потому тут же переключился: – О-о, я ж тебе это, фруктов

принес... ну, яблок. На вот, ешь, поправляй здоровье. И, кстати, я вчера в «Техносиле» на Комсомольской такой гаджет надыбал – полный улет...

* * *

Из больницы Данька вышел в пятницу. К его удивлению, в его рюкзачок никто не залез, и обнаруженный им пеналец так и остался там, под замызганным мотком остатка веревки. То есть, возможно, кто-то и залезал, только не обратил на пеналец никакого внимания. Хотя странно. Уж больно необычным тот выглядел. Тем более что, как рассказал Даньке доктор, нашла его не его группа и даже не другие диггеры, а какие-то совершенно посторонние люди. Чуть ли не из кремлевской охраны. Кто точно – никто не знал. И Данька счел за лучшее и не интересоваться. А то вон Билла в Большой дом вызывали. Так начнешь интересоваться – и про тебя вспомнят. А ведь всем понятно, что приличному человеку с людьми из этого дома дел иметь как-то и не пристало...

Добравшись до общаги, он поднялся на лифте на свой этаж, толкнул дверь в комнату и... замер на пороге. Потому что вся его половина комнаты была заставлена огромными клетчатými баулами. А на его кровати сидели два небритых мужика лет сорока в кепках и этак смачно, с чавканьем, ели дыню. Один из них откусил большой кусок, шумно втянул в себя сок и наконец соизволил обратить внимание на Даньку.

– Тебе чего, мальчик?

– Я это... – растерянно начал Данька, – живу здесь.

– Э-э, что говоришь?! – вскинул руку мужик. – Здесь живет мой племянник Анзор.

– Ну да, – кивнул Данька, – Анзор и я.

Мужик покосился на баулы и покачал головой.

– Вай мэ, места для тебя совсем не осталось. Я завтра уеду – тогда место будет. Завтра приходи, ладно... – после чего отвернулся и вновь принялся за дыню.

Анзора Данька разыскал в корпусе «Б».

– Анзор, что за дела?! – начал Данька.

– Ты чего шумишь, да? – тут же прервал его Анзор. – Сам пропал неизвестно куда. Ничего не сказал, да. А теперь появляется как снег на голову и шумит.

– Я... я в больнице лежал.

– А чего не позвонил, да? Я бы тебя проведать пришел, – рассудительно заявил Анзор, – заодно узнал бы, когда выписываешься. А то смотри, как нехорошо получилось, да?

– И... чего делать? – несколько ошеломленный подобным раскладом, спросил Данька.

– А я знаю, да? – вздохнул Анзор. – Дядю Ашота не выгонишь. Ну куда он в Москве пойдет? Он здесь первый раз, да. Слушай, а может, ты у Клишина с Балабаевым переночуешь? У них раскладушка есть, я знаю, да...

В свою комнату Данька попал только в понедельник вечером. Дядя Анзора действительно выехал в субботу, но баулов в комнате только прибавилось. И Данька, обнаружив, что обновленная «меблировка» комнаты с исчезновением Анзорова родственника отнюдь не уменьшилась, а только увеличилась, счел за лучшее остаться в квартирантах у Кольки Балабаева. Основной задачей Кольки было продержаться в универе до двадцати семи лет, каковую точку зрения вполне разделяли и его родители. Так что на учебу ему было в общем-то наплевать. Поэтому большую часть времени он либо валялся на кровати, либо шлялся по барам и дискотекам. А когда «хвосты» по зачетам становились совсем уж неприличными – шустро оформлял очередную «академку». На его счастье, в универе к таким «академкам» для «платников» отношение было спокойным – плати и гуляй. Вот если бы Колька учился на бюджетном, то точно бы вылетел после первого же семестра...

Все это время пеналец лежал на дне его рюкзака. Он притягивал к себе со страшной силой, но в то же время почему-то Данька его боялся. Вещица была как некое свидетельство преступления, наглядный факт того, что Данька побывал в необычном, а может, даже запретном месте. В конце концов, он же обнаружил кости, значит, кто-то из людей уже заплатил жизнью за то, что побывал там.

А может быть, это вообще был охранник, замурованный вместе с неведомыми сокровищами, к числу которых относилось и содержимое пенальца...

Вечерами, лежа на раскладушке в комнате Кольки (Балабаев вел, как он выражался, «обратный образ жизни», что означало долгие ночные гулянки, а затем сон до двух дня, так что по вечерам его, как правило, не было), Данька грезил о том, что обнаружит, открыв пеналец. Нет, золота там быть не могло. Слишком уж он был легкий, но вот какие-нибудь изумруды или бриллианты... почему бы и нет?

Он даже зашел в инет-кафешку и специально полазил по сайтам, выясняя, какие камни дороже и как определить подделку. Не то чтобы после такого поиска в голове осталось что-то полезное, но он с удивлением обнаружил, что изумруд может быть дороже рубина, а гранат совсем не такой дорогой камень, как он считал, прочитав положенный по школьной программе «Гранатовый браслет». Вообще-то из всей школьной программы по литературе он осилил едва десятую часть, но «Гранатовому браслету» повезло...

В воскресенье вновь объявился Гаджет. Он позвонил ему с утра.

– Привет, пропащий! Ты куда подевался?

– Да куда, – кисло ответил Данька, – в общаге сижу.

– А чего это ты там сидишь? – удивился Гаджет. – Народ тут с ума сходит. Жаждет услышать рассказ об интересных приключениях и таинственных находках, а он, видите ли, в общаге сидит!

– Каких это находках? – испуганно затаив дыхание, переспросил Данька.

– Ну... разных, – заявил Гаджет, – всяких там призраках, ржавых цепях и сундуках с сокровищами. Неужто не успел ничего придумать за это время?

Данька облегченно выдохнул воздух.

– Блин, Гаджет, достал уже. Никуда я не пойду. Я еще не оклемался, вот.

– Ладно, – милостиво разрешил Гаджет, – давай, оклемывайся. До среды время есть. Но в среду чтоб был в «Берлоге». А то Барабанщица меня уже достала – вынь ей да положи нашего бестолкового, но героического Джавецкого, и все тут. Ну, ты ж ее знаешь, что жвачка, – как прилипнет, не отстанет.

– А что она к тебе прилипла-то? – удивился Данька.

– Ну, я это... – слегка стушевался Гаджет, – тоже ж вроде как пролетел. Вот и отрабатываю...

* * *

Утром в понедельник, когда Данька вылетел из общежития, как обычно, *почти успевая* на занятия, его окликнул Анзор:

– Эй, Данька, да погоди ты... вот чумной, да.

– Анзор, я это... – притормаживая, взмолился Данька, – потом, ладно...

– Да я ничего... – пояснил Анзор, – я хотел сказать, что у нас все свободно, да. А меня сегодня не жди. Я у родственников ночевать буду, да. Так что если кому надо переночевать...

Окончания Анзоровой речи Данька не услышал – свернул за угол. Но догадаться было несложно. Раз Анзор сегодня не ночует в комнате, значит если Даньке надо будет кого-то разместить, то он вполне может это сделать. Анзор совершенно не против. Вот только как это

получается, что, если надо Анзору, он всегда делает это, когда ему надо, а Даньке, получается, можно, только когда разрешит Анзор...

Впрочем, все выгоды Анзорова отсутствия Данька осознал только вечером, когда, поужинав супчиком из «бомж-пакета», заправленным куском слегка заветрившей колбасы, понял, что он наконец в своей комнате и *совершенно один!* А посему может спокойно поподробнее ознакомиться со своей находкой.

Данька осторожно запер дверь, вытащил ключ (специально, чтобы казалось, что дверь заперта снаружи) и, выключив верхний свет, уселся на кровать. Некоторое время молча сидел в темноте, слушая шум в коридоре, голоса, дребезжание магнитофона в комнате сверху, звяканье кастрюль и всякие иные звуки, которые человек обычно не замечает. Но сейчас они казались ему чрезвычайно важными и значимыми. Будто тот, привычный мир внезапно куда-то отодвинулся, отделенный стеной темноты и тонкой загородкой дверного полотна. А сам Данька оказался в каком-то другом мире, где повседневная суета не имела никакого значения... И это было настолько новое и странное ощущение, что он некоторое время неподвижно сидел, вслушиваясь в звуки, при помощи которых, как ему казалось, обыденный мир пытается достучаться до него, забрать, затянуть обратно в свое затхлое нутро, и в то же время чувствуя себя на редкость защищенным, сильным и уверенным в себе...

Данька встал, подошел к столу и, включив настольную лампу, расстелил под ней два листа чистой бумаги. Затем достал из рюкзачка свою находку...

Пеналец раскрылся без особых проблем. Заскорузлые кусочки высохшей кожи отделились от пенальца достаточно легко, а воск просто осыпался.

Внутри пенальца оказалась полуистлевшая рогожка, похоже, когда-то пропитанная чем-то вроде жира. Данька осторожно развернул ее, и перед ним оказался скатанный в трубочку листок, похожий на вырванную из книги страницу. Данька провел по ней пальцем. Страница была сделана не из бумаги. Возможно, это был пергамент или, например, папирус, но что точно – он определить не мог, потому что никогда не видел ни первого, ни второго.

Кроме этой страницы, в пенальце больше ничего не было. Данька слегка поморщился. С мечтами о богатстве, похоже, придется распрощаться. Но отчего-то эта мысль не вызвала в нем такого уж разочарования. Как будто факт прикосновения к какой-то древней тайне (ну не зря же эту вырванную страничку так тщательно упаковывали) сам по себе был ценностью. Впрочем, может, так оно и было.

Данька некоторое время молча сидел, внимательно рассматривая валяющиеся на столе половинки пенальца, обрывки кожи, крошки засохшего воска и рогожку, а затем начал осторожно разворачивать свернутый листок.

Страничка сопротивлялась, угрожающе похрустывала, но постепенно перед глазами Даньки появлялись огромная заглавная буква и тянущаяся вдоль нижнего края яркая миниатюра, изображающая скачущих всадников, горящие дома и церкви, могучий дуб и нескольких старцев с седыми бородами и иконописными лицами в келье под горой.

Остальную часть листа занимал текст, написанный то ли на старославянском, то ли еще на каком-то не менее древнем языке. А прямо поверх текста бурыми и почти выцветшими чернилами были нацарапаны еще несколько слов на том же самом языке.

Данька попытался прочитать блеклую надпись, но затем оставил это занятие и принялся разглядывать миниатюру и яркие завитки, украшающие заглавную букву. Он так и сидел, уставившись в развернутую страничку, аккуратно прижатую пальцами к столу, как вдруг за его спиной заскрипел замок, дверь распахнулась, и в комнату, на ходу хлопнув ладонью по выключателю, ввалился Анзор, что-то горячо втолковывающий кому-то по телефону. Данька замер, будто застигнутый на месте преступления. Анзор бухнулся на кровать и несколько секунд слушал, что ему говорят, а затем раздраженно бросил:

– Верач! – и нажал отбой.

Некоторое время в комнате стояла какая-то напряженная тишина. Потом Анзор вздохнул и уныло произнес:

– Ты представляешь, меня женить хотят, да...

– Чего? – Данька округлил глаза. – Как это?

– Вот так, – опять вздохнул Анзор, – родственники сговорились, да. Мама уже ездила в Ереван, смотрела невесту.

– А ты ее знаешь?

– Видел когда-то, – нехотя ответил Анзор и вдруг, бросив взгляд на стол, оживился: – А чего это у тебя?

Данька, у которого из-за услышанной новости как-то вылетело из головы, что пеналец со всем содержимым так и лежит на столе, вздрогнул и покосился на явные улики своего преступления.

– Да это так... нашел.

– А ну-ка покажи, да, – деловито сказал Анзор. Он шустро подскочил к столу и принялся крутить в руках пеналец, остатки рогожки и листок. – Где откопал? У себя в канализации, да?

– В какой еще канализации? – возмутился Данька! – И вообще, поосторожнее, вещь древняя.

– Древняя, говоришь, – прищурился Анзор, – надо будет переговорить...

– С кем?

– С Тиграном, да. Это сын дяди Акопа... ну, который друг дяди Симона... ну, который жил на Героев первых пятилеток... короче, ты не знаешь, да. У него на Мясницкой антикварный магазин... рядом, в переулке.

Данька минуту помолчал, слегка сбитый с толку Анзоровым напором, а затем осторожно поинтересовался:

– А зачем нам антикварный магазин?

Анзор удивленно уставился на него.

– Как это зачем, да? Посоветуют, сколько можно выручить за эту муть.

– А мы что, продавать будем?... – не понял Данька.

– А чего еще с этим делать? – удивился Анзор. – В музей, что ль, сдавать? Я думаю, баксов за триста вполне можно скинуть. У тебя вон кроссовки разваливаются. Новые купишь, фирменные... – Он повертел в руках листок. – Эх, жалко оторвали кое-как... и испортили еще, – сказал он, кивнув на буроватые буквы, – ну ничего, мы это аккуратненько смоем, будет как новенький.

– Я тебе смою! – внезапно вскинулся Данька. – Может, как раз из-за этой надписи этот листок и вырвали... и спрятали. А ну, дай сюда! – и он выдернул листок из рук Анзора. Анзор удивленно покачал головой.

– Что ты так нервничаешь, да? Не хочешь смывать – не будем. Только из-за этого баксов сто, а то и сто пятьдесят потеряем, точно, да.

– А может, я вообще его продавать не буду, понял? – огрызнулся Данька, заворачивая листок в рогожку и запихивая в пеналец. Анзор окинул его изумленным взглядом, а затем скривился и покачал головой:

– Не понимаю я тебя, Данька. Вроде взрослый уже, а все в какие-то фантики играешь, да. Надо быть практичней. Оденешься нормально, часики фирменные купишь... Начни к деньгам серьезно относиться, и все тип-топ будет, да. Все девчонки твои. Будешь их в хорошие рестораны водить, на хороших машинах катать. И не придется ни в какую канализацию лазать, чтобы девочкам голову дурить, да.

Данька насупился и засунул пеналец в рюкзачок. Он уже тысячу раз говорил Анзору, что ходит на погружения вовсе не для того, чтобы нравиться девочкам. А для себя самого. Но тому было как об стенку горох. К тому же, если уж быть до конца честным, кое в чем он был

прав. Когда Данька небрежно бросал в компании «вчера ходили на погружение» и девчонки уважительно округляли ротик, это было приятно...

На следующее утро Данька проснулся неожиданно рано. Он некоторое время лежал, глядя в потолок и прислушиваясь к мирному похрапыванию Анзора и шуму дождя за окном, а затем резко сел на кровати и уставился на рюкзачок. Он вдруг понял, что надо делать с этой страницей... ну, то есть не с ней, а с тем, что на ней написано. Он быстро вскочил с кровати, вытащил из рюкзака пеналец и, включив свет, развернул листок. Анзор сонно заворочался на кровати, оторвал голову от подушки и, что-то недовольно пробормотав себе под нос, отвернулся к стене и накрыл голову одеялом. Данька не обратил на него никакого внимания. Он выудил из ящика стола ручку, лист бумаги и принялся старательно копировать выпцветшую надпись.

Когда он закончил, до начала занятий оставалось еще полтора часа, и чем занять это время, было решительно непонятно. Данька завалился на кровать, но странные буквы, сложившиеся в еще более странные слова, жгли его изнутри. Кое-какие слова казались Даньке знакомыми. Но дела это не меняло... Он даже язык узнать не мог. Данька не выдержал и, тихонько одевшись, выскользнул из комнаты.

Дремлющая на вахте бабушка проводила его удивленным взглядом, но ничего не сказала. Только пробурчала что-то себе под нос, нажимая на кнопку, переключающую турникет на выход. Похоже, Данька сегодня был первым, покинувшим общагу...

* * *

Доцент кафедры иностранных языков Игорь Оскарович Потресов шел на работу в преотличнейшем настроении. Только вчера ему позвонили из Нью-Йорка и сообщили, что его запрос на грант находится на стадии окончательного рассмотрения. И что вероятность того, что он будет удовлетворен, чрезвычайно велика.

На фирме тоже все было в ажуре. Игорь Оскарович владел небольшим агентством, предоставлявшим услуги перевода или языкового сопровождения высокого уровня. Кроме того, вчера же он получил звание доцента, так что теперь должность в штатном расписании кафедры и ученое звание находились друг с другом в полной гармонии... Ну, и Кира наконец-то вернулась из своей дурацкой поездки по Италии. И они провели отличнейший вечер. К тому же жена должна была вернуться из Питера, от родителей, только в субботу, так что неделя вырисовывалась весьма увлекательной...

Потресов прошел проходную, небрежно кивнул поздоровавшемуся с ним охраннику и двинулся по аллее к учебному корпусу. Он уже подходил к дверям, когда ему навстречу бросился какой-то паренек, до этого сиротливо сидевший на бордюре.

– Игорь Оскарович...

– М-м-да, слушаю вас, молодой человек...

Игорь Оскарович слыл среди студентов «понимающим». Поскольку милостиво относился к тем, кто не посещал лекции, и на зачетах мог «натянуть». Он вообще считал, что университетский курс иностранного языка – это, скорее, ознакомление, производимое с целью дать студенту понимание того, насколько ему нужен этот язык. А для того чтобы выучить язык более-менее сносно, нужны индивидуальные занятия. Ну в крайнем случае занятия в небольших группах. Каковые он сам с удовольствием и проводил. Прямо скажем, за среднюю по московским меркам оплату. Ибо не считал себя вправе выставять за свои услуги слишком уж высокую цену, к тому же справедливо полагал, что всегда найдутся люди, готовые платить и большие деньги, лишь бы заниматься с преподавателем, которому они потом будут сдавать экзамен. Впрочем, репетитором он был хорошим. И потому оценки занимающимся у него студентам ставил совершенно реальные, честные...

– Игорь Оскарович, у меня тут вопрос, – начал паренек, в котором Игорь Оскарович смутно признал одного из своих студентов, второго, кажется, курса... – Я не знаю, к кому обратиться, хотя я, может, не по теме, но... – окончательно запутался паренек и, стушевавшись, замолк.

Игорь Оскарович ласково улыбнулся.

– Так в чем вопрос-то, юноша?

Тот отчаянно покраснел, затем глубоко вдохнул и решился:

– У меня тут есть текст. Похоже, на каком-то древнем языке. Не могли бы вы посоветовать мне, к кому можно обратиться за переводом.

Игорь Оскарович удивленно покачал головой. Ты смотри, как интересно. Текст, да еще на древнем языке... И ради него этот паренек сидит ни свет ни заря у подъезда корпуса и ждет его.

– А ну-ка, покажите... – Он взял протянутый ему лист, развернул его и забормотал: – Угу, угу, «василевс», «дромос...» угу, интересно... очень интересно. – Он поднял взгляд на паренька: – А скажите, молодой человек, откуда это у вас?

Тот вновь покраснел.

– Я это... списал из одной книжки.

Игорь Оскарович понял, что паренек врет, но, в общем, особого значения это не имело.

– Ну что ж, – благодушно кивнул он, – очень неплохая подделка под средневековый греческий... который существовал до падения Константинополя. Очень неплохая... а перевод... Я бы предположил, что это расширенное переложение известного катрена Нострадамуса... ну, там, где речь идет о царе с Востока, о великом народе и все такое прочее...

– А почему подделка? – удивленно спросил паренек.

– Ну, признаков, по которым я определил, что это подделка, несколько. Например, само содержание. Уж очень перекликается с Нострадамусом. Но вот некоторые детали... например, м-м, ну, это можно сформулировать как «казнят своего государя» и утверждают «безбожную власть антихриста»... после которой на весь род человеческий обрушатся многие беды. Хочешь сказать, что древний автор знал об Октябрьском перевороте? А вот, скажем, «кладбище в сердце столицы»... а, м-м-м, «поклонение мертвецу непогребенному» вообще уж ни в какие ворота не лезет. Ну а потом идет чистый плагиат из Нострадамуса – о белом царе и всеобщем благоденствии после его воцарения. Но главное даже не это... Понимаешь, тут используются речевые обороты, характерные где-то для XIII–XIV, максимум начала XV века. Но в то время вот эта буква, – он отчеркнул ногтем, – писалась несколько иначе. Вот с таким хвостиком. А потеряла она его только к концу XVII века, когда писали и говорили уже несколько по-другому. Понятно?

Паренек кивнул.

– Ну... я удовлетворил ваше любопытство?

– Да... спасибо, Игорь Оскарович.

– В таком случае жду ответного жеста.

Паренек удивленно посмотрел на него.

– Я бы хотел ознакомиться с той книгой, из которой вы его списали. Очень интересный текст, понимаете ли...

Паренек снова густо покраснел и кивнул.

– Ага, я... поищу... то есть попрошу.

– Вот и отлично. Вот, возьмите мою визитную карточку, – кивнул Игорь Оскарович и, ласково потрепав паренька по плечу, двинулся к дверям учебного корпуса.

Данька проводил его взглядом и в растерянности присел на бордюр. Подделка? Но... как это может быть? Это что же, кто-то устроил все эти катакомбы, постаменты, подставки из свинца, шкатулки... и все ради какой-то подделки? Как-то все это странно... Он вновь бросил

взгляд на свои каракули и, прищурившись, попытался представить, как выглядит текст на найденном листке. Может быть... Данька вскочил на ноги, помчался обратно в общежитие...

Он ввалился в комнату и едва не сбил Анзора, который стоял перед зеркалом, висевшим на внутренней стороне двери.

– Данька, ты чего? – отскакивая от двери, возмущенно крикнул Анзор.

– Я счас... – буркнул Данька и, выхватив пеналец из-под подушки, куда он его тщательно упрятал перед отходом, торопливо выудил из него листок и, включив лампу, разложил его на столе. Несколько мгновений он внимательно рассматривал его, слегка поворачивая, чтобы свет падал на него под разным углом, а затем отпустил листок и откинулся на спинку стула. Он ошибся. Эти бурые чернила слишком выцвели, и потому, когда Данька рано утром срисовывал текст на бумагу, он не заметил, что у той буквы, на которую указал Игорь Оскарович, имеется тот самый хвостик. Но теперь, когда он знал, где и что надо искать, хвостик был обнаружен. Самое главное доказательство того, что текст был подделкой, неожиданно оказалось доказательством обратного...

Глава 4

– Заходи, – Анзор кивнул Даньке и толкнул тяжелую дверь.

Данька еще раз окинул взглядом зеркальные стекла, витрины с громоздкими вазами, бронзовыми скульптурами и массивными креслами, задрапированными тяжелыми бордовыми портьерами, и, поевшись, шагнул вперед. Уж больно все это царство роскоши и богатства не вязалось с простеньким деревянным пенальцем и страничкой, вырванной из какой-то книги. Но делать все равно было нечего. Других специалистов по старине в зоне доступа не имелось.

В магазине царил полумрак. Данька остановился на пороге, ожидая, пока глаза, слегка ослепшие после яркого света улицы, привыкнут к здешнему освещению, но где-то впереди послышался нетерпеливый голос Анзора:

– Ну, где ты там, да?!

Данька, поморгав, нерешительно двинулся вперед.

Анзор обнаружился за большим деревянным стеллажом, заполненным кожаными футлярами, деревянными шкатулками, массивными, бронзовыми настольными лампами и подсвечниками. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу рядом с невысоким крепким парнем, одетым по последней моде, – в окружении всей этой старины (или подделок под нее) он казался настолько чуждым, что резало глаз. Но парень, похоже, этого совершенно не чувствовал. Лениво кивнув Даньке, он нарочито небрежно облокотился на стоявшую на полу почти полуметровую в холке скульптуру слона из вычерненной бронзы и покровительственным тоном спросил:

– Ну, что там у вас?

Анзор кивнул Даньке. Доставай, мол.

Данька скинул с плеч рюкзачок, извлек из него пеналец и, бережно держа его двумя руками, протянул парню. Тот небрежно подцепил его двумя пальцами и окинул таким пренебрежительным взглядом – ну что, мол, такого интересного у вас, лохов, может быть... Затем довольно ловко разъял его на две половинки и, подойдя к массивному лакированному бюро светлого дуба, вытряхнул на столешницу листок. Развернув его, покрутил перед носом, потом повернулся к Анзору и спросил:

– И все?

– Да, Тигран, – кивнул тот.

– И вот с этим ты пришел ко мне? – воскликнул парень.

– Ну да, – снова кивнул Анзор, – а к кому еще? Сам видишь, вещь старая, настоящая, должна стоять немало.

– *Это* – немало? – удивленно произнес Тигран. – Анзорчик-джан, ты же умный мальчик. Неужели ты не знаешь, зачем люди покупают старые вещи? Чтобы ими гордиться! Чтобы хвастаться. Чтобы все ходили и удивлялись, говорили: вах, где взял, сколько отдал, а кто на нем раньше сидел? Кто за ним раньше ел? Сам царь, сам Наполеон, сам Сталин? И все говорят – вай мэ!.. А как можно хвастаться *этим*?

– Тигран, – Анзор упрямо набычил голову, – эта вещь по-настоящему старая. И, наверно, ценная. Видишь, как ее упаковывали, да? Там еще все кожей было обернуто и воском залито.

– Этот вырванный листок? Или то, что в нем было?

– Ничего в нем не было. Может, это какой рисунок ценный, да. Великий художник рисовал. Потому его из книги и вырвали.

– Этот рисунок рисовал, а остальную книгу, значит, не рисовал?

– Ну не успел, умер там или что другое рисовать заставили. Откуда я знаю, да? Сам пойми, если бы это ничего не стоило – зачем так упаковывать?

Тигран вскинул руки, будто призывая Бога в свидетели своего великодушия, а потом мрачно произнес:

– Ладно, две тысячи рублей.

– Две тысячи? – Анзор изумленно покачал головой. – Тигран, что ты говоришь, да?

– Анзор, прежде чем я это продам, знаешь, сколько всего сделать надо? Людям показать, эти вот каракули стереть, в рамку вставить, чтоб красиво было. И то не знаю, за сколько продам.

При упоминании о каракулях Анзор бросил суровый взгляд на Даньку, мол, а я что говорил... но затем вновь повернулся к Тиграну.

– Тигран, я все понимаю, но за такие деньги Данька это не отдаст, да. Сам в рамочку вставит и над кроватью подвесит... Три.

– Анзор, побойся Бога!

– Три, Тигран, – твердо заявил Анзор.

Тигран сокрушенно мотнул головой, потом вздохнул и, открыв ящик бюро, небрежно смахнул в него пенал и листок. Затем задвинул ящик и вытащил из кармана пачку тысячных купюр. Он уже послуныявил пальцы, как вдруг Данька заорал:

– Нет!

Тигран и Анзор удивленно уставились на него. А Данька скакнул вперед, к бюро, рывком выдвинул ящик, выгреб из него пеналец и листок и тут же отскочил назад, прижимая все это к груди. Тигран проводил его удивленным взглядом, потом строго посмотрел на Анзора.

– Анзорчик, будь добр, в следующий раз реши все со своим другом *до* прихода ко мне. Хорошо, да? Или не отнимайте у меня время, ладно?

Данька покосился на Анзора, старавшегося не встречаться с ним глазами, торопливо скал листок и пятясь-пятясь выскочил из магазина...

Анзор появился в общежитии только к вечеру. Молча вошел в комнату. Не глядя на Даньку, сел на кровать, снял туфли и только после этого сурово спросил:

– И как это понимать?

Данька, до того момента валявшийся на кровати, сел и покаянно развел руками.

– Анзор, я не знаю... на меня что-то нашло. Я столько из-за него вытерпел и вот так... за три тысячи...

Анзор окинул его мрачным взглядом.

– Ты понимаешь, что так деловые люди не поступают, да. То – продаю, то – не продаю... детский сад. Ладно, – вдруг смягчился он, – может, оно и к лучшему. Похоже, мы и вправду продешевили, да. Мне тут одно дело подсказали... «eBay» называется. В Интернете всякую муть продают. Еще похлеще нашей...

Сравнение со «всякой мутью» Даньку несколько покорило, но Анзор этого не заметил. Он достал из кармана дешевенькую цифровую камеру и кивнул Даньке.

– Ладно, давай, раскладывай.

– Зачем? – удивился Данька. Анзор удивленно воззрился на него.

– Я ж тебе все объяснил. Сейчас сфотографируем, поместим фото в Интернете, да, выставим цену, и все. Будем ждать, кто клюнет... – он нахмурился. – Только вот надо так сфотографировать, чтобы эти твои каракули незаметно было. А то кому будет нужен испорченный листок? Ну да ладно, в фотешопе подчистим...

И от того, что больше не нужно было ни бежать куда-то и продавать, ни оправдываться, у Даньки отлегло от сердца. Поэтому он со спокойной душой подтянул рюкзачок и извлек из него пеналец...

* * *

На следующий день, не успел Данька вернуться с занятий, как вновь объявился Гаджет. То есть он, возможно, звонил и раньше, только Данька теперь отчего-то завел привычку отключать телефон. А как только включил, мобильник остервенело заверещал.

– Нет, Джавецкий, – послышался в ухе возмущенный голос Гаджета, едва Данька поднес его к уху, – ты совсем оборзел! Ты когда обещал появиться?

Данька досадливо сморщился. Вот черт, совсем забыл... он же обещал в среду быть в «Берлоге», но они вчера как раз мотались с Анзором к этому его Тиграну. А потом у него все вылетело из головы.

– Ну... извини.

– Никаких извинений, – отрезал Гаджет, – ноги в руки и на Маяковку. Мы тут все собрались. В «Стар-лайте». Ждем, – и дал отбой.

Данька горестно вздохнул. Ну вот опять, все планы на вечер накрылись медным тазом...

В «Стар-лайте» вся компания обосновалась на угловом диванчике. Едва Данька вошел, как Гаджет призывно завопил:

– Джавецкий, дуй сюда, я тебе место держу.

Из всех участников злополучного погружения не было только Билла. Зато присутствовал не ходивший на погружение Кот. Рядом с ним, как обычно, сидела Немоляева, а рука Кота, так же как обычно, лежала на ее бедре. Данька вообще подозревал, что Немоляева и в диггеры-то пошла из-за Кота. Потому как никакой другой причиной объяснить появление этой коровы в их компании было решительно невозможно.

Барабанщица сидела напротив, и справа и слева от нее было пустое пространство. Вообще, не будь Билла, их компанией точно бы верховодила Барабанщица.

– Наконец-то... дождались! – поприветствовала она Даньку в своей обычной манере. – А то я уже начала думать, что у тебя за сутки под землей, Джавецкий, всю память отшибло.

Данька не нашел, что ответить, и потому только подержался за протянутые руки и молча присел на диванчик. Тут же у столика нарисовалась официантка, симпатичная девчонка в короткой юбочке с биркой «Таня».

– Будете что-нибудь заказывать?

– Средство от склероза, – буркнула Барабанщица и отвернулась...

Несмотря на столь «теплое» начало, остаток вечера прошел довольно приятно. Все наперебой расспрашивали его, что он чувствовал, когда провалился, и каково оно было очнуться в темноте, и как ему в голову пришло попытаться влезть в ту дыру? Короче, Данька, наверное, впервые за все время пребывания в этой компании чувствовал себя в центре всеобщего внимания. И это было что-то. Все портила только Барабанщица, постоянно вставлявшая ехидные замечания типа: «Глаза надо было разуть» или «Головой бы об стенку постучал, может быть, и дошло бы». Но остальные ее не поддержали...

Когда Данька возвратился в общагу, его встретил возбужденный Анзор.

– Ну где ты ходишь, да? Покупатель появился!

В интернет-кафе они ввалились почти перед самым закрытием. Увидев их, бармен у стойки отчаянно замахал руками:

– Все, все, закрываемся...

– Как это? – изумился Анзор. – Еще ж восьми нет?

– Мероприятие у нас, – пояснил бармен, – заказано. Геймеры сняли. Рубку по локальной сети устраивают.

– Во дают! – восхитился Анзор. – Раньше кафе для свадеб или поминок снимали, ну, там день рождения отметить, да. А теперь поиграться... Слушай, друг, нам буквально пять минут. Мы даже по коктейльчику закажем ради такого случая.

– Пять минут... – с сомнением покачал головой бармен, – ну ладно. Только чтоб не больше. Что принести?

– Мне «Б-52», – быстро сказал Анзор и бросил вопросительный взгляд на Даньку. Тот пожал плечами.

– Тогда два «Б-52», – подвел итог Анзор и потянул Даньку к столу.

На их страничке в разделе предложений красовалась короткая строчка. В ней было имя, номер телефона, электронный адрес и крупные цифры. Именно к цифрам и прилип Данькин взгляд. Это... был отпад. Он ошалело посмотрел на Анзора, потом вновь перевел взгляд на экран, затем протер глаза и ущипнул себя за тыльную сторону ладони.

– Да-а-а, дела-а-а, – растерянно протянул Анзор, – такого даже я не ожидал... А Тигран – три тысячи, да, – хохотнул он, но тут же вновь посерьезнел. – Что ж ты такого откопал, Данька?

– Так ты что, этого объявления еще не видел? – удивился тот.

– Нет, откуда... мне тот парень, что объявление размещал, эсэмэс прислал. Зайди на сайт, есть покупатель, да. Я весь вечер просидел как на иголках. Ты чего моду взял телефон отключать?

– Не знаю, – поежился Данька и снова уставился в экран. Впрочем, Анзор сделал то же самое. И как, скажите, было на него не смотреть, если там сияла совершенно нереальная цифра – 100 000\$.

Переговоры с покупателем взял на себя Анзор. Они договорились, что гонорар честно разделят пополам (для Даньки и половина была совершенной фантастикой, а от мысли о том, что надо будет договариваться с покупателем и потом ехать куда-то за деньгами, вернее за *деньжищами*, ему вообще было как-то не по себе). Ради такого дела Анзор купил за сто пятьдесят рублей новую «симку» с пятью баксами на счете. Когда Данька спросил его, зачем это, тот солидно ответил:

– Понимаешь, как выяснилось, мы с тобой обладаем немалой ценностью, да. И поэтому надо предусмотреть всякие неожиданности. Судя по номеру телефона, покупатель отсюда. Следовательно, можно ждать неприятностей.

– Каких неприятностей? – не понял Данька.

– Ну, чтоб не кинули, да.

– Как это? – удивился Данька. – За что?

Анзор бросил на него снисходительный взгляд.

– Кидают не за что-то, потому что...

– Потому что?

– Потому что лох, – веско отрубил Анзор, – а лохов надо учить, да.

– Это почему это я лох? – вскинулся Данька.

– А вот потому и лох, – пояснил Анзор, – потому что считаешь, что тебя не могут кинуть. Вот приедем на встречу, а нас там раз – вещь отберут и ничего не заплатят, да.

– Он же сам цену назначил? Мы и не торговались даже. И потом как это отберут? Мы обмен произведем в людном месте, чтобы если что – вой поднять, милицию звать...

– Вот-вот, – кивнул Анзор, – я же говорю, лох. В людном месте, – передразнил он Даньку. – А почему ты знаешь, что эти самые люди – не нанятые, да? Если у мужика есть такие деньги, что он может сотку косых баксов вот так запросто за всякую муть выложить, то нанять десяток-другой шкафов, чтобы были под рукой и толпу изображали, ему раз плюнуть. А то и вообще заранее выследить, по телефонному звонку, и еще на подходе зажать и отобрать, да. А милиции будешь ждать вообще до следующего понедельника. Вот прописку проверять –

они тут как тут, – помянул он свою извечную проблему во взаимоотношениях с московскими стражами порядка, – а если что – так не дозовешься.

– И... что же делать? – несколько растерянно произнес Данька.

– Вот поэтому я «симку» и купил, – пояснил Анзор, – позвоним, договоримся и сразу выкинем, да. Чтоб не отследили. А встречу назначим где-нибудь на трассе, да. Чтобы в случае чего можно было между машин дернуть, и адью, понятно?

– Понятно, – растерянно произнес Данька, который на самом деле от Анзоровых рассуждений только еще больше запутался.

– Что бы ты без меня делал?! – покровительственно хлопнул его по плечу Анзор. – Кстати, а поторговаться – это мысль, да. Если он начальную цену такую выставил, то, значит, его вполне можно раскрутить кусков на полтораста...

Звонить решили в обед из сквера.

– Главное, – веско сказал Анзор, – это говорить недолго. Минуту, может, две, да. А то засекут и отследят.

Они дождались, пока в сквере никого не осталось, затем Анзор вставил в свой телефон новую «симку», подсоединил гарнитуру «hands free» с двумя наушниками (ну, которая нужна для того, чтобы мобильник работал в виде радиоприемника), сунул один наушник Даньке, набрал номер и, откашлявшись, прижал трубку к уху.

Довольно долго никто не отвечал. Анзор уже хотел было дать отбой, но тут в наушнике зашуршало, и вслед за этим раздался негромкий мужской голос:

– Аллю...

– Э-э, – чуть севшим от волнения голосом начал Анзор, – я бы хотел поговорить с Артуром Александровичем.

– Минуточку... – ответила трубка. Анзор, воспользовавшись паузой, оторвал ее от уха (хотя зачем он там ее держал, наушник же...) и вытер внезапно вспотевший лоб. Данька облизал пересохшие от волнения губы.

– Я слушаю. – В голосе мужчины явственно ощущался какой-то акцент. Как потом вспоминал Данька, с таким же акцентом говорил и человек, первым взявший трубку.

– Я... по поводу того лота на «eBay», – чуть заикнувшись, начал Анзор.

– А-а, страница из Ипатьевской летописи. Вы очень своевременно разместили предложение, молодые люди, – рассмеялся Артур Александрович, – я как раз в прошлом месяце приобрел на аукционе тот самый список из собрания князей Юсуповых, о котором известно, что он без одной страницы. А тут мой поверенный сообщает мне, что кто-то выставил на «eBay» как раз недостающую страницу. Надеюсь, она в хорошем состоянии. Без повреждений и помарок?

– Да-да, конечно, – быстро закивал Анзор, как будто собеседник мог его видеть, – в отличном... ну, насколько это возможно для столь старой вещи, да. Но я бы хотел поговорить о цене.

– О цене? – удивился Артур Александрович. – Мне казалось, что это более чем приличная цена. Особенно по сравнению с той, что назначили вы.

– Ну... да, конечно, – слегка стушевался Анзор, но тут же взял себя в руки, – только, сами понимаете, вещь уникальная... в единственном, можно сказать, экземпляре, да.

Трубка несколько мгновений помолчала, а затем Артур Александрович мягко, но непреклонно произнес:

– Молодые люди, здесь я диктую условия. Если вас не устраивает цена, что ж... ищите другого покупателя. Только прошу заметить, что ваша страничка никому, кроме обладателя этого списка Ипатьевской летописи, то есть меня, не нужна. И вы ее никому не продадите даже за значительно меньшую цену. Если честно, то и эта цена сильно завышена. Просто я очень обрадовался и не подумал... но, поскольку у меня нет привычки менять свое решение... – Он вновь помолчал, а затем все так же мягко спросил: – Ну так как, вы согласны на эту цену?

Анзор в который раз вытер пот и глухо произнес:

– Да.

– Прекрасно, тогда привезите ее...

– Нет, – вскинулся Анзор, – у нас есть свои условия.

– Вот как... – в голосе мужчины послышалась ирония, – и какие же?

– Обмен мы произведем послезавтра, в три часа дня, у нового выхода из метро «Маяковская». Ни в какие машины мы садиться не будем. Вы приносите деньги – мы проверяем и потом отдаем вам товар. Если нас что-то не устроит или покажется опасным, то мы к вам не подойдем, да. Так и знайте.

Мужчина несколько секунд помолчал. Причем Даньке показалось, что он просто боролся с приступом смеха.

– Ну что ж... если вам так будет удобнее – пожалуйста. Мне обязательно приходиться одному или можно взять с собой шофера и юриста?

– А... юриста зачем? – удивился Анзор.

– Ну... вы так серьезно подходите к нашей сделке, что я тоже решил на всякий случай подстраховаться и взять с вас расписку о том, что деньги вы получили. А вдруг потом объявите в Интернете, что я вас обманул, денег не заплатил, а лот отобрал силой. И что мне тогда делать?

По мнению Даньки, этот Артур Александрович уже просто издевался над ними, но Анзор только важно кивнул:

– Ладно, берите.

– И еще, – продолжил Артур Александрович уже более серьезным тоном, – я требую, чтобы на сделке присутствовали все, кто имеет отношение к этому лоту.

– Все и будут, – подтвердил Анзор.

– Вы меня не поняли, – пояснил Артур Александрович, – я имею в виду не только тех, кто имеет право на долю в уплаченной сумме, но всех, кто знает о самом документе.

– А никто больше и не знает, – легкомысленно отозвался Анзор, – только мы двое... – и тут же испуганно дернулся. Сам же все уши прожужжал Даньке, что главное в деловых переговорах не выдать лишней информации, и вот на тебе, сам же и раскололся, что их всего двое...

– Хорошо, – ответил Артур Александрович. – Тогда я жду, – и дал отбой.

Анзор обессиленно опустил руку с телефоном.

– Да уж... я аж весь взмок. Ну, силен мужик. Как он меня обрезал, когда я попытался поднять цену?!

Данька молча кивнул. Хотя он и не принимал участия в разговоре, от волнения у него спина тоже была вся мокрая.

– Хорошо хоть иностранец попался, да. Больше вероятности, что не наколет, – рассудительно заметил Анзор, – хотя все равно расслабляться не стоит.

– Угу, – кивнул Данька и напомнил: – Анзор, ты говорил, что «симку» надо...

– Ну да, – встрепенулся Анзор, – сейчас... – Он завозился, отсоединяя гарнитуру и снимая заднюю крышку мобильного, чтобы выщелкнуть «симку». – Все, линияем отсюда...

На следующий день они не пошли на лекции, а отправились по магазинам выбирать, что купить, когда получат деньги. Анзор сказал, что тратить их надо быстро. А то могут посадить «хвоста» и отобрать деньги на следующий день. То есть от хвоста он, конечно, оторвется, но береженого, как говорится, бог бережет.

Сначала Анзор, с видом наследного принца, вперся в дорогой бутик и заставил продавцов попотеть, перемерив едва ли не полколлекции. А когда заморенные продавцы сквозь зубы поинтересовались финансовой состоятельностью покупателя, он небрежно, сквозь зубы, бросил:

– Заверните все, что я отложил. Я пришлю своего шофера.

Данька только восхищенно ахнул. Он бы так не смог, даже уже имея пятьдесят косых в кармане. Он так Анзору и сказал. А тот только самодовольно улыбнулся и наставительно заметил:

– Надо привыкать к обеспеченной жизни, да.

Затем они прошвырнулись по Столешникову и окрестным переулочкам и часа через два вышли на Тверскую. Вот там Анзор развернулся по-крупному. Туфли, очки, сорочки, костюмы, джинсы, портфели для деловых бумаг и дорожные сумки, дорогие коньяки и сигары, трубки, запонки, перстни, ручки с золотыми перьями – все мелькало перед глазами Даньки нескончаемым потоком. И Анзор ориентировался во всем этом как рыба в воде. Судя по его размаху, он мог бы потратить за один день не сто тысяч баксов, а как минимум миллион...

В общагу они возвращались уже около десяти, обсуждая, кому что понравилось.

Кроме тряпок, Анзор присмотрел спортивный «мерс» с откидным верхом, а Даньке больше приглянулась новая «пятерка» «БМВ». Ему так понравились удобные кожаные кресла и оплетка руля...

Вечером, уже лежа в постелях, они еще долго обсуждали все увиденное за день, а также, как они будут жить, когда получат деньги. Итог подвел Анзор:

– Все это чепуха. Я тебе другое скажу, да. Ничего мы завтра покупать не будем... ну почти.

– Это почему? – удивился Данька.

– Потому что лиять отсюда надо, да.

– Как? – не понял Данька.

– Не как, а совсем... из страны лиять. Лучше всего в Америку, да. На первое время денег хватит, а потом выучим язык и устроимся. Дело свое откроем, да. Здесь все равно ничего путевого быть не может. Мой двоюродный дядя еще двадцать лет назад уехал – теперь уже миллионер. Родне помогает, да. Знаешь, какая у него вилла во Флориде? Так он, считай, без гроша уехал, а у нас такие бабки будут... – и Анзор мечтательно зажмурил глаза.

Данька поежился. Уезжать? Из страны? Совсем?... А как же мама? Но возразить ничего не решился. Да и что возражать. Надо было еще дождаться, пока наступит завтра...

Интермеццо 2

– Что ж, господа, должен с удовлетворением сообщить, что, похоже, наши с вами дела выходят на финишную прямую... – Генерал, заложив руки за спину, мерным, неторопливым шагом двигался вдоль длинного стола, за которым сидели его подчиненные.

Стол был установлен в застекленном эркере, с одной стороны примыкавшем к кухне, с другой – к просторной гостиной с камином, площадью почти шестьдесят квадратных метров. Это была так называемая «зона столовой», кусок огромного общего пространства, начинающегося от плиты и заканчивающегося дверями кабинета или спальни, которое так любят устраивать в современных домах модные дизайнеры. Что ж, со стороны выглядит неплохо и может быть вполне приемлемо, если питаться в ресторанах и использовать кухню, непременно набитую самым современным оборудованием, только для того, чтобы время от времени сварить себе чашечку кофе. А вот если использовать ее по назначению, то вскоре все портьеры и обивка всей мебели на всем этом роскошно-открытом пространстве пропитаются запахами разогретого масла, жира и тушеной капусты. Либо еще каких-то блюд, которым отдают предпочтение хозяева столь модного жилища. Короче, амбре в гостиной будет еще то...

Впрочем, генерала эти проблемы вовсе не касались. Один из двух снятых группой реконсцировки пентхаусов был полностью отдан в его распоряжение под, так сказать, оперативный штаб. Это не означало, что генерал все время разгуливал по нему в банном халате и шлепанцах на босу ногу и скучающе пялился в один из четырех плазменных экранов, развешанных на кухне, в гостиной, библиотеке и большой спальне. Отнюдь. В этом пентхаусе все время толпились люди, мерцали экранами полдюжины компьютеров, постоянно звонили телефоны.

Но спальное место было только для одного. Для самого генерала. Все остальные спали в соседнем пентхаусе. Так вот, в том пентхаусе, где квартировал генерал, ничего не готовили. Кроме, разве, кофе и кое-каких матэ. Всю еду доставляли из ресторана, расположенного на втором этаже этого огромного дома. Местная кухня, к удивлению генерала, оказалась вполне приемлемой, так что даже он, со своим слабым желудком и выработанной многими годами достатка гастрономической привередливостью, смог подобрать из ресторанного меню несколько блюд по своему вкусу...

Но, вполне возможно, вскоре весь этот пусть и довольно благоустроенный, но все-таки несомненно походный быт должен был уже остаться в прошлом. И генерал сейчас говорил именно об этом.

– ...оперативно-разыскные мероприятия увенчались успехом. – Генерал остановился у застекленного эркера и замолчал, разглядывая панораму ночной Москвы, расцвеченной мириадами огней. Отсюда, с двадцать восьмого этажа, открывался изумительный вид. Конечно, этому виду было далеко до огромных, переполненных вздымающимися ввысь колоннами сотнеэтажных небоскребов с рекламными световыми табло в полнеба панорам родных генералу городов. Но в этой провинциальности было и какое-то свое очарование.

Генерал развернулся к столу.

– Завтра, господа, мы проводим операцию, которая должна завершить нашу миссию. На первый взгляд, она хорошо подготовлена и не представляет трудности. Однако должен заметить, что наши противники – *русские*. – Генерал сделал паузу и окинул подчиненных орлиным взглядом, вкрадчиво добавив: – Надеюсь, все детально ознакомились с легендой и прилагаемыми к ней материалами, так что ни у кого не возникнет проблем с терминологией...

Все преданно ели начальника глазами.

– Так вот, напоминаю, что нам придется иметь дело с русскими, а они, как нам известно из истории человечества, всегда считались сложным противником. Способным спутать все,

даже самые тщательные и хорошо продуманные расчеты. Так что я призываю вас не расслабляться и быть предельно собранными. Наша страна ждет от нас только успеха... Вопросы?

Ответом ему было молчание.

– Что ж, господа, тогда не смею вас задерживать. Напоминаю, время начала операции – пятнадцать часов, время готовности к ней – четырнадцать, время выезда – двенадцать ровно. Сами знаете здешние пробки...

Когда генерал остался один, он еще раз подошел к эркеру и бросил взгляд на город. Несмотря на всю убежденность, которую он демонстрировал перед подчиненными, уверенности в завтрашнем успехе он не чувствовал. Уж слишком многое было против... Но не будешь же говорить подчиненным в момент постановки задачи, что предчувствуешь неудачу, а то, не ровен час, на самом деле накликаешь беду. К тому же, чем черт не шутит, может, все его предчувствия – пустые страхи человека, испытавшего на своем жизненном пути множество неудач. И завтра все пройдет, как здесь говорят, без сучка без задоринки. Ответ на это мог дать только завтрашний день...

Глава 5

– Ну что, готов, да?

Анзор окинул Даньку внимательным взглядом. Тот пожал плечами и, стиснув зубы, кивнул, постаравшись, чтобы это выглядело гордо и сурово. Получилось не очень...

К мероприятию они готовились все утро. Анзор спозаранку убежал куда-то, поручив Даньке «привести вещь в порядок». Что означало – смыть те корявенькие буквы, что были нацарапаны поверх книжного текста. Ведь покупатель ясно заявил, что его интересует только первоначальный текст, а пометки, наоборот, не обрадуют. Причем Анзор поставил задачу таким тоном, что Данька понял, что возражений тот не потерпит. Поэтому он покорно кивнул.

– Ты это, – чуть смягчившись, когда ожидаемое сопротивление не последовало, посоветовал Анзор, – лучше сгоняй в гастроном и возьми бутылку водки. И спичек, да. Заточишь спичку, капнешь на нее водкой и смочишь линию. А потом аккуратненько, ваточкой, промокнешь, да. А то как бы водой основной текст не повредить...

Данька честно сходил за водкой, спичками и ватой, нехотя подготовил себе рабочее место на столе, развернул листок и... понял, что ни за что на свете не будет этого делать...

Анзор появился в два часа, когда Данька уже начал волноваться.

– Ты где был?

Анзор окинул хозяйским взглядом стоявшую на столе бутылку водки, вату, спички, нож, одобрительно кивнул и уточнил:

– Все получилось?

У Даньки не хватило духа признаться, что он так и не решился прикоснуться к тексту, поэтому он лишь молча кивнул.

– Молодец, да, – похвалил Анзор и, вытащив из кармана какой-то фломастер и странное устройство с трубочкой газоразрядной лампы сиреневого цвета, показал их Даньке.

– Детекторы валют искал. Вот это, – он поднес к Данькиному носу фломастер, – детектор бумаги. Если бумага поддельная – тут же меняет цвет, да. А это – ультрафиолетовая лампа. Еле достал...

На «Маяковскую» они приехали минут за пятнадцать до указанного срока. Анзор отчего-то посчитал, что приходить так рано не солидно, и они еще почти десять минут выписывали круги по станции, ожидая, пока выйдет время...

Артура Александровича они увидели сразу. Он стоял прямо напротив выхода из метро весь из себя такой не наш – в элегантном белом плаще, шикарных очках в золотой оправе с затененными стеклами и с причудливо изогнутой трубкой в левой руке. Рядом с ним, держа над его головой черный зонт с полированной деревянной ручкой, топтался какой-то мужик, также неплохо одетый, но на фоне Артура Александровича слегка терявшийся. То есть они с Анзором, конечно, точно не могли знать, что этот мужчина и есть тот самый Артур Александрович, но кем, скажите на милость, он еще мог бы быть?

Он их тоже вычислил сразу. Во всяком случае, едва они вышли из дверей, как взгляд Артура Александровича, до того момента рассеянно скользивший по потоку машин, едва ползущих по Тверской, тут же обратился в их сторону, и на его губах заиграла приветливая улыбка.

Данька поежился. Выражение лица изменилось так резко, как будто Артур Александрович просто повернул внутри себя какой-то выключатель...

– Добрый день, молодые люди, очень рад вас видеть.

Анзор солидно пожал протянутую ему руку, а Данька, в свою очередь, торопливо коснулся ладони и отступил назад, чуть за спину Анзора. Взял на себя переговоры – вот пусть и отдувается...

Анзор тут же приступил к делу.

– Деньги при вас?

– Конечно, – все так же мило и добродушно улыбаясь, сказал Артур Александрович. Он кивнул мужику с зонтом, и тот выставил вперед свободную руку, в которой держал элегантный кожаный портфель-саквояж. Артур Александрович взял у него портфель и, протянув его Анзору, ехидно спросил: – Пересчитывать здесь будете?

Анзор покосился на плотную толпу, с трудом обтекавшую их небольшую группку, занявшую едва ли не половину узкого тротуара, и нерешительно замер. Этот вопрос он как-то не продумал. На несколько мгновений повисла пауза, потом Артур Александрович, улыбка которого вновь превратилась в доброжелательную, спросил:

– Могу я предложить вам воспользоваться моим гостеприимством?

Анзор недоуменно посмотрел на него. Артур Александрович вскинул руку, и здоровенная иссиня-черная «БМВ», стоящая у тротуара метрах в десяти от них, мягко скользнула вперед и затормозила прямо рядом с ними. Из машины тут же вылез водитель и, подскочив к задней двери, распахнул ее и замер в полупоклоне, устремив взор на хозяина. Артур Александрович с улыбкой указал на распахнутую дверь и добавил:

– Если, конечно, я уже перестал вызывать у вас столь серьезные опасения...

Даньке в этой фразе послышалось нечто провокационное... Он качнулся было к Анзору, но тот уже шагнул вперед и, небрежно кивнув шоферу, полез внутрь салона. Поэтому Даньке ничего не оставалось, как последовать за ним.

Едва они уселись, как Артур Александрович положил Даньке на колени дипломат, а шофер аккуратно и почти бесшумно затворил дверь. Они оказались одни в теплом и пахнущем дорогой кожей, лакированным деревом и еще какими-то запахами достатка салоне. Лицо Анзора озарила довольная улыбка. Он откинулся на мягких кожаных сиденьях и слегка подпрыгнул, пробуя их.

– Вот это жизнь, Данька! Я всегда знал, что создан именно для такой жизни, да. Ты видел, какой у него плащ? Силен мужик, сразу видно – Европа, да!.. Ну ладно, – он по-хозяйски сдернул с Данькиных коленей дипломат и, раскрыв его, деловито достал первую пачку.

Данька отвернулся к окну и...

– Ты чего? – удивленно спросил Анзор.

– Там... бомж, – испуганно пробормотал Данька.

– Где?

– Ну вот, на тротуаре, на корточках сидит.

Анзор приподнялся на сиденье. Действительно, совсем рядом с великолепным Артуром Александровичем, практически за его спиной, на корточках сидел какой-то мужик в длинном и изрядно потертом кожаном плаще, со спутанными и мокрыми от дождя длинными волосами, и ковырялся в луже какой-то веточкой. На плече у него висела небольшая торбочка.

– И чего? – сердито отозвался Анзор. – Ты что, бомжей не видел, да? Отвлекаешь тут, а дело стоит... – и он вновь занялся деньгами. Данька между тем продолжал пялиться на бомжа. Тот, похоже, почувствовал взгляд и, подняв голову, посмотрел прямо на Даньку. И, несмотря на то что боковые стекла «БМВ» были солидно затонированы, Даньке показалось, что бомж его увидел. Увидел и улыбнулся. Данька вздрогнул и попытался отвести глаза. Но не успел. Бомж сам опустил глаза и вновь принялся сосредоточенно ковыряться в луже прутиком. И московская толпа обтекала его, будто не замечая.

На некоторое время в салоне машины установилась тишина, нарушаемая только шуршанием бумаги и шепотком Анзора, бормочущего себе под нос:

– Сорок один, сорок два, сорок три, сорок четыре...

А Данька был занят тем, что старательно *не смотрел* на бомжа.

Наконец Анзор закончил считать и, захлопнув дипломат, весело посмотрел на Даньку.

– Все точно, – в его голосе явно слышалось глубокое удовлетворение, – два раза пересчитал, – он хохотнул, – а Тигран – три тысячи... расскажу – локти кусать будет, да, – он аж зажмурился от удовольствия, а потом кивнул Даньке: – Давай доставай, – и, наклонившись через него, постучал в боковое окно.

Дверь распахнулась, и в салон проникла все та же приветливая улыбка Артура Александровича.

– Все точно, – солидно произнес Анзор, – забирайте, да, – и недовольно покосился на Даньку, который все еще тряс плечами, стаскивая со спины рюкзачок.

Улыбка Артура Александровича стала еще дружелюбнее.

– Отлично, молодые люди, но не находите ли вы справедливым, что теперь и я должен буду убедиться, что вы принесли мне именно то, о чем мы с вами договаривались? Я ведь этого еще даже не видел.

Анзор нахмурился, но крыть было нечем. Все правильно, им-то деньги вручили сразу же, даже не удостоверившись, что они те, за кого себя выдают, и что у них есть то, что нужно. Такое доверие крыть было нечем... Он кивнул Даньке и потянулся к ручке своей двери, собираясь вылезти из салона. Но Артур Александрович мягко остановил его.

– Не могли бы вы задержаться? Салон достаточно просторен, чтобы мы уместились втроем, а я бы хотел, чтобы вы, прежде чем со мной попрощаетесь, подписали оговоренный нами вчера документ. – И вновь включив свою улыбку, добавил: – Моя проверка не займет много времени.

Он даже не уселся, а этак элегантно втек в салон. Водитель вновь мягко захлопнул дверь, но не двинулся к своему месту, а остался там же, рядом с мужиком, держащим зонт.

Когда Данька передал ему пеналец, Артур Александрович вытащил из внутреннего кармана футляр, достал из него приборчик, напоминающий монокль на налобном ремешке, пинцет, скальпель и еще какие-то инструменты, надел приборчик и легкими, аккуратными движениями раскрыл пеналец. Поддев пинцетом страничку, он извлек ее из пенальца и ловко развернул. Еле слышно щелкнул выключатель, и прямо внутри монокля зажглась яркая лампочка. Анзор двинул Даньку под ребра и бешено завращал глазами. Он увидел, что тот так и не смыл буроватую надпись, накорябанную поверх текста. Но Артура Александровича это отчего-то совершенно не рассердило. Он поднес листок к моноклю и некоторое время изучал его, а затем удовлетворенно кивнул и, сдвинув монокль на лоб, повернулся к Даньке.

– Как я понял, молодой человек, именно вы обнаружили *его*...

Это «*его*» прозвучало так, что Данька вдруг остро осознал: только что он совершил ужасную ошибку. Сколько бы им ни предложили, этот странный испорченный листочек стоил во много-много раз больше – наверное, на всей Земле не было столько денег, чтобы его купить... Но что можно сделать сидя здесь, зажатым между вцепившимся в дипломат со ста тысячами долларов Анзором и этим странным Артуром Александровичем, только что провернувшим, наверное, *самую выгодную сделку* всей своей жизни?

И тут дверь распахнулась, и внутрь салона просунулась мокрая, со спутанными волосами голова того самого бомжа.

– М-м... господин хороший, я это... не пожертвуете...

Он не успел продолжить, так как стоявшие рядышком шофер и тот мужик с зонтом (непонятно, как этот бомж смог пробраться мимо них?) подскочили к нему сзади и, вцепившись в плечи, сильным рывком выдернули из машины. Но бомж успел ухватиться руками за лацканы плаща Артура Александровича и вытянуть его, совершенно не ожидавшего подобного развития событий, за собой. И Данька увидел в этом свой шанс. Он, зажмурившись, нырнул вперед и, проскользнув между ног пытящих и старательно тузивших бомжа шофера и мужика с зонтом, выхватил из пальцев Артура Александровича листок, сгреб упавший на грязную московскую мостовую пеналец и рванул вбок, между машинами, прямо на разделительную полосу –

куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого Артура Александровича. Совершенно забыв про вцепившегося в портфель Анзора...

Остановился он в каком-то тупике. Тупик – это было плохо, могли догнать, но бежать дальше сил не было. Данька привалился спиной к кирпичной стенке, перегородившей проход, и сполз по ней на землю. Пот заливал глаза, сердце колотилось о ребра.

Он смежил веки. Перед глазами осталось какое-то мельтешение людей, машин, стен домов, кустов и деревьев. Он смутно припомнил какие-то фигуры, метнувшиеся к нему прямо сквозь ряды медленно двигавшихся в пробке машин, мотоциклиста, катившего прямо по разделительной и ошалело вытаращившего глаза, когда Данька перепрыгнул через него, отчаянно вскочив на переднее колесо и оттолкнувшись от руля. Но что происходило дальше – было как в тумане... какие-то дворы, скверы, проходные подъезды...

Спустя десять минут он очухался настолько, что смог неуклюже подняться на ноги и осторожно выглянуть из-за угла дома. Погони не было. Похоже, отстали. Данька вытер рукавом лицо. Черт, с Анзором как нехорошо получилось. Впрочем, деньги-то остались у него, так что к нему особых претензий быть не должно. Главное, что «это», чем бы оно ни было, не досталось этому «Артуру Александровичу». Данька не знал, почему он был так уверен, что это главное, но никаких сомнений у него уже не осталось.

Ладно, теперь надо было решать, что делать дальше. Возвращаться в общежитие было нельзя – первым делом его будут караулить именно там. Значит, надо искать ночлег. А у кого он может заночевать? Данька остервенело потер лоб, но ничего, кроме раскладушки у Клишина с Балабаевым, на ум не приходило. Он вздохнул и уже принялся было прикидывать, как это незаметно так пробраться в общагу, но тут его осенило. Данька быстро выудил мобильник и торопливо набрал номер.

– Гаджет, ты где?

– На «Баррикадной», а что случилось?

– Можно я сегодня у тебя переночую?

В голосе Гаджета послышалось удивление.

– Можно, жалко, что ли, даже веселей будет – предки все равно на дачу укатали, а что случилось-то?

– Да так... надо мне.

– Ну, надо, так приходи... только это, – внезапно спохватился он, – я как раз тебе звонить собирался. У меня сегодня сходка, в восемь. Наши придут. И Кот обещался быть. Собирались думать, что дальше делать. Билл-то, слышал, к себе в Калугу укатил. Говорят, институт бросил. Кот бегал вместо него академку оформлял.

Данька досадливо сморщился. В свете вновь возникших проблем то, что будет с группой, его волновало не шибко. Да и очередной раз выслушивать язвительные подначки Барабанщицы тоже удовольствие ниже среднего. Но деваться все равно было некуда. Кроме Гаджета, никаких других вариантов как-то не просматривалось.

– Ладно, – буркнул он и нажал отбой. Потом бросил взгляд на мобильник и, припомнив наставления Анзора, поспешно надавил кнопку общего выключения. И только после этого перевел дух.

Некоторое время он сидел, тупо соображая, что делать дальше, а затем сглотнул забывшую рот слюну и понял, что жутко хочет пить... и есть.

Денег в кармане оказалось не так много – полтинник с мелочью. Как раз хватило на бутылку колы и шаурму. Ведь шли-то как раз за деньгами... Но сначала надо было выбраться к метро. Данька встал и огляделся. В какую сторону идти, совершенно непонятно. Но слишком далеко от Тверской он убежать был не должен...

До «Коломенской», где обитал Гаджет, Данька добрался как раз около восьми. Уже стемнело, а он был у Гаджета дома всего два раза, причем последний едва ли не полгода назад, и

потому слегка запутался. Поплутав минут двадцать, он остановился у какого-то детского сада или, скорее, школы и, холодея от страха, включил мобильник.

Мобильник Гаджета был занят, Данька чертыхнулся про себя, но затем вспомнил, что уже восемь, и народ, скорее всего, уже подтягивается к Гаджету. Быстро зайдя по закладке, набрал первый попавшийся номер из группы. И только когда в трубке послышались гудки, до него дошло, что звонит Барабанщица.

Та ответила сразу же, не дав ему нажать кнопку отбоя. Как будто держала мобильник в руке.

– Привет, Джавецкий, в чем дело?

– Да я... это... – Данька слегка покраснел. – Чего-то тут запутался.

Барабанщица фыркнула.

– Как всегда... Ох, Джавецкий, у тебя когда-нибудь что-нибудь бывает как у людей?

– Слушай, Барабанщица, – разозлился Данька, – можешь помочь, помощи, а нет – пошла ты...

– Сколько раз повторять, – ледяным голосом произнесла Барабанщица, – мне не нравится, когда меня так называют. Меня зовут Мария, понятно?

– Понятно, – рявкнул Данька. – Ты будешь помогать или как? А то я отключаюсь и звоню кому-нибудь другому.

– Ты где? – чуть сбавила тон Барабанщица.

Данька объяснил.

– А-а, понятно, стой там, сейчас буду.

И Данька торопливо выключил телефон...

Барабанщица появилась спустя пару минут. Окинула его презрительным взглядом и небрежно бросила:

– Пошли.

Идти оказалось недалеко – только завернуть за угол и наискосок пересечь двор. Дверь подъезда, несмотря на домофон, была открыта, а вот свет в лифте не горел. Поэтому когда дверцы сомкнулись и они с Барабанщицей оказались вдвоем в маленькой кабинке в абсолютной темноте, Данька невольно затаил дыхание. Барабанщица стояла прямо напротив двери, и когда они проезжали мимо этажей, сквозь узкую щель между створками по ее лицу, как будто странные движущиеся тату, пробежали причудливые тени. И от этого она казалась этакой древней амазонкой, уже приготовившейся к бою и нанесшей на лицо и тело грозную боевую раскраску.

«А ведь она красивая...» – внезапно и совершенно не в тему подумал Данька. И это открытие изумило его едва ли не больше, чем все события сегодняшнего дня. Он так и стоял, зачарованно пялясь на Барабанщицу, когда лифт наконец остановился.

– Ну что застыл, умер, что ли? Приехали! – Девушка двинула ему крепким кулачком в грудь.

Когда они вошли, выяснилось, что все уже в сборе. Гаджет, открывавший дверь, увидев, что они пришли вдвоем, отчего-то слегка посмурнел. Впрочем, Данька этого не заметил. Он все еще находился под впечатлением сделанного им в лифте открытия.

Первые полчаса народ просто трепал языками и пил пиво с чипсами и орешками. А Данька сидел в уголке с бутылкой пива и, лениво-односложно отвечая на случайные вопросы, нет-нет да бросал исподтишка взгляды на Бара... то есть на Машу. Ему как-то сразу расхотелось называть ее Барабанщицей. Попутно рассматривая вопрос – как это половчее пригласить ее куда-нибудь посидеть и не нарваться на ехидный отказ. И только выпив полбутылки, он вдруг понял, что все это нереально, поскольку денег – голяк и он в бегах. И от этого стало так обидно, что Даньку прошибла слеза. Ну куда он раньше смотрел?!

Затем бразды правления компанией совершенно естественно взял в свои руки Кот. Он постучал вилкой по бутылке пива и громко сказал:

– Ну что, господа, а не пора ли нам, пока мы еще не совсем усосались пивом, обсудить то, зачем мы сегодня здесь собрались.

И вся компания, уже потихоньку растекшаяся кто на кухню, кто в другие комнаты, начала стягиваться обратно в гостиную.

Когда все расселись (Гаджет уступил единственное кресло Коту, а сам примостился на диване рядом с Барабанщицей), Кот вновь постучал вилкой по бутылке и, ухмыляясь, произнес:

– Итак, уважаемое собрание, на повестке дня один вопрос. Мы должны обсудить, кто в нашей группе возьмет на себя обязанности лидера.

– А мне кажется, что нам стоит обсудить нечто совершенно другое, – внезапно встряла Барабанщица.

– А мне кажется, – тут же накинулась на нее Немоляева, – что ты, Кузнецова, слишком много себе позволяешь.

Все понимающе переглянулись. Ну еще бы, ее Кота посмели прервать... Но, к удивлению всех, Барабанщица не стала отвечать на ее выпад с обычной резкостью, а продолжала молча смотреть на Кота. И тот не выдержал.

– Что ж, Маша, если у тебя есть важная информация, то говори.

– Есть, – кивнула Барабанщица и, повернувшись к Даньке, воткнула в него суровый взгляд и продолжила: – Мне кажется, что наш товарищ попал в беду. И что ему требуется помощь. Ведь так, Даниил?

Данька опустил глаза и, покраснев, пробормотал:

– И ничего не так...

– Да, ладно тебе, Данька, – встрял Гаджет, – колись уж... сам же просился сегодня у меня переночевать.

Такого предательства Данька от Гаджета не ожидал. Он сердито покосился на Гаджета и еще больше смутился, чувствуя на себе любопытные взгляды товарищей. Ну как же, что может быть интереснее, чем проблемы ближнего твоего. На этом построены все мыльные оперы...

– Мы, конечно, не настаиваем, Даниил, – влез Кот, будто вспомнив, что он вроде как старший, – решать тебе. Но ты вот о чем подумай. Если твои проблемы достаточно серьезны, то тебе явно потребуется помощь. А к кому ты здесь еще можешь обратиться?

Вот это было правдой... Данька вздохнул, похоже, признать во всем действительно будет единственно разумным поступком. Ребята, конечно, могут обидеться, что он не рассказал сразу, но на фоне сегодняшних проблем эта обида выглядела такой мелочью...

– Ладно, – сказал Данька и, вздохнув, потянул со спины рюкзачок...

Слушали его в гробовой тишине, прервавшейся только один раз, когда он назвал сумму, которую предложил им с Анзором за этот листок «Артур Александрович». Гаджет дернулся и, вытаращив глаза, недоверчиво переспросил:

– Скока?!! Ошалеть...

А все присутствующие стали рассматривать листочек с гораздо большим уважением.

Когда Данька закончил, все какое-то время молчали, находясь под впечатлением услышанного. Потом Веня покачал головой и, хмыкнув, протянул:

– Да-а-а, ну и вляпался ты, Джавецкий...

– Да че тут вляпался! – тут же встрял Гаджет. – Вы че, не понимаете? У человека помутнение в мозгах! Надо вызвать ему доктора, а самим по-быстрому разыскать того чувака... Сто тысяч «бакинских», да это ж... он же нам потом спасибо скажет. Когда очухается...

– Заткнись, Гаджет, – зло рывкнула Барабанщица, – что с этим делать, – она помахала в воздухе листком, который после того, как все его рассмотрели, оказался у нее в руках, – Даниил решит сам. Это его право. А нам надо решить, как ему помочь, понятно?

– Да я че... – стушевался Гаджет. – Я молчу...

Все вновь задумались.

– В универе появляться тебе нельзя, – рассудительно произнес Лысый. – Если ты прав насчет того, что этому типу так нужна эта бумажка, то он тебя точно там караулить будет. Или кто-нибудь из его банды.

– Так его и выпереть могут, – тут же заключил Веня, – за прогулы. Сессия на носу.

– Можно оформить академку, – задумчиво произнес Кот, – только вот в институте действительно появляться нельзя, а за тебя этого никто не сделает. У нас-то знали, что мы с Биллом дружки...

– Может, и можно... – морща лоб, произнес Данька, – у нас административный корпус отдельно. А в заборе дыр немерено. А ректора я поймаю, когда он на обед пойдет, он, говорят, нормальный мужик...

– А с этим что делать? – Барабанщица подняла листок.

– Надо ученым отдать, в Академию наук, – серьезно заявила Немоляева, – или в милицию. Пусть сами разбираются.

– Каким ученым?! В какую милицию?! – завопил Гаджет. – Вы что, совсем, что ли? Ну не хочет Данька продавать эту фигню Артуру Александровичу, так другого покупателя найдем. Не может быть, чтобы она была нужна только ему одному, – врет он все... А если отдадим – то все, никакого бабла нам не видать, точно!

– Слушай, Гаджет, я тебе уже сказала – заткнись, – с выражением почти истощившегося терпения на лице произнесла Барабанщица и, повернувшись к остальным, потребовала: – Вот что, нечего языком трепать, есть что-нибудь конструктивное – давайте.

Спустя полчаса обсуждения пришли к следующему: сегодня и завтра Данька ночует у Гаджета. У того родители все равно должны были приехать с дачи только в воскресенье вечером. Ну а к тому моменту кто-то из остальных решит вопрос с Данькиным проживанием. Веня сказал, что у него соседи собираются отбыть на несколько дней в Крым, а ключ от комнаты оставляют ему. Правда, не в понедельник, а где-то в среду... Сам Данька сидит тихо и никуда не высовывается. Во всяком случае, пока. Кроме того, Барабанщица и Лысый полазят по Интернету и попытаются накопать что-нибудь по поводу этой странички и упомянутой Артуром Александровичем Ипатьевской летописи. Хотя особой веры в его слова не было, ну а вдруг...

Вечером, когда все уже разошлись и они с Гаджетом укладывались спать, тот неожиданно пробурчал:

– И вообще, странно, почему ты решил провернуть это дело с этим твоим Анзором.

– Я ж рассказал, как получилось, – начал было Данька, но потом, осознав, что Гаджет не спрашивает, а, наоборот, утверждает, спросил: – А что?

– А то, что такие дела надо делать со своими.

Данька непонимающе уставился на Гаджета. Он с Анзором уже полтора года живет в одной комнате, так чем тот не свой-то? Так он и спросил:

– А почему это Анзор не свой?

– Так он же не русский, – озадаченно, словно удивляясь, как Данька может не понимать совершенно очевидных вещей, ответил Гаджет...

Глава 6

Они его ждали.

Не успел Данька вылезти из кустов, прикрывавших известную всем в универе (кроме службы охраны) дыру в заборе, как на дорожке, ведущей к административному корпусу, показались двое «шкафов» в темных плащах, чем-то неуловимо напоминающих того мужика, что держал зонтик над головой Артура Александровича. Данька попятился обратно, в кусты и, уже ныряя в ту самую дыру, из которой вылез меньше минуты назад, ругнулся про себя. И дернул же его черт переться в университет, оформлять себе академку... С другой стороны, кто ж знал, что все так серьезно. А вылетать из универа никак не хотелось. Мать вон надрывается, оплачивая его не очень-то и дешевое обучение, а он раз – и все похерит?.. Впрочем, если быть честным, была еще одна причина, почему Данька решился на столь, как выяснилось, опасную вылазку. В глубине души он надеялся, что за выходные все как-то само собой рассосется, он убедится, что никто его не ищет, проберется к себе в комнату и извлечет со дна чемодана свой заглазник. Тогда он сможет пригласить куда-нибудь Бару... то есть Машу. И вдруг такой облом! Впрочем, с другой стороны забора тоже есть дыра, не могут же они...

Окончить мысль ему так и не удалось – ему на плечо легла чья-то тяжелая рука. И Данька понял, что попался...

Этих также было двое. Почти одинаковые, в длинных плащах, черных очках и черных перчатках, они ничего не говорили и даже особенно не держали Даньку. Но Данька почему-то точно знал, что, стоит ему попытаться дернуться, как эта вроде бы совершенно расслабленная рука мгновенно сомкнется на его плече, как клещи.

Он огляделся по сторонам. Может, заорать? Знакомых вокруг не было. Еще бы – первая пара в самом разгаре. Так что все, кто проснулся, – уже на лекции, а кто спит, тот спит. С другой стороны, вон люди, бабулька ковыляет, молодая мама с коляской, мужики у киоска...

– Не стоит делать глупостей, – будто отвечая на его мысли, внезапно произнес тот, который держал руку на его плече, – вам ничего не угрожает. Я понимаю, что вам сейчас не по себе, но, согласитесь, вы сами во всем виноваты.

Тут Данька вынужден был согласиться. Никто не заставлял его идти на поводу у Анзора и ввязываться в продажу найденного. А потом вот так, на первый взгляд с бухты-барахты, давать деру из машины, когда все вроде как уже было договорено и согласовано. Но кто ж его знал-то... Данька горестно вздохнул. Говорили же ему – думай, думай, прежде чем что-то сделать, так нет... так и не научился. Какая моча в голову ударит – светлая, темная или, скажем, зеленая – так и поступает. Причем часто даже не ему ударит, а кому-то рядом – Анзору, Гаджету или, скажем, Биллу.

Со стороны-то посмотреть – вроде как все нормально: школу закончил, в институте учится, зачеты сдает, выбранной профессией, так сказать, овладевает, а на самом деле несет его по жизни, как осенний листок по ручью, почему, как и куда – он сам не знает. Все как-то помимо него случается. И даже когда он думать пытается, все равно все через пень-колоду выходит. Ну как сейчас. Потому что и не мысли у него выходят вовсе, а так... нервные импульсы или гормональные выбросы...

Но дофилософствовать ему не дали. На дороге, напротив них, остановилась большая иссиня-черная машина «БМВ», и ладонь, лежащая на его плече, чуть толкнула его вперед. Пора, мол, иди. Данька вновь покосился в сторону. Бабулька уже куда-то уползла, молодая мама как раз переходила через дорогу, а куца очередь из мужиков у киоска, затарившись понедельничным утренним пивом, также почти рассосалась. У киоска маячила только одна долговязая фигура.

– Я же говорю, – вновь услышал Данька, – вам ничего не угрожает.

И этот спокойный тон, и небрежно лежащая на плече рука сказали Даньке обо всем происходящем больше, чем самая многословная речь. Его – не выпустят. Даже не стоит и пытаться.

Он покорно дал проводить себя до машины и влез на заднее сиденье, с трудом уместившись между двумя громилами, усевшимися справа и слева от него. И когда машина уже тронулась, Данька бросил последний взгляд на знакомую улицу, на заросший кустами забор универса, на киоск... и вздрогнул. У киоска, облокотившись на обшарпанный прилавок, рядом с которым мужики понетерпеливей прям и высасывали свежекупленную бутылку пива, стоял тот самый бомж... ну, с «Маяковки». Благодаря которому Данька смог сбежать от Артура Александровича...

Данька бросил на него отчаянный взгляд. «Миленький, – запричитал он про себя, – ну сделай что-нибудь, ну выручи... я же знаю, ты сможешь... ну пожалуйста...» Он скорее не причитал даже, а... молился. Молился, не надеясь уже ни на что, только на чудо...

И чудо произошло! Бомж его услышал!!! Он сгреб из тарелочки для денег какую-то мелочь, взял протянутую продавщицей литровую банку пива и, повернувшись, посмотрел прямо на Даньку. Водитель в этот момент сдавал назад, разворачиваясь в противоположную сторону, так что Данька видел бомжа очень отчетливо – между средней стойкой кузова и выдвинутым вперед подбородком одного из громил. Данька вздрогнул, все еще не веря в то, что невозможное может случиться. А бомж вдруг улыбнулся и, подкинув банку пива, перехватил ее поудобней, а потом... со всей дури метнул ее прямо в лобовое стекло, туда, где сидел водитель, уже закончивший разворот и надавивший на газ.

Дальнейшее отпечаталось у Даньки в мозгу, как будто он смотрел на все происходящее в записи, причем с замедленной скоростью прокрутки. Банка влетела в салон, пробив стекло, и лопнула, врезавшись в лоб водителя, залив всех, кто сидел внутри, фонтаном холодного пива. Водитель издал какой-то странный горловой звук и завалился на спинку кресла, выпустив руль. Машину, уже успевшую набрать приличную скорость, повело, и она со всего маху врубилась правым крылом в фонарный столб.

Даньку, сидевшего как раз напротив зазора между передними креслами, метнуло вперед и, под грохот срабатывающих подушек безопасности, выбросило наружу сквозь разбитое банкой лобовое стекло...

Он очнулся, почувствовав, как ему на лицо что-то капает. И еще немного болела голова. Данька моргнул раз, другой... и все вспомнил. Он попытался вскочить на ноги, но вместо этого едва не сверзился с бревна, на котором лежал. С трудом удержав равновесие, Данька принял наконец устойчивое положение и испуганно огляделся. Он был в лесу. В березовом. Сверху, из ветвей деревьев, доносилась суматошная птичья трескотня. А сбоку, в паре шагов, потрескивал небольшой костерок. Рядом с костерком, на корточках, сидел давешний бомж и что-то варил в пустой консервной банке. Больше никого рядом не было.

Данька пару мгновений непонимающе пялился на своего избавителя, а затем не нашел ничего лучшего, как тупо брякнуть:

– Здрасьте...

– Привет, привет, – кивнул бомж, не оборачиваясь. – Очнулся?

– Ну... да, – озадаченно ответил Данька и, не удержавшись, спросил: – А где... эти?

– Ты о тех, с кем имел честь ехать на том шикарном авто?

– Угу.

Бомж нагнулся над банкой, втянул носом воздух и, удовлетворенно кивнув, ухватил ее пальцами и ловко снял с огня.

– Мне показалось, что ты сел с ними в машину без особого желания. Поэтому я и отнес тебя сюда. А они остались в машине.

– А... где мы?

– Недалеко, – бомж махнул рукой куда-то в сторону, – до дороги метров двести.

– А-а, – понимающе кивнул Данька. Через дорогу от университета начиналась лесополоса, и они, похоже, находились именно в ней. Данька сполз с бревна, потер лоб и нерешительно промямлил: – Ну... я пойду.

– Минутку, – бомж взял в руки банку, минутку подержал ее, будто примеряясь, потом сгреб немного снега, сохранившегося под бревном, и аккуратно поводит им по краю банки, чтобы жест остыла. Потом протянул ее Даньке. – Вот, выпей.

– Что это?

– Отвар березовой коры... и кое-что еще.

– Зачем?

– Ну ты же не хочешь грохнуться в обморок прямо на эскалаторе, а после всего, что с тобой сегодня приключилось, это вполне реально.

Данька задумчиво потерся щекой о плечо.

– А если выпью – то не грохнусь?

– Если выпьешь – нет, – серьезно ответил бомж. Данька вздохнул, осторожно взял банку и отхлебнул. Вариво было горькое и противное, но после первого же глотка головная боль прошла и, более того, в голове отчего-то прояснилось. Причем настолько, что Данька задал себе вопрос: почему это он так спокойненько сидит и пьет это сваренное неизвестно кем неизвестно из чего вариво. Данька сделал еще один глоток, потом осторожно поставил банку и хрипло сказал:

– Спасибо, но я это... пойду.

Бомж улыбнулся и спокойно кивнул, после чего взял банку с того места, куда Данька ее поставил, и вновь отвернулся к костру...

Из леса Данька выбрался минут через пять. Сначала, естественно, двинулся не туда, но потом услышал гул машин и повернул в нужную сторону.

Сколько он провалялся без сознания, Данька определить не мог, но, очевидно, немало, поскольку около исковерканного «БМВ», снесшего бетонную мачту освещения, никого уже не было. Ни милиции, ни «скорой», ни толпы зевак, ни даже любопытных мальчишек. Осторожно озираясь, Данька приблизился к ней, метров на пятьдесят и... замер с разинутым ртом. Вот это да! Номера-то на «БМВ» были не простые, а специальные, с государственным флагом. Значит... этот самый Артур Александрович не был никаким иностранцем. Он был этим, как его... Данька наморщил лоб и потер его... ну да, фээсбэшником. И все это время за ним охотились фээсбэшники. Значит, он зря считал, что не заинтересовал их, когда выбрался из тех подземелий под Кремлем. Они специально сделали вид, что не интересуются им, а на самом деле установили за ним тайную слежку, чтобы... чтобы... чтобы выявить все его связи. Данька нахмурился. А зачем им его связи? Он что, работает на иностранную разведку? А может, они думали, что работает?

От всех этих предположений у него вновь разболелась голова, и Данька решил, что хватит уже торчать здесь посреди улицы истуканом, пора двинуть наконец... куда? Когда Данька утром покидал берлогу Гаджета, еще не было определено, где он будет квартировать сегодня. Родители Гаджета, приехавшие с дачи в воскресенье, довольно спокойно отнеслись к тому, что приятель сына у них переночует, но оставаться там еще на одну ночь было чревато лишними расспросами. Поэтому Данька, отойдя от разбитой машины, присел на лавочку и извлек мобильник (держат его все время отключенным уже как-то вошло у него в привычку). Включив телефон, он нерешительно замер, прикидывая, кому бы позвонить. Гаджету? Или Вене? Решить этот вопрос он так и не успел – мобильник в его руках зазвонил сам.

– Да?..

– Джавецкий, слушай внимательно, диктую адрес...

От раздавшегося в телефоне звонкого девичьего голоса у Даньки стало так тепло на душе, что он едва не прослушал этот самый адрес.

– Все запомнил?

– Ну... да. Все.

– Повтори.

Когда Данька, запинаясь, повторил адрес и как добраться, все эти «первый вагон из центра» и «налево по переходу до второго выхода», Барабанщица снисходительно произнесла:

– Ох, Джавецкий, стукнет тебя когда-нибудь по голове кирпичом, может, тогда научишься быть внимательным. Ну ладно, принимается.

– А... кто там, чей адрес-то?

– Мой, – отрезала Барабанщица и отключилась, оставив Даньку уже второй раз за день с разинутым от удивления ртом.

Но сейчас он захлопнул его довольно быстро. Отключил мобильник. Вскочил на ноги. Поправил рюкзачок. И припустился в сторону метро...

По указанному адресу он добрался без приключений. Но вот перед самой дверью оробел и какое-то время переминался с ноги на ногу, не решаясь нажать на звонок.

Маша открыла сама. Окинув Даньку скептическим взглядом, она кивнула:

– Ладно, сойдет... Ванная здесь. Давай разувайся и мыть руки, а потом бегом на кухню, ужинать.

Квартира у Маши оказалась обычной, как это называется, «улучшенной планировки». Правда, чем она отличается от неулучшенной, Данька не представлял. Когда он шел из ванной на кухню, из большой комнаты выглянула миловидная женщина в шортах, футболке и шлепках на босу ногу.

– Привет, – она подмигнула Даньке, – как тебя зовут?

– Да... Даниил, – несколько стеснительно отозвался Данька.

– Хм... очень приятно, – и удовлетворенно вздохнула: – Ну, слава богу, у моей оторвы хоть мальчишки появляться начали.

Даньку словно накрыла жаркая волна. Он тупо потоптался, чувствуя, что как-то... нехорошо оставлять эту милую женщину с ошибочной информацией по поводу их с Барабанщицей отношений, и совершенно не представляя, как все это исправить, но тут из кухни выглянула Маша:

– Джавецкий, ну где ты там застрял? Стынет же все. Имей в виду, второй раз греть не буду!

Ужин оказался на редкость вкусным, а может, все дело было в том, что у Даньки за весь день, кроме варева, которым его напоил тот бомж, маковой росинки во рту не было...

Сама Маша ела мало. Только ему подкладывала и командовала:

– Давай ешь, нечего тут рассусоливать.

Под конец трапезы на кухню заглянула та самая женщина. Полюбовавшись пару минут на то, как Данька уписывает за обе щеки картошку с жареным мясом и овощным салатом, одобрительно кивнула:

– Хорошо ест, работник добрый будет.

Данька так и замер с вилок, поднесенной ко рту, а у Барабанщицы слегка порозовели щеки, и она с упрёком бросила:

– Ну, мама...

– Молчу-молчу, – мать скорчила потешную рожицу и вновь удалилась...

Когда Данька, отдуваясь, отодвинул от себя пустую тарелку и, мотнув головой, отказался от предложенного чая с сушками, Барабанщица вскочила с места и, быстро перекидав в мойку грязную посуду, махнула Даньке рукой.

– Ну, пошли ко мне, поговорим.

Данька остановился на пороге комнаты и восхищенно покачал головой. Это была... настоящая берлога первопроходца. Без всяких там рюшек, куколок Барби, мягких зайчиков и

собачек. Шкаф, турник, кольца, несколько книжных полок, письменный стол и кресло у окна. Но главным были обои. Он таких никогда не видел. Данька повернулся вокруг своей оси. Казалось, что он стоял на поверхности Луны. Ноздреватая лунная почва была под ногами. Вдали виднелись пики лунных цирков, справа и слева, а также над головой сияли необычайно крупные и... разноцветные звезды. Прямо перед ним в небесах висела Земля, едва подернутая дымкой облаков. А сзади над горизонтом полыхала и разрасталась заря. Это всходило солнце...

– Ну че встал как истукан, Джавецкий? Садись, – буркнула Барабанщица, но Данька почувствовал в ее голосе нотки гордости. Он послушно сел.

– Ну чего молчишь, Джавецкий? Рассказывай!

Тут Данька возмутился:

– Слушай, Маш, ну чего ты меня все время шпыняешь? Чем я тебе так не нравлюсь? Джавецкий да Джавецкий. Ты можешь со мной по-человечески разговаривать?

– А что у тебя все вечно не как у людей? – огрызнулась девушка, но затем сменила гнев на милость: – Ладно, проехали, давай... Даниил, рассказывай, как твои успехи?

– Никак, – вздохнул Данька, – никаких успехов. Одни сплошные неприятности...

Выслушав его рассказ, Маша какое-то время молчала, задумчиво теребя указательным пальцем кончик носа, а затем категорически заявила:

– Чепуха все.

– Что? – не понял Данька.

– Никакие они не фээсбэшники.

– А номера?

– А с такими номерами сейчас кто ни попадя катается. От депутатов до сутенеров. Куплено ж все... Да и номера эти уже отменили. Так, последыши остались... К тому же, будь они фээсбэшниками, на кой черт им тебе деньги предлагать? Забрали бы просто «в интересах государственной безопасности». Еще пока ты в больнице лежал.

– А если они того... связи отслеживали? – упрямо держался свой куцей версии Данька.

– И много отследили? – ехидно прищурилась Маша, но быстро посерьезнела. – А вот твой бомж мне совсем не нравится.

– Почему?

– Уж больно он все время к месту оказывается. Возможно, пытается втереться в доверие. Усыпить, так сказать, бдительность.

Втереться в доверие... Данька припомнил оба случая, когда бомж его выручил, и мотнул головой.

– Не прокатывает. Для того чтобы втереться в доверие и усыпить бдительность, существуют тысячи гораздо более простых и, если честно, более надежных способов.

– Ну и что? – не уступала Маша. – А может, он предпочитает действовать нестандартно? С выдумкой?

– И завалить дело? – хмыкнул Данька.

В этот момент в прихожей вновь раздался звонок. Барабанщица спрыгнула с кровати.

– О, это Гаджет.

От этого известия Данька слегка погрузнел. Они так славно сидели вдвоем...

Но, как выяснилось, это был не один Гаджет. То есть сначала пришел он один. Дверь открыла мама.

– Здравствуй, Боря, – ласково сказала она, чем еще больше испортила Даньке настроение – оказывается, Гаджета в этом доме хорошо знают.

Не успел Гаджет раздеться и буркнуть: «А, Джавецкий, ты уже здесь, а я тебе все трезвоню...» – как вновь зазвенел звонок и в маленькой прихожей появился Лысый, а еще через какое-то время – Кот и Немоляева. Мама снова выглянула в коридор и, качнув головой, спросила:

– Маша, у тебя случайно не помолвка намечается?

– Мама! – округлив глаза, изумилась Барабанщица.

– Да это я так... – вновь мило улыбнулась мама, – на всякий случай, – и снова скрылась в комнате.

Кот усмехнулся.

– Ну и веселая у тебя маман.

Барабанщица тяжело вздохнула.

– Ох уж эти родители... Начиталась какой-то мути, где написано, что со своими детьми надо быть друзьями, вот и старается.

– А отец как? – поинтересовался Кот.

– Ничего, нормальный. Настоящий мужик. Он меня иногда бесит, но зато с ним все просто. Если сказал – будет так, значит, так и будет. Сколько хочешь психуй и бесись – толку никакого.

– Да уж... – неопределенно хмыкнул Гаджет, то ли просто так, то ли что-то вспомнив.

– И чего в этом хорошего? – пожала плечами Немоляева. – Я бы никогда не смогла по струночке ходить.

– Я и не хожу, – пожала плечами Барабанщица, – он вообще-то добрый и нечасто в мою жизнь вмешивается. Тем более что его и дома-то почти никогда не бывает. Все время по командировкам. Вот сейчас тоже. Только... мы ж еще глупые, – как-то по-особенному серьезно сказала она, – нас же еще частенько заносит. А тормознуть некому. Потому как мы уже завоевали свою самостоятельность и ревностно ее оберегаем. Вот иной раз я знаю, что глупость делаю, но нет... все равно, назло, мол, я так решила – так тому и быть. А потом расхлебываю... А если папка рядом и скажет – «люминь», то тут уже и не забалуешь. Побешусь-побешусь, а потом, наоборот, думаю, как здорово, что он рядышком оказался, а то бы я такого наворотила.

И эти мысли как-то особенно перекликались с теми, что пришли в голову Даньке там, около универа, когда он пытался слить от тех громил, что у него как-то даже потеплело на душе.

– Да ну, – категорично заявил Гаджет, – чепуха все. Человек должен поступать так, как сам считает нужным. А предков в свою жизнь пускать нечего. Отсталые они, в прошлом веке росли. Ничего в современной жизни не рубят. Я вот своим долго пытался объяснять про всякие гаджеты – так хрен чего поняли. И вообще, человек имеет право на ошибку...

– Вот об этом я и говорю. – Барабанщица, окинув Гаджета ироничным взглядом, констатировала: – Глупые мы, а некоторые вообще тупые. Если у тебя, Гаджет, есть право на ошибку, то это совершенно не означает, что их надо лепить одна на другую. Как бог на душу положит. А если я, допустим, как и твои родители, гораздо меньше тебя в разных твоих гаджетах смыслю, так что, я тоже отсталая?

Гаджет смутился.

– Ну... ты ж другое дело...

Все засмеялись.

– Ладно, чего мы тут в коридоре столпились, – отсмеявшись, сказала Барабанщица, – пошли в комнату...

* * *

Вечер прошел здорово. Несмотря на то что Даньке опять пришлось рассказывать о своих утренних приключениях. Народ снова обсудил версию по поводу фээсбэшников, и тут Даньку, неожиданно для него, поддержал Гаджет. Он орал, что фээсбэшники – это круто, и что все правильно, и что надо было не дурить, а договариваться. И все потому, что «абы кто с такими номерами не ездит». Но все остальные быстро раздолбали всю его аргументацию. Да так, что и

Данька, в конце концов, тоже вынужден был согласиться, что вряд ли это были фээсбэшники. А вот по поводу бомжа к общему мнению они так и не пришли. Тот же Гаджет вначале вообще заявил, что Данька все выдумал. И что банкой пива лобовое стекло «БМВ» никак не пробьешь. Но Барабанщица так на него наехала, что он заткнулся и пристыженно признал, что, может, Данька и не выдумал, а просто ему показалось. Но признать, что кто-то мог пробить лобовое стекло такой крутой тачки, как «БМВ», банкой пива, он все-таки отказался.

Лысый сообщил, что в Инете так ничего путного не откопал. То есть Ипатьевская летопись действительно существовала, но был ли среди известных ее списков экземпляр с вырванной страницей – нигде не упоминалось. Кроме того, на запрос «Ипатьевский» подавляющее большинство ссылок было об убийстве царской семьи в Екатеринбурге, а по летописям ссылок вообще туча.

Кот сказал, что академку все равно надо будет попытаться оформить. И что у него есть знакомый врач, которого он попробует раскрутить на справку об операции. И тогда к ректору с заявлением можно будет сходить кому-нибудь другому. Так что вечер прошел не зря, и все остались довольны.

Данька с Барабанщицей еще какое-то время посидели в ее комнате, а потом к ним заглянула мать и сказала:

– Привет, молодежь. Долго еще колобродить собираетесь? А то я уже Даниилу в большой комнате постелила...

Интермеццо 3

Генерал стремительно вошел в комнату, в которой были установлены компьютеры. При его появлении дежурная смена слегка распрямила позвоночники. Не то чтобы этого требовал устав или обстановка, но в присутствии генерала даже гражданские втягивали животы и разворачивали плечи.

– Ну что, господа, как наши дела?

– Ничего, господин генерал, – вскакивая, виновато доложил старший дежурной смены. Генерал согласно кивнул.

– Да... так я и думал, – он покосился на экраны, покачал головой и вышел в гостиную. Окинув взглядом присутствующих, он поманил старшего группы рекогносцировки, который встречал их на 113-м километре Киевского шоссе. Тот послушно подскочил.

– Как у нас с финансированием?

– Э-э, заканчиваем производство следующей партии.

– А что так долго?

Старший замялся.

– Приходится работать под местные аналоги, господин генерал, потому необходимо предельно загрублять продукт. Это слегка удлиняет процесс производства.

Генерал понимающе кивнул.

– Канал реализации надежен?

Старший удивленно посмотрел на него. Раньше генерал не отличался столь пристальным вниманием к мелочам. Генерал усмехнулся.

– Не смотри на меня так, сынок. Я вовсе не собираюсь менять стиль руководства и лезть в любую дырку, проверяя, какого цвета у моих ребят носки или все ли чистили зубы сегодня утром. Просто... нам, видимо, придется поиграть с вероятностями. А сам знаешь, если в одном месте прибудет, то в другом – непременно убудет. И я не хочу, найдя мальчишку, не иметь возможности сделать дело из-за того, что у меня на хвосте будут висеть местные службы по борьбе с распространением наркотиков.

Старший с облегчением перевел дух.

– Все будет нормально, господин генерал, они совсем не те, к которым мы привыкли. Меня тоже первое время оторопь брала, насколько все здесь продажны. Но это даже лучше – если знать, кому заплатить, от проблем не останется и следа.

Генерал покачал головой.

– Неужели все так, как ты говоришь, сынок?

– Так точно, господин генерал, ничего общего...

– Ну хорошо. Только все равно, я бы хотел, чтобы ты произвел поставку до того, как я начну... и организуй-ка мне канал связи со штаб-квартирой. Я буду у себя.

Старший кивнул и тут же бросился выполнять порученное. А генерал прошел в свою спальню. Там он снял пиджак, достал картридж с иллом, налил себе в чашку воды и, надкусив картридж, бросил в стакан. В чашке возник небольшой водоворотик, затем вода окрасилась в золотистый цвет, и на ее поверхности выступила густая пена. Генерал опустил в кресло, поднес чашку к лицу, с наслаждением втянул аромат и лишь затем сделал глоток. Горьковато-пряный запах иллой напомнил ему родину. И у него отчего-то защемило сердце... Он специально затеял разговор о вероятностях со старшим группы рекогносцировки. Пусть ребята потреплют языками и успокоятся. Мол, старик все знает и предвидит все опасности. Но сам-то он понимал, что в работе с вероятностями, по сравнению с Государем и его присными, они как слепые котята. И как и где шарахнет по ним откат от вмешательства в вероятности, он даже не подозревал. Могло случиться и так, что весь этот мир рухнет в тартарары... Генерал сделал еще

один глоток и поставил чашку на подоконник. Ну и пусть... Мир должен быть таким, каким хотим его видеть мы, а если нет – туда ему и дорога...

В дверь тихонько постучали. Генерал повернул голову.

– Да.

Дверь приоткрылась, и на пороге появился старший.

– Канал связи готов, господин генерал.

– Отлично. Сейчас иду. – Он поставил на столик чашку с остатками иллой и поднялся.

Старший все так же маячил в дверном проеме. – Еще что-то?

– Э-э... господин генерал, тут такое предложение. Есть возможность задействовать местные ресурсы.

– Интересно... а подробнее?

– Ну... тот клиент, которому мы поставляем товар, обладает достаточными возможностями и влиянием, чтобы разыскать нужного нам человека.

– И дорого это нам обойдется? – полюбопытствовал генерал.

Старший нерешительно передернул плечами.

– Я думаю, не слишком.

Генерал кивнул.

– Ну что ж, выясните этот вопрос и доложите мне, – после чего двинулся вперед. Да-а, похоже, его блеф не очень-то и удался. Судя по всему, его ребята до колик в животе испугались его решения поиграть с вероятностями. Впрочем, этого вполне можно было ожидать. В конце концов, они – лучшие из лучших и потому, несомненно, обладают отлично развитыми аналитическими способностями...

Глава 7

– Ванная и туалет – вон там. Стиральную машину – не трогать, все равно сломана, – хозяйка квартиры еще раз окинула Даньку взглядом и сморщила носик. – Ну ладно, «квартирант», я пошла, – она повернулась к Барабанщице: – Ты как, со мной?

– Да, – кивнула та и, повернувшись к Даньке, махнула ему ладошкой. – Ну давай, Джавецкий, обживайся. Насчет вечера не забыл?

Тот нехотя кивнул.

– Ну тогда бывай, – закончила Барабанщица, не обращая внимания на его хмурый вид.

Хлопнула дверь, и Данька остался в одиночестве. Данька окинул взглядом комнату, стянул с плеч рюкзачок и рухнул в кресло. Причем, как тут же выяснилось, это выражение оказалось вовсе не фигуральным. Поскольку кресло жалобно скрипнуло и, предательски вильнув подлокотником, опустило Данькин зад прямо на грязный ковер...

По чужим домам Данька мыкался уже почти две недели. После памятной ночи у Барабанщицы он несколько дней квартировал у Вени, в соседней комнате, потом у Лысого, а сегодня утром, когда вроде как единственной перспективой было опять попроситься к Гаджету, ему позвонила Маша и сказала, что ее троюродная сестра согласилась пустить Даньку пожить на некоторое время.

Как выяснилось позже, у сестры была доставшаяся ей по наследству от бабушки однокомнатная хрущоба на «Электrozаводской», которую она сдавала. Но последние съемщики оказались полными уродами, за два месяца сломали все, что только можно было – от унитаза до балконной двери, и потому хозяйка решила, как она выразилась, «сделать паузу и привести в порядок нервы». Так что квартира оказалась пустой. И Барабанщица сумела уломать сестру дать Даньке возможность переночевать там «пару ночей». Хозяйка согласилась со скрипом и только после того, как Барабанщица клятвенно пообещала, что они с Данькой вдвоем отмоют квартиру и разгребут весь мусор, оставшийся от предыдущих съемщиков, после которых, по словам хозяйки, даже зайти в квартиру было тяжело, а уж порядок наводить – вообще выше ее сил.

Так что вечером намечалось большое дело. Кроме Барабанщицы, помочь с уборкой вызвался еще и Гаджет (Даньку уже стало напрягать его непереносимое участие во всех мероприятиях, которые организовывала Барабанщица), а также Кот и, разумеется, Немоляева. Веня накопил тучу «хвостов», и перед ним маячило отчисление, так что он честно предупредил, что на некоторое время «выключается».

После уборки намечалась большая тусня в «Топке». Денег у Даньки было ноль целых хрен десятых, а роль халявщика, идущего в клуб за счет остальных, ему совершенно не нравилась. Тем более что основным его спонсором вызвался быть все тот же Гаджет.

Сначала Данька попытался слегка разобраться сам, но, если честно, результат сего деяния оказался не слишком впечатляющ. Разницу между теми предметами, которые следовало немедленно выкинуть, и теми, что можно было еще оставить, уловить было крайне сложно. И немудрено. Самыми новыми предметами, которые ему удалось обнаружить в квартире, были, похоже, конфеты «Коровка» производства тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года.

Данька только сбегал в магазин, на последнюю, неизвестно как завалившуюся в рюкзачке сотку купил упаковку шестидесятилитровых мешков для мусора и вынес вниз два мешка совершеннейшей рухляди.

Первым из команды уборщиков к глубокому сожалению Даньки появился Гаджет. Ввалившись в квартиру, он обошел ее по периметру и, покачивая головой, хмыкнул:

– Да уж, Джавецкий...

– Ты бы хоть ботинки снял, – уныло буркнул Данька.

– А-а, – отмахнулся Гаджет, – все равно пол мыть.

Спустя пару минут в дверь снова постучали. Это оказались Кот и Немоляева. А еще через пять минут явились и Барабанщица с хозяйкой.

Окинув взглядом собравшуюся компанию, Барабанщица ехидно заметила:

– Вы бы хоть переодеться захватили, что ли, а то приперлись, как в ночной клуб...

Все смущенно переглянулись. Действительно, поскольку после уборки намечалась «Топка», все оделись соответствующе.

– Ну, этого добра у меня от бабушки осталось навалом, – разрешила проблему слегка повеселевшая от такого количества помощников хозяйка, – по антресолям еще столько распи-хано! Запасливая она у меня была, баба Дуся, войной наученная. Все к следующей готовилась. Я после нее, считай, полтонны круп на мусорку отволокла – ячки, дробленой пшеницы, пер-ловки, гороха сушеного. Полк целый год кормить можно было...

Несмотря на то что слова были в общем-то ехидные, в голосе сестры Барабанщицы явно слышалась грусть. Похоже, бабушку она любила...

Старой одежды действительно отыскался ворох. Несмотря на довольно затхлый запах, одежда была чистая, выстиранная, выглаженная и аккуратно заштопанная.

Гаджет повертел в руках выделенные ему штаны и рубашку в клетку.

– Шестидесятые, блин, заря советской космонавтики, – недовольно буркнул он.

Тем не менее послушно натянул на себя барахло и уселся на ковер ждать остальных. Спу-стя десять минут из совмещенной ванной появились переодевшиеся девчонки, от вида кото-рых у всех троих парней слегка отвисли челюсти.

Барабанщица надела ситцевый сарафанчик и повязала на голову косынку, отчего мгно-венно утратила свой обычный вид задиристого пацаненка и превратилась в очаровательную девочку с чертенятами в глазах. Чистоту образа чуть портила грудь, едва не вываливающаяся из лифа, но переглянувшиеся мужики дружно решили, что глагол «портила» тут никак не под-ходит.

Немоляевой досталось синенькое платице, которое было ей явно мало, и кокетливый кружевной фартук. Причем от того, что он был покроя времен первых послевоенных пятиле-ток, фартук хуже не становился. А волосы она забрала в два тугих хвостика и выглядела во всем этом фермершей с разворота «Плейбоя».

Ну а сама хозяйка вырядилась, как видно, во что-то свое, ношенное лет этак десять назад, очень тесное и придававшее ей не менее эротичный вид.

Произведенное впечатление явно было замечено и оценено, но комментарии девушки пресекли. Барабанщица тут же уперла кулачки в бока и, ехидно прищурившись, приказала:

– Так, подобрали слюни и вперед – арбайтен. Джавецкий, ты будешь таскать мусор к кон-тейнерам. Все равно тебе ни молоток, ни отвертку доверять нельзя. Остальные – инструменты в руки и трудиться. Надо дверь балконную отремонтировать, да и в ванной тоже одна петля на соплях держится. И кухонные шкафы в безобразном состоянии. Пошли!

С уборкой закончили к девяти. Девчонки закруглились раньше, успели еще помыться и сгонять в магазин. Пока Кот и Гаджет приводили себя в порядок, Барабанщица инструктиро-вала Даньку:

– Вот смотри, Джавецкий, тут у тебя колбаса, сыр, сосиски, пельмени, яйца и упаковка макарон. Надеюсь на то, чтобы сварить пельмени или пожарить яичницу у тебя сноровки хва-тит?

Данька взъерошился.

– Маш, ну что ты все время...

Барабанщица вскинулась было, но, заметив, что Данька закусил губу от огорчения, вне-запно помягчала.

– Ладно, – примирительно улыбнулась она, – прости, это я по привычке. К тому же это тебе так, на всякий случай. Я завтра к тебе загляну, приготовлю что-нибудь вкусненькое. А то, гляжу, совсем оголодал.

От подобной перспективы у Даньки екнуло сердце. Но тут в кухню ввалился Гаджет и сунул нос в холодильник.

– Ого, колбаска! – и, ухватив кусок колбасы, потянул его наружу. Но Барабанщица тут же огрела его по руке.

– Не лапай. Это подпольщику.

– Кому? – не понял Гаджет, но тут же до него дошло. – А-а, понятно... Маш, а можно я чуть-чуть, кусочек. Ну пожалуйста, есть очень хочется.

– Ох уж эти мужики, – Барабанщица закатила глаза, – только бы пожрать. Мы же в клуб идем, забыл?

– Ну и что, – заканючил Гаджет, – какая в «Топке» еда-то? Пирожные да мороженое. А мы знаешь как проголодались, пока тут пахали. А я ему завтра еще колбасы принесу.

Барабанщица покачала головой.

– Ладно, дуй в комнату, я сама всем по бутерброду сделаю...

Бутерброды были приняты на ура всеми, кроме хозяйки, которая оказалась убежденной вегетарианкой.

– Трупоеды, – презрительно сморщив носик, фыркнула она.

После чего Кот, во все время уборки бросавший на хозяйку заинтересованные взгляды, тоже отказался от бутерброда.

В «Топке» они оказались около десяти. Народу там уже было достаточно, но, как выяснилось, Кот заранее позвонил и заказал для них секцию. Секция представляла собой отдельный столик, с трех сторон окруженный диваном с высокой спинкой. Так что образовалось вроде как отдельное купе. От танцпола секцию отделяли два ряда столиков, но зато места хватило всем.

Первые полчаса они сидели, потягивая сок и коктейли и посматривая на лениво перетаптывающийся на танцполе народ. Впрочем, танцующих пока было еще немного. Основное действие должно было начаться ближе к полуночи. Хотя у них в секции оно стало разворачиваться гораздо раньше.

Кот принялся пушить перья перед хозяйкой, которую, как выяснилось еще во время уборки, зовут Катей. Та сначала покочевряжилась, все так же морща носик и заявляя, что не любит алкоголя и согласна только на апельсиновый фреш. После чего Немоляева тут же с ходу заявила, что жить не может без «экстази», чего раньше за ней никогда не водилось. Наоборот, при прежних походах в «Топку» или еще какой клуб на любые намеки того же Кота она обычно вспыхивала и тихо, но непреклонно бормотала:

– Ты что, это же наркотики.

Барабанщица попыталась было что-то объяснить сестре, но та вздернула носик и отбрила ее, как по нотам, мол, «все здесь взрослые, свободные люди» и «никто никому ничего не должен». После чего Катя благосклонно разрешила Коту заказать ей «Звезды Сан-Ремо». Также свое получил и Гаджет, попытавшийся поднять настроение Барабанщицы свежим анекдотом. Так что к началу основной программы большинство сидело, отводя взгляды друг от друга и старательно лелея собственные обиды. Да уж, классная тусовка, ничего не скажешь...

Однако потом все потихоньку наладилось. Сначала Кот раскошелился на «колесико» для Таньки, ту повело, но как-то весело, с чудинкой, отчего Кот даже позволил ей утащить себя на танцпол. Чем тут же воспользовалась Барабанщица, чтобы еще раз наехать на сестру. Та попыталась было держать оборону все тем же оружием типа «мы все современные люди», но Данька знал, что, когда Маша входит в раж, любое оружие бессильно. Он сам ретировался к бару под благовидным предлогом обеспечить компанию новой порцией коктейлей. И вернулся к столику, только когда увидел, что Катя позорно бежала, позволив утянуть себя на танцпол

какому-то придурковатому перцу в кислотной майке, очках с синими стеклами и с бескомпромиссно оранжевой челкой. Данька так и не заметил, что бармен проводил его внимательным взглядом, а затем выдвинул ящик, пару мгновений рассматривал что-то, лежащее внутри, и потянулся к «кобуре» с мобильником...

Следующие полчаса все отрывались по полной. Немоляевой, которая прыгала на танцполе как заведенная, предложили еще какую-то таблетку, и та сжевала ее не глядя. После чего принялась непрерывно хихикать. Кот вовсю пушил перья перед Катей. Барабанщица, видно, поняв, что ничего изменить не в силах, и решив довольствоваться тем, что последнее слово все-таки осталось за ней, также наяривала на танцполе вовсю. Да так, что Даньку и Гаджета всю дорогу пытались оттеснить от нее какие-то шибко горячие парни, уверенные в собственной неотразимости. В свою секцию они вернулись потные, возбужденные и еле дышащие.

Рухнув на диван, Гаджет лихо махнул рукой:

– Эх, гуляем, Джавецкий, – он повернулся к Даньке и протянул ему смятую тысячную купюру, будь другом – сгоняй к бару, возьми пару коктейльчиков. Ну, и себе чего-нибудь...

Данька вздрогнул и покраснел. Он открыл было рот, собираясь сказать Гаджету, что он ему не мальчик на побегушках, но Гаджет уже воткнул купюру ему в нагрудный карман и отвернулся к Маше, заслоняя ее спиной. Теперь затевать ругань было совсем уж глупо, и потому Данька, стиснув зубы, тихонько выбрался из-за стола и, понурившись, направился к бару. Не надо было ему соглашаться идти сюда. А все Барабанщица – «тебе, Джавецкий, надо развеяться». Развеялся, блин, только хуже стало...

Он заказал два котейля, себе не став брать ничего из принципа, дождался, пока бармен поиграется с блендером, ухватил бокалы и уже двинулся в обратный путь, когда сзади послышалось:

– Слышь, пацан, а ну подь сюды.

Данька оглянулся. У стойки бара стояли два мордоворота и пялились на него. Похоже, они только что подошли, потому что, пока Данька ждал коктейли, никого похожего у стойки не имелось.

– Вы... мне?

– Тебе, – кивнул один из них.

Данька покосился в сторону своей секции, но диджей как раз включил стробоскопы, и их вспышки забивали зрение похлеще повязки на глазах.

– Тебя ведь Джавецкий зовут? – добавил второй.

У Даньки екнуло под ложечкой.

– Н-нет, – просипел он мгновенно охрипшим голосом.

– Ты, парень, не изди, – сурово произнес первый, – я этого не люблю. У тех, кто мне здит, потом зубы изо рта выпадают. Сами собой, понял?

Данька стоял перед ним с двумя коктейльными бокалами в руках, а в голове лихорадочно металась мысли.

– С тобой хотят побазарить серьезные люди, понял? – лениво продолжил первый. – Поэтому мы с тобой ща тихонько выйдем отсюда и проедем кое-куда. Будешь хорошо себя вести – доедешь целым и даже почти невредимым, – хохотнул он. А чего бы не хохотнуть. Пацан явно лох, да еще и в штаны наделал. И за что Слепень за него выставил такие бабки – непонятно. Этот лох и не прятался даже. В первый же вечер нашли.

– Игорь, долго ты будешь нести мне коктейль?

Данька повернул голову. Рядом с ним с этаким капризно-раздраженным видом стояла Барабанщица.

– Игорь? – мордовороты несколько озадаченно переглянулись.

Но Барабанщица, не моргнув глазом, ухватила Даньку за локоток и, демонстративно сунув нос в бокал, картинно скривила губку.

– Фи, что ты такое взял?! Ты же знаешь, что я люблю...

– Джавецкий, ну тебя только за смертью посылать, – послышался из-за спины голос Гаджета. Барабанщица вздрогнула и, одарив Гаджета ледяным взглядом, прошипела:

– Идиот.

Тот отшатнулся и озадаченно уставился на них.

– Чего?

– Лана, – раздался сзади лениво-расслабленный голос, – вы тут гуляйте, а нам с этим пацаном надо кое-куда стонять.

– Куда это? – тупо повторил все еще не врубившийся в ситуацию Гаджет. – Ты че, куда-то собрался?

– Собрался-собрался, – кивнул мордovorот, отодвигая Гаджета плечом, но в следующее мгновение Барабанщица протянула руки и, выдернув из ослабевших Данькиных пальцев оба бокала, точным движением плеснула их содержимое в морды крутых пацанов.

– Ходу!

Цепкие пальцы Барабанщицы ухватили Даньку за рукав и дернули за собой, а сзади нарастал рев:

– А-а-а, бля...

Они проскочили сквозь танцпол, взлетели вверх по лестнице и уже ворвались в короткий коридор, ведущий к вестибюлю, когда снизу, от танцпола послышался крик, перекрывший громохавшую музыку:

– Мятный, держи их.

Барабанщица коротко ругнулась под нос и рывком остановила Даньку.

– Значит, так, Джавецкий, мы просто идем. Не бежим и вообще никуда не торопимся. У нас возникло *желание* выйти. Понятно?

Данька кивнул. А в следующее мгновение произошло то, о чем он до сих пор мог только мечтать. Да и то опасался, если честно... Барабанщица схватила его руку, обвила ее вокруг своей шеи, другую пристроила себе на ягодицу и прошипела:

– Будешь лапать – урою. – И, притянув его к себе, впиалась своими губами ему в губы. Данька замер. Барабанщица на мгновение оторвалась и рявкнула: – Ну, что ты остолбенел, придурок, двигай вперед!

Им почти удалось, почти...

Они, изображая из себя целующуюся врасос парочку, вывалились из коридорчика, все в том же положении прошествовали через вестибюль и уже толкнули входную дверь, когда из коридорчика, который они только что покинули, вылетели два мордovorота с мокрыми от коктейля рожам, и первый из них тут же заорал:

– Вон они, держи.

Они успели расцепиться и прыгнуть вперед, но, похоже, тот самый пресловутый Мятный был опытным вышибалой. Он ждал их снаружи. Человек, выскочивший из двери, гораздо меньше готов к атаке, чем тот, который к двери подбегает. Так что когда Данька выскочил наружу, с замиранием сердца считая, что успел ускользнуть, на улице его встретил сжатый кулак, жаждущий поближе познакомиться с его переносицей...

Очнулся он от воплей Барабанщицы:

– Вы не имеете права! – орала она. – Немедленно отпустите его! У меня отец – полковник ФСБ. Я вас всех урою, козлы!

– Слива, заткни ей пасть, достала.

И в следующее мгновение послышался хлесткий удар и короткий взвизг Барабанщицы.

– Э-э, вы че, сволочи... – это уже был голос Гаджета.

– Ха, да их тут целая компания, – радостно воскликнул один из громил, – ща оторвемся!

Даньку подняли за шкирку, глухо клацнула открываемая дверь, и его, будто мешок с картошкой, швырнули в темное нутро какой-то машины, судя по всему, джипа. Дверь хлопнула, приглушив доносящиеся снаружи звуки, в которых уже можно было различить и визг Немоляевой.

Данька дернулся, но, похоже, за то время, что он был без сознания, ему успели связать руки. Так что первая попытка приподняться не удалась. Зато следующая закончилась почти удачей. То есть он рухнул с заднего сиденья вниз, между креслами, извиваясь всем телом, выпрямился и... замер. На заднем сиденье кто-то был. Данька медленно повернул голову и вздрогнул. Тот самый бомж! Несколько мгновений Данька недоуменно пялился на него, пытаясь связать воедино те обрывки мыслей, которые метались у него в голове, типа «а почему он...», «как он здесь оказался...», «так это он...», но тут бомж спросил:

– Развязать?

Данька тупо кивнул. Бомж протянул руку и коснулся его стянутых веревкой запястий. В то же мгновение Данька почувствовал, что его руки свободны.

– Иди, – кивнул бомж и сдвинул ноги, освобождая проход. Но Данька упрямо мотнул головой и взялся за ручку двери, за которой слышались крики боли и торжествующий рык мордovorотов.

– Ты сможешь им помочь? – удивленно спросил бомж.

Данька беспомощно втянул голову в плечи.

– Тогда куда ты лезешь? – качнул головой бомж. – Тебя же опять схватят.

– Пусть, – упрямо набычился Данька, – их ведь из-за меня.

Бомж пожал плечами. Данька напрягся. Да, все было глупо, его сейчас точно схватят, и самым разумным было бы воспользоваться моментом и сбежать. Потому что если он сейчас попадется, получится, что ребята зря ввязались в эту безнадежную драку, а вот если он сбежит, оставит мордovorотов с носом, то... Данька зло мотнул головой. К дьяволу все эти рассуждения! Они! Дерутся! За него! И его место там, рядом с ними!

Он решительно распахнул дверцу и вывалился наружу. Кот и Гаджет лежали на земле в позе эмбрионов, а два мордovorота лениво пинали их. Чуть поодаль еще один держал за волосы стоявшую на коленях Барабанщицу и так же лениво бил ее по лицу. Маша все пыталась подняться, но урод вновь и вновь заваливал ее, небрежно дергая за волосы. Немоляеву рвало около урны, а Катя, держась за глаз, с трудом поднималась на ноги возле кустов. Один из мордovorотов, пинающих ребят, оглянулся.

– Слива, гля, развязался...

Данька сжал кулаки и бросился вперед.

– Оба-на, – обрадованно воскликнул мордovorот и... коротко всхрипнув, опрокинулся на спину.

Бомж, неизвестно как оказавшийся впереди Даньки, повернулся к другому и, схватив его за нос, резко дернул на себя, одновременно выбросив вперед сжатый кулак. Тот взвыл и кулем рухнул ему под ноги. Третий, отпустив Барабанщицу, рванул было к ним, но, увидев, что произошло с первыми двумя, притормозил и этак растерянно-угрожающе произнес:

– Ты это, кончай тут...

Бомж пожал плечами и совершенно спокойно ответил:

– Да, в общем-то, уже кончил. Если тебе никаких глупостей в голову не придет, конечно.

Третий как-то опасливо поежился, а бомж наклонился к приподнявшемуся на четвереньки мордovorоту, которого он схватил за нос, и с этаким сожалением произнес:

– Разве что... – после чего вновь легонько хлопнул того по носу открытой ладонью. Тот завизжал и рухнул на спину, размахивая руками и не решаясь прикоснуться к своему ставшему огромным и бордово-красным носу.

– Вот теперь действительно слива, – констатировал бомж и, не обращая внимания на последнего, переминающегося с ноги на ногу, спокойно спросил: – Господа, никто не желает покинуть место столь славной схватки?..

– Ты это, – вновь подал голос третий, – тебе Корявый... у-йя!!

Барабанщица отступила назад и несколько мгновений любовалась тем, как мордovorот, держась за яйца, валяется на земле, суча ногами, потом зло сплюнула и бросила:

– Встали и ходу!..

* * *

Когда за их спинами захлопнулась входная дверь, Данька облегченно выдохнул и привалился спиной к стене. Гаджет, тяжело дыша, провел рукавом по взмокшему лбу и пробормотал:

– Да уж, потусовались.

А Немоляева истерически всхлипнула. Несколько мгновений в крошечной прихожей, забитой потными телами, висела шумная, наполненная тяжелым, со всхрипами, со свистом дыханием тишина, потом Барабанщица сделала глубокий вздох и приказала:

– Ну че встали – проходите!

И все начали, толкаясь локтями и задевая друг друга плечами, стягивать ботинки и протискиваться вперед, в комнату. На пороге комнаты Данька оглянулся. Бомж, вошедший последним, неподвижно стоял у самой двери, привалившись плечом к косяку, и ждал, скрестив руки на груди. От всей его фигуры веяло таким спокойствием, что Данька смутился, вспомнив, что привык называть его бомжом. Пусть даже тот этого не слышал.

В комнате они попытались занять диван, но Катя рявкнула:

– Куда! Рухнет на хрен!!!

Все расселись на полу вокруг колченого журнального столика. Некоторое время все молчали, подавленные случившимся, а затем Кот, вздохнув, буркнул:

– Да уж, сто грамм сейчас не помешало бы...

Гаджет согласно хмыкнул. Катя подобрала губы, собираясь дать суровую отповедь мужикам, ищущим только повода, чтобы отравить свой организм ядовитым этиловым спиртом, как вдруг из-за спины Кота протянулась рука и водрузила на стол литровую бутылку.

Все обернулись. Бомж невозмутимо завязывал свою торбочку. Покончив с этим, он закинул ее на плечо и, подняв глаза, улыбнулся:

– Мой вклад в сегодняшний ужин. Только закуски нет...

– Нет, ну что это за дела, – воскликнула Катя, – одних алкоголиков еле выгнала, так тут же другие на мою голову. Машка, ты мне что обещала? – повернулась она к Барабанщице. Но с той подобные номера были бесполезны.

– Ничего, – отрезала Барабанщица, – сегодня можно. И даже нужно. Фронтвые сто грамм. После, так сказать, боевого вылета...

Все молча переглянулись, а потом Гаджет громко захохотал. Спустя пару мгновений заржали все. Да уж, вылет у них сегодня был куда как боевым...

Отсмеявшись, Катя тряхнула челкой.

– Ладно уж, разрешаю. Только вот по фронтвой традиции сто грамм положены к ужину. А у нас, кроме коктейля, во рту маковой росинки не было, – она поднялась на ноги. – Кто мне поможет?

Немоляева, все еще сидевшая с бледным видом, растерянно оглянулась, но все остались на месте, поэтому она качнулась вперед, но была тут же остановлена рукой Барабанщицы, ухватившей ее за локоть. Глаза хозяйки квартиры были устремлены на нового члена их компании. Бомж молча улыбнулся и поднялся на ноги.

– Если позволите...

И они удалились на кухню.

Глава 8

Данька проснулся оттого, что кто-то жарил яичницу. То есть, конечно, не оттого, что кто-то чего жарил... просто первой мыслью, которую он осознал, выплыв из сна, было: «Кто-то жарит. Яичницу». А может, его разбудил звук шкворчащего на сковороде масла... Как тут же выяснилось, он был совершенно прав. Яичницу действительно жарили. Потому что спустя несколько мгновений послышался глухой звук раскаляемого яйца, и масло зашкворчало с новой силой...

Данька потряс головой. Черт возьми, ну они вчера и упились. Что, впрочем, и немудрено. После такой-то тусни. Странно, а голова не болит. Он потер ладонью лицо. Шкворчение масла на кухне слегка приглушилось, будто сковороду накрыли крышкой. И это означало, что его скоро позовут. А значит, надо было вставать... И тут Даньке пришло в голову, что это может быть Маша (ну недаром же она говорила, что сегодня приготовит ему что-нибудь вкусненькое), и он суматошно вскочил и принялся торопливо натягивать на себя штаны и футболку.

Это оказалась не Маша, а Рат. Данька застыл на пороге кухни и ошалело уставился на него.

– А-а... где все?

Рат улыбнулся.

– Доброе утро. Все, я полагаю, уже кто где. Кто на работе, а кто учится. Или дома. Отсыпаясь после вчерашнего, – он протянул руку, подцепил кончиками пальцев четыре тонких, оструганных палочки и одним движением кисти выложил из них на столе квадрат, на который была водружена сковорода.

– Садись. Будем завтракать.

Яичница была с помидорами и сосисками. То есть сосиска оказалась всего одна и именно с Данькиной стороны. Он умял ее почти всю, но потом спохватился и пододвинул оставшийся кусочек Рату. Тот снова улыбнулся и отрицательно качнул головой. «Ну да, – тут же вспомнил Данька, – он же не ест мяса...»

Это выяснилось вчера, когда Рат с Катей принесли из кухни миску пельменей и горку сваренных сосисок. Кот, у которого на физиономии наливался чернотой здоровенный синяк, разлил водку по полудюжине разнокалиберных емкостей, извлеченных Барабанщицей из старомодного серванта с перекошенными и оттого не закрывающимися дверками, и, наколов на вилку дымящийся пельмешек, поднял желтоватый то ли от старости, то ли от вьевшегося в стекло чайного налета стакан и возгласил:

– Ну, за победу!

Все сдвинули стаканы и выпили. Хотя нет, не все. Немоляева, которую все еще колбасило, только пригубила и поставила свою чашку. Некоторое время все сосредоточенно жевали, а затем Катя внезапно спросила:

– Извините, Рат, а вы почему не едите?

И все тут же прекратили жевать и уставились на бомжа. Тем более что для всех остальных его имя прозвучало впервые. Тот улыбнулся.

– Не обращайтесь на меня внимания.

Катя, которая тоже с царственным видом закусывала водку сыром, удовлетворенно кивнула и пододвинула ему тарелку с сыром.

– Понимаю. Вы тоже не употребляете в пищу живых существ.

– Да, что-то вроде... – согласился бомж.

Хозяйка квартиры с торжествующим видом воздела вверх палец:

– Вот, хоть один приличный человек на всю компанию. Я сразу поняла...

Но проинформировать окружающих, что же такое она поняла, Катя так и не успела. Потому что бом... то есть Рат, на губах которого все так же играла легкая улыбка, добавил:

– Если не добыл их сам.

Хозяйка квартиры запнулась, икнула и... зашлась отчаянным кашлем. Барабанщица несколько мгновений с нескрываемым удовольствием любовалась на кашляющую сестру, а затем подалась вперед и крепко заехала ей ладошкой по спине.

– Ох, Катька, учит тебя жизнь, учит, а без толку – все равно все время подставляешься...

Удар подействовал. Хозяйка квартиры кашлянула еще пару раз, а затем судорожно втянула воздух и остановилась. Держась за горло, она повернулась к Рату и, гневно сверкнув глазами, просипела:

– Убийца, – после чего демонстративно встала и переместилась на противоположную сторону столика. Кот понимающе хмыкнул и снова разлил водку по емкостям.

– Ну, теперь за... нашу победу!

Похоже, Кот что-то процитировал, но никто так и не понял что. Однако получилось прикольно (как будто первый раз пили не за нашу), и все заржали, сдвигая стаканы...

Что было дальше, Данька помнил смутно. Вроде как пили еще, потом Немоляеву опять затоснило, и Кот ей выговаривал по поводу того, что нечего было жрать всякую дрянь. Это ж надо было додуматься, после «экстази» жрать «пуговицу»! А потом он окончательно уснул. И проснулся оттого, что на кухне жарили яичницу...

– Так что, все здесь и ночевали?

Рат покачал головой.

– Нет. Часа в три Сергей вызвал такси, и все разъехались.

– Сергей?.. – недоуменно переспросил Данька, а затем облегченно кивнул: – А, понятно. – Он уже забыл, что Кота звали Сергеем. Кот и Кот. – А ты остался?

Рат тщательно прожевал кусочек яичницы, который был у него во рту, положил вилку и в упор посмотрел на Даньку.

– Если хочешь, я могу уйти.

Данька покраснел. И действительно, ну чего это он... человек, можно сказать, уже трижды вытаскивал его задницу из очень крутых неприятностей...

В прихожей раздался звонок (Гаджет вчера починил). Данька дернулся было, но Рат жестом остановил его.

– Мне кажется, лучше к двери подойти мне.

Данька пожал плечами и остался на месте.

Минуту спустя из прихожей послышался голос Барабанщицы:

– О-о, привет, а чего это вы тут делаете?

– В данный момент я кормлю Даниила завтраком.

– Хм, понятно. Спасибо, конечно, но... разве вас дома никто не ждет?

И тут до Даньки дошло, что никто, кроме него, не знает, кто такой Рат. То есть и он сам ни черта не представляет, кто такой Рат, но остальные даже не догадываются о том, что тот самый бомж, о котором он им рассказывал, и Рат – одно и то же лицо. Он вскочил на ноги и ринулся в прихожую.

– Привет, Джавецкий, – Барабанщица покачала головой, – да уж, выглядишь ты неважнецки.

Данька, уже открывший рот, чтобы все объяснить, запнулся и, слегка покраснев, буркнул:

– На себя бы посмотрела.

Барабанщица тоже была не в лучшем виде. Синяк на скуле был щедро припудрен, но вот с распухшей губой ничего сделать было нельзя.

– Я поставлю чайник, – деликатно ретировался Рат.

Данька и Барабанщица остались одни в прихожей. Некоторое время в прихожей висела напряженная тишина, а затем, когда Данька уже набрал в легкие воздуха, приготовившись произнести то, зачем и выскочил в прихожую, опять раздался звонок.

Через пятнадцать минут в квартире собралась та же самая компания, что и прошлой ночью. Причем все прямо с порога заявили, что принесли Даньке еду. Мол, вчера вон как подожрали, потому и решили срочно восстановить, так сказать, кислотно-щелочной баланс. Или белково-углеводно-жировой. Все, как сговорившись, приволокли нарезку и сосиски, и только Катя принесла сыр и фрукты, да еще Барабанщица и Немоляева – по вафельному тарту.

Когда Рат удалился на кухню за заварочным чайником, Гаджет наклонился к Даньке и задал не дававший всем покоя вопрос:

– А он что, – кивнул Гаджет в сторону кухни, – здесь ночевал, что ли?

Данька молча кивнул.

– Круто. И че, он к себе домой не собирается?

Данька окинул взглядом пять пар устремленных на него глаз, в которых читалось искреннее недоумение, и, вздохнув, произнес то, что давно уже собирался:

– Ребята – это *он*.

В глазах Барабанщицы тут же мелькнуло понимание, но Гаджет тупо переспросил:

– Кто он-то?

– Ну... тот самый бомж... о котором я вам рассказывал.

Гаджет вытаращил глаза, сморщил лоб, и тут его осенило:

– А-а-а, тот, который банкой пива, ну...

Данька кивнул.

– Ни хрена себе делишки... – нервно хмыкнул Гаджет.

Все настороженно переглянулись и дружно уставились на Рата, который как раз появился в комнате с заварочным чайником и сахарницей в руках. Улыбнувшись им, он спокойно налил всем чаю и, усевшись на пол, взял свою чашку в руки и сделал глоток.

– Да-а, чаек не очень. Видно, испортился от времени, – он поставил чашку на столик и, повернувшись к Барабанщице, спокойно посмотрел на нее.

– Я готов, спрашивайте.

– Чего? – непонятливо выпалил Гаджет.

Но Рат не обратил на него никакого внимания. Он продолжал молча смотреть на Барабанщицу. Та медленно разлепила губы и тихо спросила:

– Как это у вас получается?

– Что?

– Все время оказываться в нужном месте, причем в нужное время.

Рат улыбнулся.

– Нужное для чего?

Барабанщица непонимающе уставилась на него, и Рат вновь переспросил:

– Для чего нужное? – Барабанщица нахмурилась.

– Для того, чтобы...

– Выручить Даниила? – предложил свой вариант Рат.

Барабанщица поджала губы.

– Ну, допустим...

– Для этого я и оказался здесь, – просто ответил Рат. – Тебя же не удивляет, что водитель автобуса в нужный момент поворачивает руль, нажимает на газ или тормоз и открывает и закрывает двери. Он выполняет то, что должен, то, для чего и стал водителем автобуса.

– Это ничего не объясняет, – отрубил Барабанщица.

Рат развел руками, будто говоря, что никакого другого объяснения не будет и, вновь взяв чашку, отхлебнул еще чая. На некоторое время в комнате повисла напряженная тишина, а затем голос подал Гаджет.

– Слушай, а это правда, что ты банкой пива пробил стекло «БМВ»?

Рат молча кивнул.

– Но это ж невозможно!

– Понимаешь, Борис, – улыбнулся Рат, – на самом деле это зависит от того, кто кинет.

Гаджет с минуту переваривал полученную информацию, а затем его лицо просветлело:

– Так это ж можно и стекло, скажем, «Феррари»...

– Гаджет, а не заткнуться ли тебе? – с легкой досадой в голосе произнесла Барабанщица и вновь уставилась на Рата.

– То есть вы знаете, какая опасность угрожает Джа... Даниилу?

Рат покачал головой:

– Нет.

– То есть как нет?

Рат пожал плечами.

– Те, из-за кого я решил появиться... скажем так, недалеко от Даниила, могут попытаться устроить ему немало разных... каверз. Какие конкретно – я не знаю.

– Но *кто* это делает, вы знаете?

Рат кивнул.

– И кто же?

Рат снова улыбнулся:

– Извини, я не могу это сказать.

– Почему?

Рат снова пожал плечами.

– Ладно, проехали, – пробормотала Барабанщица и задумалась, прикусив губу. Рат окинул всех безмятежным взглядом.

– Еще чаю?

Народ переглянулся и неуверенно кивнул.

– Ну, тогда я пойду, поставлю чайник.

Едва за Ратом закрылась дверь кухни, как Барабанщица развернулась к Даньке и, посмотрев на него в упор, спросила:

– Ну, что скажешь?

– Чего? – не понял Данька.

– Джавецкий, не заставляй меня считать тебя тупее, чем ты есть на самом деле, – зло бросила Барабанщица, – я тебя спрашиваю по поводу этого типа, – она мотнула головой в сторону кухни.

– А чего я могу сказать, – насупился Данька, – он действительно меня выручал. Все три раза.

– Да я не об этом, – Барабанщица досадливо сморщилась, – я по поводу того, что он *не* сказал.

Данька задумался. Барабанщица напряженно смотрела на него.

– Ну... я не знаю, – осторожно начал Данька.

Барабанщица вздохнула.

– Понятно... ох, горе луковое.

Она подтянула колени к груди и, обхватив их руками, уставилась немигающим взглядом в какую-то точку на стене. Все благоговейно молчали. Как-то так (никто не понял, как это получилось) Барабанщица оказалась в их команде в роли лидера. И никто, ни Кот, ни Немоляева, с этим даже не пытались спорить. Так что... Чапай думал, а остальные должны были не мешать.

Рат появился в комнате спустя пять минут. Он молча вошел, открыл крышку заварочного чайника, долил туда кипятку, немного поболтал и вновь наполнил чашки. Народ тихонько разобрал чашки, стараясь не смотреть на Барабанщицу, все так же пялившуюся в одну точку на стене, и принялся тихо прихлебывать чай. Даже тортом никто хрустеть не рискнул.

– Это связано с тем, что он нашел? – внезапно спросила Барабанщица.

Рат сделал неторопливый глоток, поставил чашку на стол и, повернувшись к Барабанщице, спокойно произнес:

– Да...

Потом, вспоминая этот разговор, Данька так и не смог определить, когда Барабанщица сменила, так сказать, гнев на милость. Ведь изначально она была категорически против того, чтобы Рат, как она выразилась, «ошивался где-то поблизости» от них, и в первую очередь от него, Даньки. Почему она так настроена, никто, честно говоря, не понял. Ну не принимать же всерьез ее заявление типа: «Сохрани нас Бог от союзников, чьи мотивы нам непонятны». Уж откуда она взяла эту фразу, никто не знал, но Гаджет отреагировал стандартно: «У-у, круто сказала!» Возможно, перелом произошел, когда на прямой вопрос, обещает ли Рат защищать Даньку от всего и вся, тот спокойно покачал головой и ответил: «Нет!» Барабанщица озадаченно потерлась щекой о плечо и спросила, значит ли это, что Рат будет защищать его только от тех опасностей, которые связаны с Данькиной находкой. И Рат снова ответил – нет. Все недоуменно переглянулись, а Барабанщица спросила, когда же Рат будет его защищать. Рат снова улыбнулся и тихо, даже как-то грустно спросил:

– Ну, неужели не ясно?

Барабанщица несколько мгновений непонимающе пялилась на него, а затем в ее глазах что-то мелькнуло, и она повернулась к Даньке:

– Джавецкий, вчера, когда он тебя развязал, ты что сделал?

Данька густо покраснел:

– Да ничего такого... – пробормотал он.

– Ох, Джавецкий, – хмыкнула Барабанщица, – я знала, что ты дурак, но чтоб такой... – и она покачала головой. И всем почему-то стало ясно, что, несмотря на столь резкий тон, она вполне довольна его ответом.

Потом перешли к обсуждению дальнейших действий. Гаджет гнул свою линию: мол, надо срочно разыскивать этого самого Артура Александровича. Потому как отказ Даньки от таких деньжищ можно объяснить только странным помутнением сознания.

– Ну теперь-то до тебя дошло, что ты натворил? – орал он на Даньку.

Немоляева опять робко предложила пойти в милицию. Мол, если уж дело дошло до криминала, то вот тут-то органам самая и работа. Но ее тут же обсмеяли. После чего она отвернулась с оскорбленным видом. Катя вообще посоветовала обратиться в Администрацию Президента. А когда народ оторопело уставился на нее, пытаясь сообразить, а при чем тут Администрация Президента, безапелляционно заявила, что Администрация Президента везде при чем и за всем умные люди могут разглядеть ее тень. Вот пусть и поработает.

Барабанщица жалостливо вздохнула и тихонько, так что никто, кроме Даньки, не услышал, пробормотала:

– Да уж, Гаджет номер два на мою голову.

Когда накал страстей совсем уж превысил всякие пределы, Кот неожиданно повернулся к Барабанщице и, прищурившись, спросил:

– Маш, слушай, а то, что ты кричала вчера там, у «Топки», правда?

Барабанщица поджала губы и, с вызовом взглянув в глаза Коту, спросила:

– Что именно?

– Ну то, что у тебя батя – полковник ФСБ.

Все замолчали и уставились на Барабанщицу.

– Ну да, – кивнула та с независимым видом. – И что?

– Да, в общем, ничего, – примирительно сказал Кот и, улыбнувшись, продолжил: – Только я подумал, может, того... стоит с твоим батей посоветоваться.

Барабанщица обвела всех настороженным взглядом, но не заметила в устремленных на нее глазах обвинения типа: пригрели, блин, змею на груди, вот ведь агентша-шпионка проклятая.

– Вот уж нет, – послышался голос Кати, – к дяде Леше стоит обращаться, только если совсем уж прижмет. А то он быстро всех в бараний рог скрутит. И пикнуть не посмеем.

Барабанщица насупилась, но, вместо того чтобы выдать сестре по первое число, как все ожидали, вздохнула и согласилась:

– Катя права. К папе действительно стоит обращаться, только если совсем уж никакого выхода не будет. Он, конечно, нас вытащит из любых неприятностей, но только если мы к нему обратимся, от нас уже ничего, совсем ничего зависеть не будет.

На некоторое время в комнате повисла тишина. Обсуждение зашло в тупик. А потом раздался голос Гаджета.

– Слышь, а че мы паримся? Рат, ты тут самый крутой, вот и скажи, что надо делать?

И все повернулись к Рату и уставились на него с ожиданием в глазах. Только Барабанщица грустно вздохнула и, качнув головой, устало произнесла:

– Ох, Гаджет, где ты был все это время? Рат же ясно дал понять, что все решения о том, как поступать и что делать, зависят только от нас. Он сам в принятии решений участвовать не будет.

Гаджет недоуменно посмотрел на нее, а потом обиженно произнес:

– И ничего он такого не говорил. Я точно помню.

– Ну да, скажи еще, что у тебя все ходы записаны, – хмыкнула Барабанщица.

– Какие ходы? – не понял Гаджет.

– Ладно, проехали, – махнула рукой Барабанщица, – я вам вот что скажу: раз за этим листком такая охота, надо постараться узнать, что это за вещь.

– Да и взглянуть бы на нее не мешало бы, – встряла Катя.

И тут все вспомнили, что ни она, ни Рат еще не видели Данькиной находки. Барабанщица бросила на Рата вопросительный взгляд, но тот сидел совершенно спокойно, будто его вовсе не интересовало, увидит он тот самый листок, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор, или нет. Впрочем, возможно, так оно и было. Он ведь, несомненно, знал об этом листке намного больше остальных, только, как сказала Барабанщица, совершенно не собирался делиться с ними никакой информацией. И вообще, как и что он будет делать в их компании, понимала, похоже, только она. И если не до конца, то как минимум больше других. Понимала и соглашалась с этим. Так что все остальные приняли это как должное.

– Ладно, – кивнула Барабанщица, поворачиваясь к Даньке, – доставай уж.

Когда листок был извлечен из пенальца и аккуратно разложен на столе, все наклонились над ним, едва не сталкиваясь лбами, и уставились на смятую страничку с оборванным краем с явным благоговением. Ну еще бы, за этим ветхим клочком бумаги, оказывается, охотились как люди, разъезжающие на «БМВ» с государственным флагом на номере, так и бандиты на крутых джипах с тонированными стеклами. А некий Артур Александрович готов был заплатить за него бешеные деньги...

– Ипатьевская летопись, говорите, – хмыкнула Катя. – Туфту гонит дядя. Насколько я помню, списки Ипатьевской летописи существуют на старославянском, старолитовском и старонемецком. А это типичный старогреческий.

Все оторвались от созерцания листка и уставились на Катю.

– А ты откуда знаешь? – озвучил общий вопрос Гаджет.

– Профессия обязывает, – независимо вздернув носик, ответила та.

А Барабанщица пояснила:

– Она у нас филолог. Ну, почти...

– И что из этого следует? – продолжил Кот.

– А то, что в Интернете мы искали не то и не о том, вот что, – констатировала Барабанщица. Она задумалась. – Значит, так, этот листок надо будет отксерить и пока...

– Не получится, – оборвала ее Катя.

– Почему?

– Сама посмотри, – она кивнула на листок, – то есть, может, и получится, но рискованно. Листок ветхий, а лампы в ксероксах мощные. И ксерить явно придется не один раз, пока подберем контрастность, пока то да се... так что вполне может случиться, что он у нас там, на ксероксе и рассыплется. К тому же непонятно, за чем именно они охотятся. Вон, видишь, еще какой-то текст поверх основного нацарапан, – она протянула руку и, взяв листок, поднесла его к глазам, – этот вообще не отксерится, больно блеклый. – Катя покрутила листок в руках и пробормотала: – Чернила какие-то непонятные, даже и не чернила вовсе, а... будто кровью писали... – и замерла, напуганная собственным предположением...

* * *

Разошлись они только к ужину. Правда, Гаджет предлагал похавать на месте и даже вызвался потом снова сбегать в магазин, если все, что принесли, будет сожрано, но Барабанщица быстро подавила его инициативу:

– Все равно торчать тут не имеет смысла. Ничего больше не напридумываем. А вот делом заняться пора бы.

Дела были распределены следующим образом – Гаджету было поручено снова порыться в Интернете на предмет греческих летописей дотурецкого периода (Данька рассказал о том, что ему поведал Игорь Оскарович). Катя должна была пораспрашивать специалистов у себя в университете. И осторожно прощупать людей, знающих старогреческий, на предмет возможного сотрудничества. Несмотря на то что Данькин Игорь Оскарович вроде как был открыт для сотрудничества, Барабанщица заявила, что негоже, мол, класть все яйца в одну корзину. К тому же, судя по рассказу Даньки, тот был совершенно убежден, что листок – подделка, и потому вряд ли мог быть совершенно объективен. Самому же Даньке было поручено тщательно скопировать надписи, причем обе – основной текст и ту, которая (как им хотелось верить) была сделана кровью. А сам листок спрятать куда-нибудь подальше и не таскать его с собой. А то мало ли что... На Кота и Немоляеву возлагалось общее снабжение (услышав об этом, Кот недовольно поморщился, но спорить не стал), а за собой Барабанщица оставляла общее руководство.

На том и порешили.

Глава 9

– И нечего ржать!

Гаджет был возмущен до глубины души. Это ж надо было так подставиться! Ну тетка, ну сволочь...

В автобус они влезли самыми последними. Двери уже дернулись, собираясь окончательно закрыться, но в них еще протискивался какой-то старичок с авоськой, набитой стиральным порошком, и Рат легким движением, подобным тому, каким девушки раздвигают тюль на окнах по утрам, вернул их в прежнее положение. Так что Данька и Гаджет успели проскочить внутрь салона. В салоне было тесновато. Данька полез в карман за деньгами (последний полтинник, блин), но Гаджет вдруг сделал страшные глаза.

– Ты че, платить вздумал?

– Ну... да, а что?

– Ну ты и лох, – снисходительно улыбнулся Гаджет.

– Почему? – поинтересовался Рат.

– Смотри – салон полный. Пока кондуктор до нас доползет, мы уже доедем до нужной остановки. Так что стойте спокойно и не дергайтесь.

Рат усмехнулся.

– А если дойдет?

– А на тот случай у меня во, – и Гаджет гордо продемонстрировал тысячную купюру.

– И что?

– А то, что у этих бабок никогда столько сдачи не бывает.

– То есть, – с некоторым сомнением в голосе начал Рат, – ты не платишь потому, что считаешь себя хитрее людей, которые работают в автобусе? И ты можешь их, как сейчас говорится, кинуть, причем безнаказанно. Я правильно понял?

– Ну... да, – несколько озадаченно ответил Гаджет.

Видимо, для себя он пока ничего такого не формулировал. Просто придумал или где-то узнал, как можно пользоваться транспортом, не оплачивая проезд, и радостно начал это делать. Не заморачиваясь, как говорится.

– Понятно, – кивнул Рат и после короткой паузы спросил: – А зачем?

– Что?

– Зачем тебе кидать этих людей?

– Да никого я не кидаю, – рассердился Гаджет, – я просто... ну, экономлю. Ты че, думаешь, они своего не наварят? Да они тут такие бабки с нас снимают – мама не горюй!

– С тебя тоже? – уточнил Рат.

– С меня – нет. Потому что я не лох. И кому попало ездить на себе не позволю.

– Знаешь, – помолчав, задумчиво произнес Рат, – я ведь спрашивал тебя не о них. О тебе самом. Зачем делать вещи, которые тебя явно... поганят, для того чтобы сэкономить сущие гроши.

– Да кто ты такой, чтобы меня учить? – нервно возвысил голос Гаджет. – Учат тут всякие! Зла уже не хватает. Тоже мне – пога-анят. Ты мне еще про карму напой, которая портится. Кришнаит хренов.

– Про карму не буду, – серьезно ответил Рат, – а вот про душу напомним. Она ведь так и гибнет, по шажку, по капельке. Там – не лох, потому что другого кинул, тут опять не лох, потому что чужого урвал. И получается, что вместо человека выросло нечто непонятное, под названием «нелох», тип хордовый, вид позвоночный, отряд приматов. Тебе это надо?

– Ах-ох, как мы заговорили, – зло зарычал Гаджет, – душа... Боженька, а Бога нет, понял? И не было никогда. Сказки все это. Опиум для народа.

Рат вздохнул, поднял голову, бросил взгляд через окно вверх, в небо, потом достал из кармана купюру и, тронув за плечо стоящего рядом мужчину, попросил:

– Передайте, пожалуйста, на два билета, – а затем повернулся к Гаджету и несколько печально сказал: – Прости, но я *должен* открыть тебе страшную тайну. Бог – есть. И, к твоему величайшему сожалению, он, как говорится, шельму метит. В чем ты вскоре и убедишься.

После чего принял от мужика сдачу, билеты, протянул один Даньке и, сделав шаг назад, спокойно уселся на как по заказу освободившееся место. Данька даже удивился – как он смог увидеть, что место освободилось. Спиной же стоял...

– Молодой человек, проезд оплачивать будем?

– А? – Гаджет обернулся. Сразу за его спиной стояла тетка-кондуктор и строго смотрела на него. – Да, конечно, – Гаджет бросил на Рата насмешливый взгляд и с видом победителя протянул тетке тысячную купюру.

Тетка посмотрела на купюру, потом на Гаджета, потом снова на купюру.

– А помельче ничего не найдется?

– Нет, – уверенно покачал головой Гаджет, – только это.

– Точно не найдется? – снова переспросила тетка.

– Точно.

– Ну, тогда готовьте карманы, – спокойно констатировала кондуктор и, выдернув из рук Гаджета купюру, убрала ее в дальний отсек сумки. После чего передвинула сумку на бок и вытащила из-за спины точно такую же, только намного более раздутую. Раскрыв ее, она начала извлекать оттуда пригоршни металлических пятерок и рублей и, подмигнув Гаджету, произнесла:

– Ты что же, милоч, думаешь, один во всей Москве такой умный? Если я всем буду прощать, так на что жить-то? Так что не обижайся, парень, я тебе сдачу мелочью отсчитаю. Чтoб больше неповадно было. Или, – она хитро прищурилась, – может, простишь сдачу-то?..

* * *

До турбазы они добрались где-то к полудню. Сюда, в эту глухомань, они приехали для того, чтобы выполнить поручение Барабанщицы – как следует спрятать листок. Прятать его в квартире смысла не было. Если их там застукают, найти листок – только дело времени. Особенно для профессионалов. А Данька не сомневался, что те, кто пытается его разыскать, – крутые профессионалы. Ну, конечно, не такие, как Рат, но все-таки... Держать листок на квартирах у ребят – это подвергать опасности их семьи. В общагу Даньке ходу нет, да и вообще в университете лучше не показываться. Так что получался полный тупик.

И тут Гаджет вспомнил о старой турбазе на Истринском водохранилище. Турбаза работала только летом, так что сейчас там должно было быть пусто и голо. А мест, где можно было спрятать столь маленькую вещь, – предостаточно. Ну хотя бы до лета. К тому времени все непременно разрулится. Так или иначе...

Барабанщица идею одобрила. И потому сегодня утром они на автобусе отправились на Истру.

Когда они подошли к воротам, Рат внезапно остановился.

– Дальше, Даниил, ты пойдешь один.

– Да он же там ничего не знает, – удивился Гаджет.

– А это не важно, – ответил Рат, – посмотрит и узнает.

– Та-ак, – понимающе протянул Гаджет, – не доверяем, значит.

– И себе тоже? – прищурился Рат. И когда Гаджет не нашелся, что ответить, кивнул Даньке: – Иди, Даниил, – после чего повернулся к Гаджету и, улыбнувшись, заговорил: – Пони-

маешь, Борис, я совершенно уверен, что *сейчас* ты совершенно честен и просто не способен ни на какое предательство. Только пойми, в жизни может произойти всякое.

– Что, например? – окрылся Гаджет, который уже понял, что этим «И себе тоже?» Рат его уел.

– Например... – Рат на мгновение задумался, а затем вздохнул, будто знал, что должен сказать нечто очень неприятное, не имел возможности от этого уклониться, – Даниил может умереть.

– Что?

– И Маша тоже, – все так же спокойно и грустно продолжил Рат.

– Ты чего такое говоришь? – испуганно переспросил Гаджет. – Почему? За что?

– Потому что вы пока еще совершенно не властны над своей жизнью и смертью, – серьезно ответил Рат.

– То есть как это не властны? – Гаджет непонимающе уставился на него.

– Так. Вы не можете определить, когда, где и почему умрете.

– А что, кто-то может?

Рат кивнул.

– Ну, например? – недоверчиво прищурился Гаджет.

– Например, я, – серьезно ответил Рат.

– Ты? – Гаджет озадаченно уставился на Рата, потом нервно хмыкнул: – Не, я понимаю, руками-ногами ты машешь классно, но вот, к примеру, если снайпер...

Рат вздохнул, качнул головой и пробормотал:

– Наверное, я слишком тороплюсь...

– Чего? – не понял Гаджет.

– Ничего, – вновь качнул головой Рат, – давай пока не будем об этом. Я просто хотел сказать, что все может измениться, уйдут те, перед кем ты должен... скажем так, держать слово. И ты считаешь себя свободным от всяких обязательств. И тогда ты можешь совершить нечто такое, что... – Рат усмехнулся и с нажимом произнес: – Испоганит тебя.

Гаджет дернулся и зло покосился на Рата. А тот закончил:

– И потому я хочу сделать так, чтобы ты не смог с легкостью совершить эту... ошибку.

Гаджет некоторое время молчал, старательно отводя взгляд от Рата, а затем пробурчал:

– Да не все ли равно, если к тому моменту, как ты говоришь, уже все... того?

И Рат ответил вопросом на вопрос:

– А разве все равно, если они погибнут, чтобы, скажем, *этого* не случилось?..

Данька появился из ворот турбазы спустя почти час.

– Спрятал? – хмуро спросил Гаджет. Данька кивнул.

– Ну, тогда пошли, – и он, резко развернувшись, двинулся в сторону автобусной остановки.

– Чего это он? – удивленно спросил Данька.

Рат подхватил Даньку за локоть, увлекая за собой.

– Он просто не привык.

– К чему?

– К тому, что слова могут вскрывать тебя самого, как скальпель хирурга грудь.

Данька непонимающе посмотрел на Рата. Тот рассмеялся.

– Не волнуйся, поймешь... потом.

* * *

Автобус опоздал на два часа, поэтому, когда они наконец добрались до квартиры, все уже были там. Гаджет, промолчавший всю дорогу, так же молча снял куртку, ботинки и нап्रा-

вился прямым на кухню, где хозяйничали Катя и Немоляева. А Данька с Ратом прошли в комнату. Барабанщица встретила их напряженным взглядом, но Данька молча кивнул ей, и она расслабилась.

Хотя упустить возможность подковырнуть его она не смогла.

– Надеюсь, Джавецкий, ты делал это один?

– Да.

Она удовлетворенно кивнула и, вскочив на ноги, скользнула на кухню. Через минуту она появилась в комнате с тарелкой жареной картошки в одной руке и полной миской отбивных в другой. За ней следовала Немоляева, в руках у которой были тарелка с картошкой и миска салата оливье. Барабанщица водрузила тарелку перед Данькой.

– Давай, Джавецкий, лопай. Проголодался небось...

Данька смущенно покосился на сидящего за столом Кота (поскольку Рата смущаться было нечего – ему досталась тарелка, принесенная Немоляевой) и робко спросил:

– А вы?

– А мы уже, – усмехнулась Барабанщица, – и смотри, чтобы все слопал. Даром, что ли, я полчаса мясо отбивала?

Данька слегка покраснел. До сих пор Маша никому не оказывала такой чести. Даже когда они собирались на посиделки у того же Гаджета, максимум, что она себе позволяла, это вытащить из рюкзака какие-нибудь полуфабрикаты и scomандовать:

– Бабы – жарить, мужики – резать!

Немоляева всегда ворчала по этому поводу...

В том, что Маша собственными руками приготовила для него еду, Даньке почудилось нечто... сакральное. Как будто этим она установила между ними двумя какую-то незримую, но прочную связь. И еще ему казалось, что об этом догадываются все, кто сидит сейчас за столом. Эта мысль так взволновала и смутила его, что он вдруг отчаянно покраснел.

– Я сейчас, – не выдержав, он вскочил на ноги, – только руки помою.

В ванной Данька сразу сунул голову под струю воды и стоял так почти минуту. Из окошка под потолком слышались голоса Гаджета и Кати.

– ...так и сказал. Бог, говорит, есть.

– Ты что, серьезно?

– Ну да... а еще говорит...

Данька мотнул головой, стряхивая капли с волос, и нырнул лицом в полотенце. Да уж, напридумывал он себе... Сакральная связь... А Немоляева, значит, с Ратом, что ли? А Кот как же?

Когда он вернулся в комнату, там уже собралась вся компания. Перед Ратом стояла еще почти полная тарелка, а он неторопливо прихлебывал чай. Он вообще отчего-то ел очень мало. Зато чаю пил много. Гаджет сидел в углу и тоже что-то жевал, а вот Катя сидела прямо напротив Рата и сверлила его строгим взглядом.

– Значит, ты считаешь, что Бог есть?

Рат оторвался от чашки и окинул ее внимательным взглядом. И все невольно также посмотрели на нее. Катя была... прекрасна. Вздернутый подбородок, сверкающие глаза, чуть подрагивающие ноздри изящного носика... Похоже, ее просто распирало от желания броситься в бой. Ну еще бы! Она же была такой умной, образованной, энергичной, и она *точно* знала, что Бога нет. И способна была это доказать. К тому же она жаждала реванша за прошлый раз, когда Рат так подло обманул ее с ее вегетарианством. И она хотела поставить этого непонятного парня на место. Она вообще считала, что мужикам надо указывать на их место, а то они слишком много о себе возомнили. Мужикам, мясоедам, коммунистам, антисемитам, фашистам... и вообще всем, кто не дает людям оказаться в светлом и прекрасном завтра. Где будут царствовать разум и свобода. Для всех...

– Да, – просто ответил Рат.

– А почему?

На лицах всех присутствующих замелькали улыбки. Уж слишком эта ситуация – зеркально – напоминала встречу с сектантами у метро. Всякими там баптистами, пятидесятниками, адвентистами и иными прочими. Те тоже любили подкатить к людям с вопросом: «Верите ли вы в Бога?» и на ответ: «Нет», так же вопрошали: «А почему?» После чего начинали грузить всякой мутью, на которую человек в здравом уме и твердой памяти реагировал однозначно. Впрочем, это только если он был в здравом уме и твердой памяти, а нынешняя жизнь частенько подкидывала ситуации, способные выбить из колеи любого...

– Я просто знаю, – Рат улыбнулся.

– Слушай, но элементарная логика доказывает, что это чушь. И что верить в Бога – это мракобесие, средневековье...

Рат сделал удивленные глаза.

– Правда? Ну так докажи.

Барабанщица закатила глаза и вскинула руки, всем своим видом показывая, как же ее достала ее собственная сестренка со своей безапелляционностью и неумным желанием облагодетельствовать всех и каждого знанием того, что есть истина и как надо жить, но та не обращала на нее ни малейшего внимания. Она воодушевленно бросилась в атаку.

– Смотри, если Бог есть, то, значит, все, что существует, создано им?

Рат усмехнулся.

– Ну, допустим.

– Значит, ты согласен, что Бог создал все? – с торжествующим видом переспросила Катя.

– Да.

– А если Бог создал все, значит, Бог создал зло, раз оно существует. И в соответствии с принципом, что наши дела определяют нас самих, получается: Бог есть зло. А поскольку все религии мира утверждают, что Бог есть добро, значит, либо это обман, либо его просто нет, – и она с торжествующим видом обвела взглядом всех присутствующих.

В ожидании ответа все глаза устремились на Рата. Но он не спешил. Рат поставил чашку на столик и некоторое время сидел молча.

– Знаешь, я мог бы ответить тебе сотней различных способов, но большинство ответов ты не поймешь.

– Почему это?

– Потому что у нас с тобой разный язык.

Катя недоуменно уставилась на него.

– Разный?..

– Ну да, – Рат улыбнулся, – язык ведь определяет очень многое. В том числе и то, как мы мыслим и что можем понять. Вот, например, в языке североамериканских индейцев майду существует всего три слова для обозначения цветов: лак – красный, тит – сине-зеленый и тулак – этаким желто-оранжево-коричневый. Как ты считаешь, КАКОЙ они видят радуго?

Катя наморщила лобик.

– Ну, мы-то говорим на русском, а не на этом...

– Русский язык очень велик, – терпеливо продолжил Рат, – и различие между нами в том, что я владею им всем, а ты всего лишь маленькой частью. Ну, например, ты знаешь, кто такой амбидекстер?

Катя молчала.

– А, скажем, лиганды?

Катя нервно пожала плечами.

– А при чем здесь Бог?

– Значит, ты считаешь, что способна обсуждать Бога, не имея представления, чем различаются божественная *сущность*, божественная *природа* и божественная *ипостась*?

Катя насупилась, но ничего не ответила. Рат покачал головой.

– Вот видишь, ты просто не можешь состыковать мой язык со своим. Ты... видишь радугу из трех цветов, а на самом деле их даже не семь, а все пятьдесят. Или сто. Для тех, кто *может* их увидеть. И даже если я очень захочу, то все равно *не смогу* объяснить тебе, насколько она прекрасна *на самом деле*.

Но Катю было так просто не взять.

– Это все отговорки, – отрезала она, – ты просто не можешь ответить на мой вопрос, вот и увливаешь, понятно?

Рат улыбнулся.

– Ну хорошо, я попытаюсь ответить тебе на твоём языке. – Он сделал паузу и внезапно задал странный вопрос: – Скажи мне – холод существует?

Катя недоуменно вытаращилась на него, а затем рассмеялась.

– Ну ты и скажешь...

Но Рат покачал головой.

– А ведь на самом деле, Катя, холода не существует. В соответствии с законами физики то, что мы считаем холодом, в действительности является отсутствием тепла. Человека или, скажем, какую-то вещь, можно изучить на предмет того, имеет ли он или передает энергию. Абсолютный ноль – 273 градуса по Цельсию – это полное отсутствие тепла. Вся материя становится инертной и не способной реагировать при этой температуре. Холода не существует. Это слово означает лишь то, что мы чувствуем при отсутствии тепла, – Рат замолчал и обвел всех присутствующих внимательным взглядом. Все молчали, переваривая сказанное. Рат снова повернулся к Кате: – Как ты думаешь, а темнота существует?

Катя растерянно покосилась на Гаджета, потом перевела взгляд на Машу и только затем на Рата.

– Ну... да.

– Это опять неверно. Темноты также не существует. Темнота на самом деле есть отсутствие света. Мы можем изучить свет, но не темноту. Мы можем использовать призму Ньютона, чтобы разложить белый свет на множество цветов и изучить различные длины волн каждого цвета. Но мы не в состоянии измерить темноту. Простой луч света может ворваться в мир темноты и осветить его. Как мы можем узнать, насколько темным является какое-либо пространство? Только измерив, какое количество света имеется в нем. Не так ли? Темнота – это понятие, которое человек использует, чтобы описать, что происходит при отсутствии света.

Он опять сделал паузу.

– И теперь последний вопрос, Катя, – зло существует?

Катя поджала губы, вскинула подбородок и с вызовом ответила:

– Да! Оно существует везде и каждый день. Жестокость людей по отношению друг к другу, издевательства над невинными животными, преступления, войны и насилие по всему миру. И каждый человек обязан всеми силами бороться против любого...

Но Рат не дал ей закончить.

– Зла не существует, Катя... или, по крайней мере, его не существует для него самого. Зло – это просто отсутствие Бога. Оно похоже на темноту и холод. Зло – это слово, созданное человеком, чтобы описать отсутствие Бога. Бог не создавал зла. Зло – это не вера или любовь, которые существуют, как свет и тепло. Зло – это результат отсутствия в сердце человека веры и Бога. Это вроде холода, который наступает, когда нет тепла, или вроде темноты, в которую мы погружаемся, когда нет света, – Рат замолчал. В комнате повисла оглушительная тишина. Никто не шевелился. Даже Гаджет прекратил жевать. Через минуту Рат опустил глаза в чашку и, усмехнувшись, буркнул:

– Пойду добавлю еще кипяточку.

После чего поднялся и ушел на кухню. Гаджет шумно выдохнул:

– Да уж, сказанул... Слушайте, а может, он это, монах? Ну были же раньше всякие такие ордена. Тамплиеров там или храмовников. Может, он из этих. Они ж тоже умели мечом неплохо орудовать, и по поводу Бога у них язык был подвешен нехило. Я вот думаю...

– Слушай, Гаджет, заткнись, – едва ли не со стоном бросила Барабанщица.

– А че? – не понял тот.

– Думать мешаешь. Очень, знаешь ли, полезное занятие. Хотя некоторые, – она смерила Гаджета свирепым взглядом, – об этом даже не подозревают.

Глава 10

– Значит, говоришь, один он был?

Трофим Алексеевич Чумак, в определенных кругах человечества начала XXI века более известный под кличкой Пацюк, откинулся на спинку кресла и задумчиво потер рукой гладко выбритый подбородок.

– А с остальными вы к тому моменту уже разобрались?

– Ну да.

Стоящие перед ним трое мордovorотов неуверенно переглянулись. Смотрелась эта тройка весьма живописно. Один из них пребывал в полусогнутом положении и с трудом держался на ногах – судя по всему, дело было не только в том, что его штаны в области паха распирали бандаж. Лицо второго украшал замысловатый синяк. На первый взгляд синяк можно было принять за некую крутую татуировку здорового, на полморды, следа раскрытой ладони. Ну а третий... третий, прямо скажем, был настоящей звездой шоу. Всю его физиономию занимал огромный, похожий на спелый темно-фиолетовый баклажан, нос, местами заклеенный узкими полосками пластыря и оттого еще больше притягивавший к себе взоры окружающих.

– И откуда он появился – никто из вас не заметил? – спросил Пацюк.

Все трое вновь неуверенно переглянулись.

– Не-а... может, из-за джипа? – растерянно протянул один.

– Да-а-а, – протянул Пацюк, – вот, значит, как оно... упустили, стало быть, клиента, да еще какой-то урод вам троим по шеям накостылял. Один, блин! А вы даже не заметили, откуда он появился. Хор-роши, нечего сказать... – Трофим Алексеевич замолчал, глядя на них тяжелым взглядом. Но мысли его сейчас были далеки от неудачливых подчиненных.

Когда Петлюра, правая рука Пацюка, сообщил, что поставщик просит оказать услугу и предлагает за это хорошие бабки, Пацюк задумался. Нет, бабки, конечно, дело хорошее, да и услуга, прямо скажем, не так уж и напряжет. Все равно ребята застоялись. Уж больно все гладко как-то идет. Не то что в овечьих слабой девяностых. А это плохо. Когда все гладко – народ расслабляется, начинает жирком обрастать, нюх теряет. А тут и бери их голыми руками. Так что за шанс поднапрячь братву надо было только спасибо сказать.

И опять же не за просто так. Хотя для Пацюка не столько деньги были важны, сколько сама возможность помочь нужному человеку. Деньги это что – оценка. Ну, навряд ли как в школе. Коль сделал все правильно, по уму, кому надо – помог, кого надо – припугнул, кого надо – сделал должником, а кого и другом, вот тебе жизнь оценку и ставит. Пятерку, скажем. Как учительница в школе. Только баблом. А ежели где ошибся, куда-то не туда влез, не тем людям дорогу перешел или, там, с нужными людьми пожадничал, то может и троечку закатать. То есть не только не наваришь, что думал, но и свое бабло потеряешь. И еще слава богу, коли так. Вполне государственная оценка.

Пацюк в таких случаях не обижался. Он сам школу с трудом закончил на тройки. И только потом, на первой ходке, до него дошло, что если во всех школах так учиться, не напрягаясь, а самым важным в жизни считать возможность «оторваться по полной» и «ни в чем себе не отказывать», то вполне можешь на всю жизнь так троечником и остаться. И тогда жизнь у тебя будет ну в точности по кино «Джентльмены удачи»: украл-выпил – в тюрьму, украл-выпил – в тюрьму. Ну а на старости лет, когда сил не останется – доживать век младшим помощником старшего дворника. И сидючи в драном ватнике, с беломориной в беззубом рту, гнать волну сидящим вокруг таким же, как и он, троечникам по жизни, насчет того, каким лихим он был в молодости, да сколько бабла через его руки прошло, да сколько «ходов» он сделал...

А ведь вокруг разворачивались такие возможности, что только держись. Причем, как Пацюк заметил, лучше всего в них устраиваются как раз те, кого он всю жизнь считал уродами

и сплошными недоразумениями – всякие отличники-ботаны. Нет, по первости в люди всегда выходят лихие ребята, коим сам черт не брат. Вот только надолго ли? Кто из тех, с которыми Пацюк начинал, ныне по земле ходит? Лис да он, Пацюк. А остальные кореша – все уже под гранитной плитой на кладбище.

Нет, погуляли они красиво. Пока он, Пацюк, с циферками разбирался, дебет-кредит осваивал, учился баланс сводить, короче, восполнял и преумножал то, на что в школе плевал с высокой колокольни, предпочитая доводить училок до белого каления, мужики по Канарам катались, блядей в шампанском купали и над ним, Пацюком, посмеивались. Один Лис не смеялся...

И что? Булыжник вон троих бухгалтеров в бетон закатал, а четвертый его все одно кинул. Да и сбежал с его деньгами. Булыжник орал: «Найду – кишки на кулак намотаю». Да так и не успел найти. Стольким людям должен оказался, а денежки-то фьют, исчезли вместе с бухгалтером. Так и сгинул Булыжник не за грош. Кремень пулю поймал. Шалва тоже. Лысого в машине взорвали. Левона так и не нашли... Короче, всем им жизнь оценки выставила. Окончательные. Двойки, стало быть. А на том месте, где палатки стояли, которые Булыжник крышевал, теперь двухэтажный супермаркет высится. Хозяином у которого как раз вот такой ботан-отличник. И не один у него супермаркет, а целая сеть. И квартира в Лондоне. А не два квадратных метра на Ваганьковском. Так что, блин, правильно гласит народная мудрость – ученье свет... этот.

Ну так вот, когда Петлюра сообщил ему о том, что поставщик просит оказать услугу, Пацюк крепко задумался. С одной стороны, услуга – это хорошо. А с другой – не нравился ему этот партнер. Непонятно даже чем. Товар – первый сорт. Поставки всегда аккуратные. И появился очень вовремя. Таджики совсем было рынок под себя загребли и стали цены задирать, а тут вдруг – раз, и появился он, а вместе с ним и возможность послать таджиков домой. То есть на хрен...

Но... не то что-то было с этим клиентом. Неправильно. Не по-людски. Какое-то время назад он даже попытался своих людей по следу пустить. Хоть его от этого и потом прошибло. И правильно прошибло, между прочим. Потому как его людей тут же вычислили, положили носом в пол и велели передать, чтобы он, Пацюк, больше так не делал. Он и повинился и даже мзду принес. Но то, что его люди заметили, прежде чем их носом в пол положили, ему не понравилось. Очень даже не понравилось...

Пацюк вздохнул и махнул рукой.

– Ладно, идите отдыхайте. То есть это, блин, – Пацюк хмыкнул, – лечитесь. Я стало быть, сам с этим разберусь.

Когда за троими неудачниками закрылась дверь, подал голос Петлюра:

– Мятного – не он.

– Чего?

– Мятному яйца не тот мужик отбил.

– А кто?

– Баба. Он ее сначала метелил, а как тяжелый махач пошел – выпустил и дернулся было на того мужика. Да только он Сливу и Кабана к тому моменту уже положил, вот Мятный и притормозил. Ну а она сзади подобралась и носком ему... мне Тухлый доложил. Он все через стекло видел.

Пацюк задумчиво покачал головой.

– А че Тухлый за стеклом-то задержался?

– Да он говорит, что тот мужик так на него взглянул, что у него все кишки опустились.

Пацюк понимающе кивнул. Да, от Тухлого много ждать не приходилось, он был не боец – так, шавка на подхвате.

– Еще чего заметил?

– Зассал, сука, – мрачно констатировал Петлюра, – так из дверей и не вышел, пока наши не подъехали.

Пацюк протянул руку и взял с тарелки кусочек сыра. Рядом на столе стояла ваза с фруктами, два фужера и бутылка французского вина. Пацюк с большим удовольствием сейчас жажнул бы водки с салом, но... прошли времена, когда среди серьезных людей круто было изображать из себя паханов. Теперь это не катит, вчерашний день. Теперь круто носить не слепящий глаза золотым блеском «Ролекс», а скромненько посверкивающий корпусом из белого золота, на первый взгляд больше похожим на стальной, «Патек Филипп». А роскошь демонстрировать не массивной «голдовой» цепью с полкило весом на груди, а внешне скромненькими такими ботиночками ручной работы и дорогим костюмчиком с непременно парой косых стежков, демонстрирующих *понимающим*, что это – штучная вещь. Или вот пить французское вино и закусывать его французским же сыром. Теперь круто быть этим самым *понимающим*...

– Ладно, Петлюра, ты иди. Мне подумать надо.

Когда Петлюра покинул кабинет, Пацюк откинулся на спинку кресла и задумался. Похоже, началось... Чужаки начали разборки. Причем на его территории. То, что *эти* – чужаки, Пацюк понял сразу. При первой встрече. Ведь какую науку в первую очередь осваивают правильные пацаны. Верно, крысиную. Науку выживать. Причем самим. Без какой-то помощи и поддержки. Вылезти из щели – цапнуть кусок по размеру и обратно, в щель. На кого окрыситься, от кого откупиться, а с кем и поделиться. И только потом, переварив, начать присматривать следующий кусок. И всегда, каждую секунду, каждое мгновение знать, что никто. *Никто!* Ничего тебе не должен. Даже самый что ни на есть братан, с которым зону топтали и пайку хавали. Потому как у каждого – своя жизнь. И если твоего друга за яйца возьмут (а когда такими делами занимаешься, найти, чем за яйца взять, всегда можно), то он тебя тут же сдаст с потрохами. И пусть разные придурки считают себя всякими крутыми зверюгами – волками там, тиграми или львами. Пацюк всегда точно знал, кто он есть на самом деле. Потому и жив до сих пор, и на свободе...

Так вот, *эти* были другими. Не чувствовалась за ними самая главная пацанская школа. Другое чувствовалось. Эти как раз были псами. Знающими, что их спина прикрыта. Нет, выживать они тоже умели, это было сразу заметно. Но недолго. До какого-то момента. Пока не придет дядя со всемогущими «корочками», или не прилетит вертолет с группой прикрытия, или не войдет в прибрежную полосу корабль с десантом. И не это умение было для них главным в жизни. Не под это их жизнь затачивала. А под другое – добиваться своего любой ценой. Потому что если задача не выполнена, то и дядя с «корочками» может не появиться, и вертолет не прилететь. И оттого связываться с ними для Пацюка было смертельно опасно. Они наследят и уйдут, а ему потом расхлебывай, людям объясняй, че и как на твоей «земле» творилось. Но не связываться тоже было невозможно. Потому что в лучшем случае это означало уйти и оставить территорию, а уж в худшем...

Правда, некоторый шанс появился тогда, когда Пацюк четко понял, что это *чужие*. А понял он это, когда его люди, возвернувшись с «базы» чужаков и отмывшись от кровавых соплей, доложили, что «база» у чужаков устроена серьезно. Целый штаб развернут. Полдюжины компьютеров в наемном пентхаусе экранами сверкают. И охрана поставлена – куда там. Им даже в прихожую зайти не дали. Тут же прямо на пол и положили в лифтовом холле. Так что, что падая углядели, то и доложить могут. То есть, считай, и ничего.

Но Пацюк и из их путаного доклада понял главное. То, что это не просто чужаки, но еще и не наши. А вот это уже давало шанс. Потому как против «своих» чужаков у Пацюка руки были коротки. Сейчас, чай, не девяностые. Когда правильные пацаны тему держали. Сейчас время совсем другое. Но вот против чужих... Против чужих у нас, извините, и свои имеются. Ничуть не хуже ваших. У нас не забалуешь... Оставалось только деликатно намекнуть «своим», что

на «их» территории пасутся чужие. И... постараться минимизировать потери от неизбежной разборки.

Пацюк уже начал предпринимать для этого кое-какие шаги, но не успел. Чужаки начали первыми... Причем, как выяснилось, в деле появилась третья сила. Ибо тот крутой мужик, который запросто положил его пацанов, явно был из породы тех, для кого главное – чтобы любой ценой...

И потому времени для того, чтобы минимизировать потери, практически не осталось. Нет, можно было по-быстрому вывести все доступные бабки куда подальше, возможности имелись, а затем и самому рвануть куда-нибудь далеко – на Канары, скажем, или на Мальдивы, либо в ставшую в последнее время довольно популярной Доминиканскую Республику. А затем, вернувшись, вместе со всеми покачать головой и принять соболезнования от братвы либо, наоборот, отбить все наезды и клятвенно пообещать, что больше на его территории ничего подобного не случится. И что будь он на месте, не случилось бы и сейчас, да вот унесла нелегкая...

Вот только делать так Пацюк не собирался. Не желал, чтобы эти самые «не наши» чужаки чувствовали себя здесь, на его земле, совершенно свободно. Как ни странно это звучало, но Чумак Трофим Алексеевич, 1956 года рождения, неженатый, детей нет, дважды судимый, имеющий в криминальной среде кличку Пацюк, считал себя патриотом России...

Спустя полтора часа Пацюк вызвал Петлюру.

– Значица, так, стало быть. Клиента надо найти. Поднимай всех. Пусть поспрошают таксистов, что возле «Топки» тусуются, да и вообще всех, кто там рядом ошивался. Может, кто видел че. И по округе пусть пройдутся. Бабок поспрошают. Дежурных в метро... Они же пешком удрали?

Петлюра кивнул.

– Вот! Значит, либо недалеко идти было, либо их в метро заметили. Они же гуртом летели, да еще и не останавливаясь, пока куда-то не добежали, где, как им показалось, их уже не догонят. То есть либо на хазе, либо в вагоне метро. Или в автобусе. В одну машину они бы все не залезли. В общем, пусть ищут, понятно?

– Понятно, – кивнул Петлюра.

– Ну давай, – приказал Пацюк, – а мне кое-куда съездить надо...

Полковника Кузнецова начальник управления вызвал к себе уже под конец рабочего дня. Когда Алексей Юрьевич вошел в кабинет, то сразу понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Потому что генерал стоял у окна и смотрел на улицу, а за столом для совещаний сидел полковник Галустов и старательно отводил взгляд.

– Ну и как же это понимать? – начал генерал, едва Алексей Юрьевич успел поздороваться.

– Что, Николай Степанович? – спросил Кузнецов, быстро пробегая в памяти, на чем он мог проколоться.

– А то, Алексей Юрьевич, что на вашей территории, между прочим, действует, причем не особо скрываясь, группа неуставленной принадлежности.

Кузнецов замер. Это действительно был прокол, если не катастрофа. Впрочем...

– Откуда это стало известно?

– Вон, – генерал кивнул в сторону Галустова, – агентура Эдуарда Максимовича сработала.

Кузнецов облегченно выдохнул. Галустов курировал криминал. И если группа, как упомянул генерал, не особо скрывалась, значит, ничего непоправимого еще не произошло. Просто авторитеты не любят, когда на их «земле» появляется некто, не обращающий особого внимания на их интересы. Значит, Галустову «стукнули»...

– Понял, товарищ генерал.

– Что понял, Кузнецов? Как это так получается, что «бандюки» лучше нас сработали?

Кузнецов вздохнул.

– Пока не знаю, товарищ генерал. От погранцов никаких сигналов не поступало. Все обнаруженные каналы тоже под плотным контролем. Я... разберусь.

– Да уж, пожалуйста, – ворчливо закончил генерал и, чуть снизив тон, добавил: – Я понимаю, что вы недавно из командировки, еще не успели до конца войти, так сказать, в колею, но... сами видите, времени на раскачку нет. Эдуард Максимович передаст вам всю необходимую информацию. Свободны.

Как выяснилось, ничего непоправимого действительно не произошло. Некоторое время назад на севере Москвы появилась неизвестная группа, сразу же вышедшая на рынок наркотиков с интересным предложением. Коллеги из «таджикского» отделения как раз провели успешную операцию, разрушившую наработанный канал поставки героина из Афганистана через афгано-таджикскую границу и далее, до Москвы. И цены на героин тут же начали расти. Так что новое предложение пришлось как нельзя кстати. И авторитеты заглотнули его, как щука живца. И лишь позже, когда стало ясно, что наркотики для этих «новых» всего лишь способ финансирования чего-то... другого, в среде криминала забили тревогу. Очень неуютно, знаете ли, когда твой партнер ведет свою игру, в которой ты не понимаешь не только целей, но и даже методов их воплощения. Как говорится: «Сохрани нас Бог от союзников, чьи мотивы нам непонятны».

Более того, судя по тому, как свободно вели себя «гости», не исключено, что это были свои, только из какой-то конкурирующей «конторы». Хотя Кузнецов на это не рассчитывал. Конечно, наркотики – отличный способ финансирования. Они компактны, их несложно транспортировать и довольно просто конвертировать в любую необходимую валюту. В некоторых случаях они и сами служат прекрасным средством платежа. А полученные за них средства сложно отследить. Но... все эти преимущества становятся таковыми, только если действуешь *не на своей территории*. Потому что иначе оказывается, что ты своими руками рушишь все, что поклялся защищать...

А потому решено было изначально считать, что это – *супостаты*. И в первую очередь следовало понять, для чего они здесь объявились. Затем выяснить, государственные это структуры или частная лавочка. А что, у супостатов это было в порядке вещей. Скажем, то, что американское правительство предоставило знаменитому Панчо Вилье гарантии безопасности, совершенно не помешало конгрессмену Хесусу Баррасу набрать команду наемников и грохнуть этого самого Панчо Вилью за милую душу.

Потом будет ясно, как действовать дальше – устроить громкий захват с широким освещением в прессе, с дипломатическими нотами, с высылкой дипломатов, либо взять по-тихому и тем самым посадить на крючок кое-кого из первого властного эшелона. И их, и нашего. Потому что действовать *так* нагло, не имея никакого прикрытия, было совершенно невозможно.

А может, и вообще не брать, а, наоборот, *не заметить*, причем этак слегка демонстративно, и дать тихо убратся, заронив в сердцах неких весьма влиятельных персон вечную благодарность и любовь. Потому как если эти ребята охотились за каким-нибудь подонком, который был *слишком* уж прикрыт с нашей стороны, то гораздо разумнее было дать им сделать свое дело. А потом получить нагоняй за то, что проглядели, вздыхать и оправдываться тем, что, мол, сами же настойчиво рекомендовали *не смотреть* в ту сторону. Но принимать подобные решения будет уже явно не полковник Кузнецов, а те, кому он положит на стол всю необходимую для этого информацию. А именно: кто, кого, почему и когда...

Пост наблюдения за указанным адресом развернули уже к вечеру. Алексей Юрьевич только позвонил домой и сообщил, что сегодня домой не придет. Жена лишь грустно усмехнулась и пожаловалась на дочь, которая, так же, как и ее папашка, взяла моду ночами шляться неизвестно где. При мысли о дочери у Кузнецова потеплело на сердце. Хотя она у него и норовистая, но правильный человек растет, точнее верный. Потому как правильный – это соответ-

ствующий каким-то правилам, а правила, как и законы, разные бывают. В том числе и *неверные*. Непродуманные, принятые под давлением обстоятельств... А что норовистая, так все наши недостатки – это продолжение наших достоинств. Характер у девчонки сильный, вот и норовистая... Но сейчас времени на мысли о семье не было. И полковник Кузнецов вернулся к непосредственным задачам.

К следующему полудню выяснилось, что в группе чуть более десяти человек. И ни один из них не проходил ни по их картотеке, ни по картотеке коллег из ГРУ. Чего, как считалось, в принципе быть не могло. Поскольку профессионалов в столь специфической области в мире не так уж много (ну, просто рабочих мест в этой области весьма ограниченное количество). И все они, как правило, удерживаются в поле зрения соответствующими службами. С разной степенью успеха, конечно. Но того, что в более чем десятке явных профессионалов высокого уровня не окажется ни одного человека, уже известного соответствующим службам государства, предположить не мог никто.

Тогда же выяснилось, что в их распоряжении находится несколько автомобилей со спецномера. По президентскому указу подобные номера были уже давно отменены, но встречались пока еще довольно часто. И Алексей Юрьевич понимал почему. Выдавались они, как правило, людям серьезным, облеченным, так сказать, всей полнотой. Или как минимум с чрезвычайно широкими возможностями. И не гаишному старлею такие машины тормозить и номера снимать. Себе дорожке обойдется. Пусть лучше покатаются, пока срок менять машину подойдет. Они у таких личностей частенько меняются. Как немцы новую модель «шестисотого» выпускают, так, значит, и срок пришел машину менять. Тем более что ментовские синие номера еще за полгода до этих отменили, а до сих пор машины с ними встречаются.

Но Кузнецову это давало возможность получить еще некую толику информации об «объекте». С людьми, поспособствовавшими, так сказать, тому, что у «объекта» появились столь крутые тачки, переговорили и посоветовали на некоторое время исчезнуть из поля зрения. Чтобы не путались под ногами. Из разговора выяснилось, что некоторое время назад машин с подобными номерами было на одну больше, но потом случилась серьезная авария где-то совсем рядом с университетом. А из информации, переданной агентом полковника Галустова, следовало, что «объект» усиленно разыскивает какого-то молодого человека. Судя по всему, студента.

Фотография данного молодого человека в деле тоже имелась. Причем очень хорошего качества. Просто великолепного. Прямо фотопортрет. Причем сделанный талантливым мастером. Так что было совершенно немудрено, что не слишком далекие «пацаны» того криминального авторитета сумели опознать парня в полумраке, шуме и сутолоке ночного клуба.

К исходу следующих суток личность неизвестного была установлена. Им оказался Джавецкий Даниил Андреевич, 1988 года рождения. Кузнецову было показалось, что он уже где-то слышал эту фамилию, но сразу не вспомнилось... На лекциях в университете он не появлялся уже более полумесяца. В общежитии его и его соседа по комнате не видели приблизительно столько же времени. Кузнецов дал команду «пробить» его возможные связи вне университета, знакомства, увлечения, хобби, короче, все, что удастся установить...

Когда на пороге появился капитан Олешко, Алексей Юрьевич сидел и пил чай с лимоном, сонно моргая уставшими глазами. Третьи сутки непрерывной гонки давали себя знать. Поэтому последние сутки Кузнецов держался в основном на стимуляторах. Среди которых крепкий чай с лимоном занимал не последнее, хотя и не самое важное место. Алексей Юрьевич кивнул капитану на стул:

– Садись, чай будешь?

– Н-никак нет, товарищ полковник.

Кузнецову показалось было, что капитан чем-то смущен, но он объяснил его несколько неадекватные реакции обычной усталостью и недосыпом.

– Ну, Павел Андреевич, чем порадуешь?

На этот раз капитан смутился настолько явно, что Алексей Юрьевич поставил стакан на стол и прямо спросил:

– Есть информация?

– Так точно, – кивнул капитан.

– Докладывайте.

– Установлено увлечение Джавецкого.

– И какое?

– Он был диггером. Причем участвовал в том самом погружении, во время которого произошел обвал, вызвавший проседание почвы под Васильевским спуском.

Кузнецов прикрыл глаза. Вот! Вот почему фамилия парня показалась ему знакомой. Она же была в материалах Ващенко, которые он просматривал. Как раз перед командировкой... Просто связать парнишку с той группой как-то в голову не приходило. Причем он тогда поинтересовался у дочери, что это за парень. Машка тогда всячески его ругала, даже обзывала придурком, но Алексей Юрьевич сделал себе зарубку на память: при случае разузнать о том парне побольше. Что-то в Машкином голосе говорило о том, что парень не так уж ей безразличен, как она старалась показать.

Полковнику стало ясно, что сейчас доложит ему капитан. И он задал следующий вопрос, уже зная ответ:

– Связи по этому направлению установлены?

Капитан молча положил перед ним листок с коротким списком фамилий. Алексей Юрьевич опустил взгляд. Третьим сверху в списке стояли имя и фамилия его дочери Кузнецовой Марии Алексеевны. Он некоторое время рассматривал список, вчитываясь в остальные фамилии и пытаясь припомнить, видел ли он раньше этого Джавецкого в гостях у дочери, но потом понял, что не видел. Иначе бы узнал сразу, при первом же взгляде на портрет. Однако это по большому счету ничего не меняло. Алексей Юрьевич кивнул капитану, показывая, что тот может быть свободен, и едва за его спиной захлопнулась дверь кабинета, выудил из кармана мобильник.

Телефон дочери не отвечал. Женский голос сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны доступа. Кузнецов перезвонил домой.

– Ирина, – бодро начал Алексей Юрьевич, – Машка дома?.. Нет?.. Опять сегодня дома не ночевала?.. Да уж, придется серьезно заняться ее воспитанием... Ладно, если объявится – пусть сразу же позвонит мне. Мне нужно у нее кое-что спросить.

Он едва успел дать отбой, как на столе зазвонил стационарный аппарат. Полковник Кузнецов сунул мобильник в карман и торопливо снял трубку.

– Слушаю.

– Товарищ полковник, – зазвучал в трубке голос старшего прапорщика Зарубного, начальника группы наружного наблюдения, – «объект» пришел в движение. Явно готовится к перемещению за пределы места дислокации.

Алексей Юрьевич стиснул зубы и прикрыл веки. Эх, Машка-Машка, во что же такое ты ввязалась?

– Хорошо, – ответил он и бросил трубку на аппарат.

Покидая свой кабинет, полковник Федеральной службы безопасности Кузнецов Алексей Юрьевич занимался совершенно не свойственным ему делом. Он... молился. Молился о том, чтобы в том месте, куда сейчас собирался отправиться «объект», не оказалось бы его дочери – Кузнецовой Марии Алексеевны...

Интермеццо 4

Генерал сидел в кресле, прикрыв глаза, когда в дверь тихонько постучали.

– Да?

Дверь распахнулась, и на пороге появился старший группы встречающих.

– Господин генерал...

– Все готово?

– Да, господин генерал. Аппаратура подключена и настроена. Первичные тесты выдали «оранж».

Генерал поднялся с кресла, пригладил ладонью волосы и кивнул.

– Ну что ж, приступим.

Когда они проходили через холл, все находящиеся там настолько старательно делали вид, что не обращают на них никакого внимания, что не заметить этого мог разве что человек, страдающий аутизмом. И это еще раз доказывало, насколько все они боятся того, что сейчас должно произойти. Впрочем, генералу этот страх был совершенно понятен. Аппаратура, позволяющая работать с вероятностями, все еще считалась экспериментальной. Вернее, она никак не могла перейти в разряд неэкспериментальных уже около сорока лет. И сегодня никто не мог дать гарантий, что это вообще когда-нибудь произойдет. На самом деле никто, даже ее создатели, до конца не понимали, как она работает.

* * *

Генерал занял кресло старшего оператора. Он обладал не столь большим опытом работы на аппаратуре, как присланный на прошлой неделе из центра специалист, сейчас занимающий кресло второго оператора, но он был главным связующим звеном всей группы, поэтому, чтобы шансы на успех не стали совсем уж призрачными, именно ему надлежало взять на себя ведущую роль.

– Параметры вероятностных колебаний?

– Один и тридцать два – один и тридцать шесть, – быстро ответил второй оператор.

– Планируемое возрастание коэффициента?

– До один и восемьдесят семь.

Генерал кивнул. Изменение серьезное, но в одном из экспериментов, результаты которых смогли зафиксировать, удалось поднять коэффициент вероятностных колебаний до один и девяносто два. Так что некий запас прочности был. Теоретически.

– Сколько прослежено вероятностных линий?

– Шесть, господин генерал. Вот, посмотрите, – и второй оператор развернул перед ним на экране шесть графиков, наложенных на одну координатную сетку. Генерал внимательно всмотрелся в каждую из них, потом поочередно вывел на боковой врезке их параметры. Что ж, также вполне среднестатистически. Он кивнул головой, скорее даже не оператору, а своим мыслям, и негромко спросил:

– И с какой начнем?

– Наиболее низкий коэффициент изменения требуется для линий пять и один, но я бы советовал сначала попытаться воздействовать на линию два. На ней просматривается гораздо большая вероятность получить успешный результат всей операции. Во всяком случае, ключевой узел на ней расположен гораздо ближе к текущей нашей точке, чем на всех остальных. И, видите, он гораздо сильнее окрашен в оранжевые тона, чем узлы на других линиях.

Генерал некоторое время молчал, вглядываясь в линии, медленно колеблющиеся на экране, будто рантунг под легким ветерком, а потом небрежно произнес:

– Ну что ж, давайте поработаем над ней.

И ни он, ни второй оператор даже не догадывались, что здесь, в этом месте и этом времени, цветом, обозначающим беспрепятственное движение вперед, к цели, считался зеленый. А оранжевый – это цвет, являющийся смесью желтого, здесь обозначающего скорые перемены на что-то прямо противоположное, и красного...

Глава 11

Когда зазвонил мобильник, Данька вздрогнул и несколько секунд недоуменно пялился на него. Он включил телефон полминуты назад и только для того, чтобы сделать звонок, который, как решили на вчерашнем обсуждении, надо было сделать. Высветившийся номер был незнакомым. У Даньки слегка екнуло под ложечкой. И он уже совсем было решил нажать отбой и сразу же выключить телефон от греха подальше, как вдруг, взглянув на визитку, которую держал в руке, сообразил, что звонит именно тот человек, которому он и собирался звонить. Данька торопливо нажал кнопку ответа и, поднеся мобильник к уху, обрадованно заговорил:

– Игорь Оскарович, добрый день! А я как раз собирался вам звонить...

– Вот как? – Голос Потресова в трубке был энергичен и весел. – Выходит, я зря приложил столь невероятные усилия, пытаюсь разыскать вас или хотя бы ваш телефон.

– Нет... – Данька смутился. – Извините, Игорь Оскарович, просто я... – И он замолчал, не зная, как объяснить Потресову все, что с ним произошло, и, главное, сомневаясь в том, стоит ли это делать. Но тот не стал дожидаться объяснений.

– Вы в Москве?

– Да...

– А чего ж на занятия не ходите? Я тут с ног сбил. Никто не может сказать, куда вы делись. Что-то случилось? Заболели?

– Ну-у... да, болел я, – промямлил Данька.

– А сейчас как себя чувствуете?

– Сейчас нормально, – брякнул Данька и спохватился: ведь если удастся сделать справку об операции для академки, Потресов может припомнить этот разговор...

Но Данька решил пока об этом не думать. До сессии еще уйма времени, может, и никаких академок не потребуется. Все как-нибудь до сессии само собой рассосется...

– Дело вот в чем, уважаемый студент Джавецкий, я тут переговорил с некоторыми знающими людьми по поводу вашего текста, и они им очень заинтересовались. Возможно, я был не совсем прав, когда считал что текст – подделка.

– Ага, – обрадованно воскликнул Данька, – я потом нашел.

– Что? – не понял Потресов.

– Ну тот хвостик, про который вы говорили. Тут просто надпись выплела, и я его не заметил. В свете лампы.

– А-а, ну так отлично. Значит, сам документ, копию которого вы принесли, еще у вас?

– Не... не совсем, – замялся Данька.

– То есть?

– Ну... я его спрятал.

В трубке послышался короткий смешок.

– Что ж, вполне разумно... но надо его достать и привезти ко мне. Вы могли бы зайти на кафедру сегодня часика в три...

– Игорь Оскарович, – поспешно перебил его Данька, – я... мне пока нельзя появляться в университете.

– Почему?

– Ну... у меня это... вирус.

Потресов помолчал.

– Ну а я к вам подъехать не могу?

– Я... мне... – Данька лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации. В принципе, можно было, конечно, пригласить Потресова и сюда, но Барабанщица вчера категорически

заявила, что все встречи с посторонними людьми надо проводить только на, как она выразилась, нейтральной территории.

– Ну хорошо, я сам к вам подъеду. Только куда-нибудь не в университет.

– Вот как... – в голосе Потресова послышалась ирония, – ладно, приезжайте ко мне в офис. Рискну персоналом. Записывайте адрес...

После того как Данька нажал отбой, он некоторое время посидел, обдумывая столь неожиданное совпадение, а затем вскочил на ноги и бросился на кухню к Рату.

– Рат, все получилось!

– Что? – спокойно спросил тот, макая котлету во взбитое яйцо, а затем в муку и аккуратно укладывая ее на сковороду.

– Я договорился о встрече с Потресовым.

– Хорошо, – Рат положил на сковороду следующую котлету. – Когда и где?

– Сегодня, в четыре. У него на фирме.

– Отлично, – кивнул Рат, закрывая сковороду крышкой, – значит, вполне успеем пообедать.

Данька шумно выдохнул. Вот всегда он так. Вроде бы знает обо всем гораздо больше их, а во время обсуждений только сидит, молча прихлебывая чай, или готовит что-то на кухне. Мол, решайте сами, а я тут ни при чем. Мое дело – сторона. Данька теперь никак не мог понять, как Рат вообще оказался среди них. А вот Барабанщица, похоже, кое-что понимала, поскольку не выражала никакого удивления или неудовольствия такой позицией Рата. А когда народ попытался все-таки раскрутить Рата на более доходчивое объяснение, тот только загадочно улыбнулся и сказал не слишком понятную фразу:

– На свете есть только два достойных для человека занятия – учиться и учить. Вот я и не мешаю вам делать это.

Все недоуменно переглянулись, ничего не поняв, и только Барабанщица серьезно посмотрела на Рата и тихо спросила:

– А помочь?

И Рат столь же серьезно ответил:

– Пока рано...

Не успели Данька с Ратом сесть за стол, как в прихожей раздался звонок. Это оказался Гаджет. Ввалившись в прихожую, он тут же повел носом.

– О-о, а чем это так вкусно пахнет?

– Котлетами, – сообщил ему Данька, – Рат сделал. Будешь?

– Ну... – замялся Гаджет.

Рат усмехнулся.

– Не волнуйся, я сделал много – на всех хватит.

– Тогда конечно! – радостно закивал Гаджет. Но только он помыл руки и уселся за стол, как в прихожей опять раздался звонок.

– Ну во-от, – разочарованно протянул Гаджет, – сейчас точно вся толпа припрется. Опять придется в комнате на полу жрать.

Действительно, на крошечной кухне за стоящим у стенки столом могли спокойно расположиться два, максимум три человека. Так что совместные трапезы не оставляли иных вариантов, кроме как комната. Но там не было стульев.

Пришла Барабанщица. Причем одна. И после нее никто больше не появился. Войдя в прихожую, она, так же как и Гаджет, повела носом и спросила:

– Кто-то пожарил котлеты?

– Да, – кивнул Данька, – Рат. Привет, Маш. Ты будешь котлеты? Гаджет уже лопают.

– Ну, Гаджет способен лопать даже подошву от прошлогодних ботинок, – усмехнулась Барабанщица, – только давай. Хотя... все вы, мужики, такие, – махнула она рукой, заходя на кухню. – Ого... а выглядят ничего.

Рат поднялся со своего места.

– Садись.

– Да седи, я потом, – начала было отнекиваться Барабанщица, но Рат качнул головой.

– Я уже...

Барабанщица посмотрела на чашку с чаем, стоящую перед Ратом, на тарелку с котлетами и понимающе кивнула, а затем неожиданно спросила:

– А для тебя это принципиально?

– Что?

– Ну... не есть мясо, если ты его сам не добыл.

Рат отрицательно покачал головой.

– Да нет...

– Тогда почему?

Рат улыбнулся.

– Знаешь, есть много вещей, которые я... воздерживаюсь делать. По *разным* причинам. Но я не утверждаю, что не буду этого делать *никогда*.

Гаджет и Данька переглянулись. Ну вот, опять все те же непонятные заморочки. Ну неужели нельзя выразиться яснее? Данька вздохнул, Гаджет в ответ покрутил вилкой у виска и вновь вернулся к прерванному занятию. Впрочем, похоже, Барабанщица все-таки кое-что поняла.

– Ты дал обет? – взглянув на него в упор, спросила Барабанщица.

Рат спокойно кивнул.

– Да. И давно... – А затем улыбнулся и добавил: – Но к мясу он не имеет никакого отношения.

Барабанщица задумалась. А Рат, все так же улыбаясь, предложил:

– Давай, я положу тебе котлетку...

Данька вдруг вспомнил, что он еще не рассказал Барабанщице о своих переговорах с Игорем Оскаровичем.

– Маш, я дозвонился Потресову. Он ждет меня с документом у себя в офисе, в четыре часа.

– Насчет документа – обойдется, – отрезала Барабанщица, – копии хватит. Где офис?

– В центре.

– В четыре?

– Да.

– Через пятнадцать минут выходим.

Гаджет, покончивший с третьей котлетой, с видимым удовольствием откинулся на спинку стула:

– Ну вот, теперь я готов к встрече хоть с десятком твоих лысеньких профессоров в дурацких очках.

– Почему это лысеньких? – не понял Данька.

– Потому что человеку, Джавецкий, свойственно мыслить штампами, – усмехнувшись, пояснила Барабанщица, – а у нашего Гаджета в голове этих штампов побольше, чем у других. И один из них такой, что профессора непременно лысенькие и в дурацких очках.

– И ничего не так, – обиделся Гаджет. – Что я, профессоров не видел, что ли? Разные они. И вообще...

Что вообще – они так и не узнали, потому что Гаджет замолчал и обиженно насупился. А Данька внезапно вспомнил, что он ведь тоже сначала записал Рата в бомжи. Сразу приговор

вынес – бомж, и точка. И никак иначе даже и не думал называть. Даже после того, как выяснилось, что он очень необычный бомж... И от этого Даньке стало как-то стыдно и захотелось что-то сделать, чтобы развеять тот штамп ну просто в дым.

– Слушай, Рат, а у тебя есть дом?

Рат улыбнулся.

– Есть.

– А семья?

– Тоже.

– И большая?

Рат задумался.

– Смотря как считать. Если со всеми братьями, сестрами, их родственниками, женами и их родственниками, то... где-то около семидесяти тысяч человек.

– Скока? – переспросил Гаджет.

Но Рат продолжил:

– А если только детей, внуков и их потомков, то чуть больше тысячи, – он замолчал и отвернулся, вновь наливая чай. Гаджет сделал круглые глаза и уже откровенно повертел пальцем у виска. Барабанщица нахмурилась, но никак не отреагировала. А Данька просто пытался хоть как-то привести в порядок свои мысли. Да уж, развеял штамп, блин. Такое ни под какой штамп не подгонишь, разве что под тот, что показал Гаджет...

– Ладно, пора! – Барабанщица вскочила с табуретки. – Лучше придем пораньше. Осмотримся...

* * *

Офис Игоря Оскаровича располагался на одиннадцатом этаже современного офисного здания.

Игорь Оскарович встретил их у лифта.

– Проходите. У нас тут ремонт, так что никого нет. Вообще-то это не я арендую, а один из моих основных клиентов. Чтобы мы были, так сказать, всегда под рукой. Все крыло сняли. Тут грязновато, но в моем кабинете уже все закончили, так что прошу туда.

Кабинет оказался просторным – не кабинет даже, а целый офис. Они расселись вокруг длинного стола для совещаний, примыкавшего к рабочему месту Игоря Оскаровича, а Рат сел в дальнем углу, у стены. Игорь Оскарович приветливо улыбнулся и спросил:

– Чаю?

И не дожидаясь ответа, нажал на клавишу пульта, установленного на небольшой тумбе под левой рукой. Дверь распахнулась, и в кабинет вошел... Артур Александрович.

Данька окаменел. А Игорь Оскарович поднялся из-за стола и, раскинув руки, с радушной улыбкой двинулся навстречу Артуру Александровичу.

– Добрый день, а мы вас уже ждем...

В этот момент Барабанщица, как видно, заметившая состояние Даньки, двинула ему кулаком в бок.

– Что случилось, Джавецкий?

– Это... *он*, – судорожно сглотнув, хрипло сказал Данька.

– Кто? – удивленно переспросил Гаджет. Но Барабанщица уже все поняла. Она вскочила на ноги и оглянулась, как видно, подыскивая, чем бы огреть Игоря Оскаровича, загораживающего проход к двери, но вслед за Артуром Александровичем в кабинет протиснулось еще трое мужчин, а в проеме двери замаячили фигуры еще нескольких. Барабанщица качнулась на каблучках и... вlepила обернувшимся к ним Игорю Оскаровичу хлесткую пощечину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.